А.2
8/32

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія.

Новый исправленный переводъ
Московской Духовной Академіи.

А28/32

Книга 2.

Безплатное приложеніе къ журналу
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ за 1911 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

потому что тѣлесныя наслажденія заключаютъ въ себѣ болѣе болѣзненнаго, чѣмъ пріятнаго; супружество—безчадіе, вдовство—растлѣніе; земледѣліе — безплодіе; торговля — кораблекрушенія; богатства — козни; роскошь — пресыщеніе, и частыя наслажденія — разнаго рода болѣзни и многовидныя страсти. Взыскалъ Господа Павелъ, и не былъ лишенъ ни единаго блага; а между тѣмъ, кто исчислитъ тѣлесныя скорби, въ которыхъ онъ проводилъ всю свою жизнь? Трищи палицами біенъ, единою каменми наметанъ, трикраты корабль опровержеся съ нимъ, нощь и день во глубинѣ сотвори, въ путныхъ шествіихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ трудѣ и подвизѣ, и многократно въ нуждахъ (2 Кор. 11, 25—27). И что же? Человѣкъ, который до послѣдняго часа былъ алчущимъ и жаждущимъ, терпѣлъ наготу и страданія, ужели не лишенъ былъ тѣлесныхъ благъ? Посему возведи мысль твою къ истинному благу, чтобы уразумѣть тебѣ и согласіе Писанія, и самому себя не запутать обоюдностію понятій.

(12) Пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ. Это голосъ искренно расположеннаго учителя, съ отеческимъ благосердіемъ призывающаго къ ученію: потому что ученикъ есть духовное чадо учителя. Пріемлющій отъ другаго образованіе въ благочестіи какъ бы имъ созидается и приводится въ составъ, подобно тому, какъ въ утробѣ чревоносящей образуются младенцы. Посему и Павелъ всю Церковь Галатійскую, которая отпала отъ первопреподанныхъ ученій, и походила на недоношенный плодъ чрева, снова воспріемля, и Божіею силою воображая въ Галатахъ Христа, назвалъ чадами. И какъ онъ съ болѣзнями и скорбію производилъ исправленіе поколебавшихся, то посему и сказалъ, что болитъ душею, скорбя объ отпадшихъ. Чадца моя, имиже паки, болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ (Гал. 4, 19). И такъ пріидите чада, послушайте мене. Чему же хочетъ учить насъ духовный нашъ отецъ? Страху Господню, говоритъ онъ, научу васъ. Поелику выше заповѣдалъ бояться Господа, и показалъ выгоды страха, сказавъ, что нѣсть лишенія боящимся Его; то преподаетъ теперь нѣкоторый урокъ о страхѣ Господнемъ. Что нужно быть здоровымъ, это можетъ сказать всякій, даже невѣжда; но какъ должно пріобрѣтать здоровье, говорить объ этомъ—дѣло человѣка знающаго врачебное искусство. Не всякій страхъ благъ и спасителенъ, но есть страхъ вражій, о которомъ молится Пророкъ, чтобы онъ не приближался къ душѣ его, говоря: отъ страха вражія измии душу мою (Псал. 63, 2). Тотъ страхъ—вражій, который вдыхаетъ въ насъ боязнь смерти и который внушаетъ намъ страшиться преимущества лицъ. Ибо боящійся чего, возможетъ ли,

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
№ 1548
8/IV 1921 г.

во время мученичества, противостоять грѣху даже до смерти, и воздать долгъ умершему за насъ и воскресшему Господу? А также приводимый въ страхъ демонами имѣетъ въ себѣ страхъ вражій. И вообще такой страхъ кажется мнѣ немощію, порожденною невѣріемъ: ибо вѣрующій, что есть у него крѣпкій помощникъ, не страшится никого изъ усиливающихся возмутить его. А что же такое страхъ спасительный, страхъ освящающій, страхъ преднамѣренно, а не по немощи, поселяемый въ душѣ? Хочешь ли, объясню тебѣ свойства сего страха? Когда увлекаешься въ какой-нибудь грѣхъ: представь себѣ мысленно страшное и нестерпимое судилище Христово, гдѣ на высокомъ и превознесенномъ престолѣ возсѣдаетъ Судія, вся же тварь съ трепетомъ предстоитъ при славномъ Его явленіи, и каждый изъ насъ приводится на испытаніе содѣяннаго имъ въ жизни; потомъ къ совершившему въ жизни много худыхъ дѣлъ приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которыхъ и взоръ огненный, и дыханіе огненное, по жестокости ихъ воли, и лица подобны ночи, по унылости и человѣконенавидѣнію; потомъ непроходимая пропасть, глубокая тма, огонь несвѣтлый, который во тмѣ содержитъ попаляющую силу, но лишенъ свѣтозарности; потомъ какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающій съ жадностію, никогда ненасыщаемый, и своимъ пожираніемъ производящій невыносимыя болѣзни; потомъ жесточайшее изъ всѣхъ мученій—вѣчный позоръ и вѣчный стыдъ. Сего страшись, и симъ страхомъ вразумляемый, какъ бы нѣкоторою уздою, воздерживай душу отъ худыхъ пожеланій. Сему-то страху Господню обѣщалъ научить насъ отецъ; но научить не всѣхъ, а только желающихъ слушать его; не далеко отпадшихъ, но притекающихъ къ нему съ желаніемъ спастися; **не чуждыхъ отъ завѣтъ** (Еф. 2, 12), но чрезъ сыноположеніе крещенія содѣлавшихся присными Слову. Посему и говоритъ: **пріидите**, то есть добрыми дѣлами приближьтесь ко мнѣ, дѣти, удостоившіяся стать сынами свѣта чрезъ пакибытіе. **Послушайте вы**, у которыхъ отверсты уши сердца; **страху Господню научу васъ**, тому страху, который незадолго предъ симъ изобразило вамъ слово.

(13) **Кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?** Пророкъ спрашиваетъ: хочетъ ли кто жизни — не этой общей, которою живутъ и безсловесныя, но истинной, не пресѣкаемой и смертію? Ибо теперь, говоритъ онъ, вы умираете, и **животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ: егда же Христосъ явится, животъ вашъ: тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ** (Кол. 3, 3, 4). И такъ Христосъ есть истинная жизнь, и наша истинная жизнь есть пребываніе во Христѣ. Подобно сему и дни иные — **благи**, и на нихъ-то указываетъ Пророкъ въ своемъ провозглашеніи: **кто есть человѣкъ хотяй животъ, лю-**

бяй дни видѣти благи? Ибо дни вѣка сего злы, такъ какъ и вѣкъ сей, будучи мѣрою міра, о которомъ сказано, что міръ весь во злѣ лежитъ (1 Іоан. 5, 19), — и свойствами своими сообразенъ міру, имъ измѣряемому. А самые дни суть части сего времени; посему Апостолъ говоритъ: искупующе время, яко дніе лукави суть (Еф. 5, 16). И Іаковъ свидѣтельствуетъ: дніе лѣтъ моихъ малы и злы (Быт. 47, 9). Посему теперь мы — не въ жизни, но въ смерти. Потому и молится Апостолъ, говоря: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. 7, 24)? Но есть другая нѣкая жизнь, къ которой призываетъ насъ слово. И хотя настоящіе наши дни лукавы; однако же есть другіе дни, благи, которые не пресѣкаются ночью. Ибо для нихъ самъ Богъ будетъ вѣчнымъ свѣтомъ, озаряя ихъ сіяніемъ Своей славы. Посему когда слышишь о благихъ дняхъ, не думай, чтобы въ обѣтованіи говорено было тебѣ о здѣшней жизни; потому что тлѣнны тѣ дни, которые производитъ чувственное солнце; а тлѣнное не можетъ быть приличнымъ даромъ нетлѣнному. Но если душа нетлѣнна; то нетлѣнны должны быть и душевныя дарованія. И преходитъ образъ міра сего (1 Кор. 7, 31). Если Законъ имѣетъ въ себѣ тѣнь грядущихъ благъ; то представь себѣ какія-то радостотворныя и святыя субботы изъ дней вѣчныхъ новомѣсячій, праздники; но представь ихъ соотвѣтственно духовному закону!

(14) Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои, еже не глаголати льсти. Если хочешь имѣть дни благи, и любишь жизнь, то исполни заповѣдь жизни. Ибо сказано: любяй Мя, заповѣди Моя соблюдетъ (Іоан. 14, 21). Первая же заповѣдь: удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои, еже не глаголати льсти. Ибо грѣхъ, содѣваемый языкомъ, и на дѣлѣ весьма удобенъ и многообразенъ. Разгнѣвался ли ты? и языкъ предваряетъ. Похоть ли возобладала тобою? языкъ прежде всего служитъ тебѣ какъ бы переводчицей и переносчицей, которая помогаетъ во грѣхѣ и вводитъ въ искушеніе ближнихъ. Языкъ для тебя и оружіе неправды, если онъ не отъ сердца говоритъ, но для обмана другихъ. Но къ чему перечислять словомъ всѣ грѣхи, совершаемые языкомъ? Жизнь наша наполнена грѣхопаденіями языка: срамословіе, смѣхотворныя, глупыя, непристойныя рѣчи, пересуды, слово праздное, лживыя клятвы, ложныя свидѣтельства, — все это и гораздо еще большее число золъ суть произведеніе языка. А тѣ, которые отверзаютъ уста свои на поруганіе славы Божіей и неправду въ высоту глаголютъ (Псал. 72, 8), какимъ другимъ орудіемъ совершаютъ сіе нечестіе, какъ не орудіемъ языка! Итакъ, поелику отъ словесъ твоихъ осудишися (Матѳ. 12, 37); то удержи языкъ твой отъ зла, и не дѣлай сокровища

языкомъ лживымъ суетная (Притч. 21, 6). Удержи и устнѣ твои, еже не глаголати льсти, то есть сдѣлай, чтобы цѣлое орудіе, данное тебѣ на служеніе слову, было свободно отъ дѣйствій лукавыхъ. Лесть есть скрытное злодѣяніе противъ ближняго, совершаемое подъ личиною добра.

(15) Уклонися отъ зла, и сотвори благо: взыщи мира, и пожени и. Вотъ первоначальные совѣты и вступительные уроки благочестія: старайся преодолѣвать языкъ, воздерживаться отъ коварныхъ замысловъ, уклоняться отъ зла. Ибо не тому, кто совершенъ, прилично воздержаніе отъ зла, но только еще начинающему надлежитъ уклоняться отъ стремленія къ злу. И должно сперва, какъ отъ худаго пути, удалиться отъ привычки къ порочной жизни, а потомъ уже приступить къ совершенію добрыхъ дѣлъ. Потому что невозможно приняться за доброе, не отступивъ напередъ и совершенно не уклонившись отъ зла, какъ невозможно возвратить здоровья, не освободясь отъ болѣзни, или согрѣться прежде, нежели совершенно пройдетъ ознобъ. Все это одно съ другимъ не совмѣстно: такъ и тотъ, кто хочетъ вести добрую жизнь, долженъ свободиться отъ соприкосновенія съ зломъ.

Взыщи мира, и пожени и. О семъ мирѣ сказалъ Господь: миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ миръ, Азъ даю вамъ (Іоан. 14, 27). Посему взыщи мира Господня, и пожени и. А достигнешь его не иначе, какъ къ намѣренному гоня, къ почести вышняго званія (Фил. 3, 14). Ибо истинный миръ — горѣ; а доколѣ мы связаны съ плотію, неразлучно съ нами многое, что насъ возмущаетъ. Посему взыщи мира, то есть освобожденія отъ мятежей міра сего, пріобрѣти безмятежный умъ, невзволнованное, невозмущенное состояніе души, неколеблемое страстями, не увлекаемое ложными учніями, которыя своимъ правдоподобіемъ склоняютъ къ согласію, чтобы чрезъ сіе пріобрѣсти тебѣ миръ Божій, превосходяй всякъ умъ (Фил. 4, 7), и охраняющій твое сердце. Кто ищетъ мира, тотъ ищетъ Христа; потому что Той есть миръ нашъ, создавшій оба во единаго новаго человѣка, творяй миръ (Ефс. 2, 14. 15), и умиротворивый кровію креста Своего, аще небесная, аще ли земная (Кол 1, 20).

(16) Очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ. Какъ святые суть тѣло Христово и уды отъ части (1 Кор. 12, 27), и Богъ поставилъ ихъ въ Церкви, однихъ какъ бы глазами, другихъ устами, а иныхъ вмѣсто рукъ, или ногъ: такъ и святыя духовныя Силы, на небесахъ пребывающія, однѣ именуются очами

потому что имъ вѣрено надъ нами смотрѣніе, а другія — ушами, потому что пріемлютъ наши молитвы. Посему и теперь Силу надъ нами надзирающую и Силу пріемлющую молитвы Давидъ назвалъ очами и ушами. Очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ. Поелику всякое дѣло праведника достойно зрѣнія Божія, и всякое слово его, такъ какъ праведный не говоритъ ничего празднаго, сильно и дѣйственно; то посему Псаломъ увѣряетъ, что праведникъ всегда предъ взорами, и всегда бываетъ услышанъ.

(17) Лице же Господне на творящыя злая, еже потребити отъ земли память ихъ. Подъ лицемъ, какъ думаю, разумѣется открытое и явное пришествіе Господа на судъ. Почему и сказано, что очи Господа, какъ бы еще издали насъ назирающаго, приникаютъ на праведника; а самое лице явится, чтобы истребить на землѣ всякую память беззаконія. Но не представляй себѣ лица Божія въ тѣлесномъ образѣ. Ибо въ такомъ случаѣ можетъ показаться, что въ Писаніи сказано нѣчто несообразное, то есть, что особо очи сіяютъ на праведника, и особо лице обращено на порочныхъ; между тѣмъ какъ не возможны ни очи безъ лица, ни лице безъ очей. Не узритъ человѣкъ лице Господне и живъ будетъ (Исх. 33, 20). Но Ангелы, малыхъ въ церкви выну видятъ лице Отца нашего, Который на небесахъ (Мате 18, 10). Посему для насъ нынѣ по немощи облежащей насъ плоти, невмѣстимо зрѣніе славнаго явленія Божія; но Ангеламъ, которые не имѣютъ никакого покрова, подобнаго нашей плоти, ничто не препятствуетъ непрестанно взирать на лице славы Божіей. Почему, когда сдѣлаемся сынами воскресенія, тогда и мы будемъ удостоены знанія лицемъ къ лицу. Тогда праведные удостоятся лицезрѣнія Божія въ радости, а грѣшники—въ судѣ; потому что всякій грѣхъ будетъ истребленъ праведнымъ судомъ Божіимъ.

(18) Воззваша праведніи, и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избави ихъ. Взываніе праведныхъ есть мысленное, и оно въ потаенности сердца раздается велегласно, и можетъ достигать до самаго слуха Божія. Ибо кто проситъ великаго и молится о небесномъ, тотъ взываетъ, и возсылаетъ къ Богу молитву, которая бываетъ услышана. И такъ воззваша праведніи; взыскали не чего нибудь маловажнаго, земнаго, низкаго. Потому и Господь внялъ ихъ голосу, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избави ихъ, не столько освобождая ихъ отъ огорченій, сколько пріуготовляя къ тому, чтобы они были выше всего приключающагося.

(19) Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ. Господь ко всѣмъ приближается Своей благостію; но мы сами себя удаляемъ грѣхами. Ибо сказано: се

удаляющіи себе отъ Тебе, погибнутъ (72, 27). Почему о Моисеѣ говорится, что онъ приступалъ къ Богу (Исх. 24, 2); и если кто другой подобенъ Моисею, то своими доблестями и добрыми дѣлами дѣлается онъ близокъ къ Богу. Кромѣ того, слова сіи содержатъ въ себѣ пророчество о пришествіи Господа, и согласны съ предъидущими. Ибо тамъ сказано: лице Господне не творящыя злая, то есть явленіе Его на судѣ будетъ на погибель всякаго лукавства. А здѣсь, сказавъ: близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, Пророкъ возвѣщаетъ приближающееся же и недалеко отстоящее пришествіе Господа во плоти. И въ семъ можетъ убѣдить тебя сказанное въ пророчествѣ Исаіи: Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе (Исаіи 61, 1). Поелику посылаемъ былъ Врачъ для сокрушенныхъ сердцемъ; то сказано: близъ есть Господь. Вамъ говорю сіе, смиренные и сокрушившіе свое самомнѣніе, чтобы васъ обрадовать и ввести въ долготерпѣніе радостію ожидаемаго! Сокрушеніе же сердца есть истребленіе человѣческихъ помысловъ. Кто презрѣлъ настоящее, предалъ себя слову Божію, и владычественное въ себѣ предоставилъ помышленіямъ превыше-человѣческимъ и божественнымъ, тотъ будетъ имѣть сокрушенное сердце, и содѣлаетъ его жертвою, не уничижаемою отъ Господа. Сердце сокрушенно и смиренно Богъне уничижитъ (Псал. 50, 19). И такъ близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ. Кто чуждъ всякаго надменія, ни чѣмъ человѣческимъ не гордится, тотъ и сердцемъ сокрушенъ и духомъ смиренъ. Правда, смиренъ [1]) и тотъ, кто ходитъ во грѣхѣ, потому что ничто такъ не смиряетъ, какъ грѣхъ. Посему растлѣнную и потерявшую святыню дѣвства называемъ смиренною. Такъ сказано, что Амнонъ восталъ на Θамару и смири ю (2 Цар. 13, 14). Посему, которые утратили высокость и возвышеніе души, низложенные грѣхомъ на землю и какъ бы пригвожденные къ землѣ, изгибаются подобно пресмыкающемуся змію, и уже не въ силахъ прійдти совершенно въ прямое положеніе, тѣ смиренны, но не духомъ; почему смиреніе ихъ и не похвально. Но которые имѣютъ благодать Святаго Духа, тѣ добровольно смиряютъ себя предъ низшими, съ Апостоломъ называя себе самѣхъ рабами всякаго человѣка (2 Кор. 4, 5) о Христѣ, всѣмъ попраніемъ доселѣ, и говоря еще съ нимъ: якоже отреби міру быхомъ (1 Кор. 4, 13). Они употребляютъ смиреніе духовно, и дѣлаютъ себя послѣдними изъ всѣхъ, чтобы стать пер-

[1]) То есть униженъ.

выми изъ всѣхъ въ царствѣ небесномъ. Сихъ и Господь называетъ блаженными, говоря: блажени нищіи духомъ (Матѳ. 5, 3).

(20) Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь. Сказано: во всемъ скорбяще, но не стужающе си (2 Кор. 4, 8). Почему и Господь говоритъ Своимъ ученикамъ: въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. 16, 33). Посему, если видишь когда праведниковъ въ болѣзняхъ, съ поврежденными членами, покинутыхъ своими, въ ранахъ, въ безчестіи, въ совершенной скудости и лишеніи необходимаго; то помни, что многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь. А утверждающій, что скорбь не прилична праведнику, не иное что говоритъ, какъ одно съ утверждающимъ, будто бы борцу не приличенъ противоборникъ. Но борецъ, не выходящій на подвигъ, будетъ ли имѣть какой предлогъ къ полученію вѣнцовъ? Вотъ уже въ Псалмѣ семъ въ четвертый разъ говорится, какимъ образомъ Господь избавляетъ отъ скорби, если кого хочетъ избавить. Въ первый разъ: (5) взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Во вторый: (7) сей нищій воззва, и Господь услыша и, и отъ всѣхъ скорбей его спасе и. Въ третій: (18) воззваша праведніи, и Господь услыша ихъ. Въ четвертый, наконецъ: многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь.

(21) Хранитъ Господь вся кости ихъ, ни едина отъ нихъ сокрушится. Должно ли остановиться на голомъ реченіи, и удовольствоваться тѣмъ понятіемъ, какое всего скорѣе представляется нашему вниманію, то есть, что сіи кости, сіи опоры плоти, не сокрушатся у праведныхъ, по причинѣ охраненія, даннаго имъ отъ Господа? И до тѣхъ ли поръ, пока праведникъ живъ, и въ этомъ мірѣ, сохранятся кости его несокрушенными? Или и по разрѣшеніи отъ узъ тѣлесныхъ не встрѣтится причины къ сокрушенію костей праведника? Впрочемъ изъ опыта знаемъ, что сокрушены многія кости праведниковъ, которые за свидѣтельство о Христѣ предавали себя страданіямъ всякаго рода. Ибо гонители инымъ раздробили голени, другимъ многократно пронзали гвоздьми руки и голову. Между тѣмъ кто же станетъ отрицать, что скончавшіеся въ мученичествѣ всѣхъ праведнѣе? Напротивъ того не понимать ли такъ? Говорится: человѣкъ, а разумѣется душа и умъ человѣческій; такъ и члены цѣлаго человѣка называются подобо-именно съ частями тѣлесными. Такъ Писаніе многократно именуетъ члены внутренняго человѣка, напримѣръ, когда говоритъ: мудраго очи во главѣ его (Екклез. 2, 14), то есть, внутреннее мудраго прозорливо и осмотрительно. И еще Писаніе одина-

ково называетъ и духовные и плотскіе очи, не только въ приведенномъ нами изреченіи, но и въ словахъ: заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи (Псал. 18, 9). Что же сказать о семъ изреченіи: имѣяй уши слышати да слышитъ (Лук. 8, 8)? Извѣстно, что у нихъ уши совершенны и способны слышать словеса Божіи. Но не имѣющимъ такихъ ушей что сказано? Глусіи услышите, и слѣпіи прозрите (Иса. 12, 18). И еще: уста моя отверзохъ и привлекохъ духъ (Псал. 118, 131). И зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси (Псал. 3, 8). Ибо все сіе сказано о способностяхъ, служащихъ къ принятію мысленной пищи и мысленнаго слова. Подобны симъ реченія: чрево мое болитъ мнѣ (Іерем. 4, 19), и: нога праведнаго не поткнется (Притч. 3, 23). Ибо подобныя выраженія относятся къ внутреннему человѣку. На семъ же основаніи во внутреннемъ человѣкѣ можно представить себѣ и нѣкоторыя кости, которыми поддерживается связь и стройность между душевными силами. И какъ кости собственною твердостію ограждаютъ мягкость плоти; такъ и въ Церкви есть члены, которые, по своей твердости, могутъ носить на себѣ недостатки немощныхъ. И какъ кости соединяются между собою въ составъ сросшимися жилами и связями; такъ и союзъ любви и мира можетъ производить въ Церкви Божіей какое-то сращеніе и соединеніе костей духовныхъ. О сихъ-то костяхъ, лишенныхъ своего сочлененія и какъ бы вышедшихъ изъ составовъ, Пророкъ говоритъ: расточишася кости наши при адѣ (Псал. 140, 7). И если когда объемлетъ ихъ смятеніе и трепетъ, то молится, говоря: исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя (Псал. 6, 3). Но когда кости сіи, хранимыя Господомъ, соблюдаютъ свою стройность; тогда ни одна изъ нихъ не сокрушится, а напротивъ, онѣ дѣлаются достойными возносить славу Богу. Вся кости моя, говоритъ Пророкъ, рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ (Псал. 34, 10)? Видишь ли естество костей, имѣющихъ и даръ слова? Можетъ быть, и Церковь скажетъ то же: вся кости моя рекутъ, относя сіе къ таинству воскресенія. Ибо сказано: се глаголетъ Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоти, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь (Іез. 37, 5. 7). Сіи-то кости, воспріявшія жизнь, и воздающія благодареніе Воскресившему, рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ?

Не безъ причины присовокуплено: (20) смерть грѣшниковъ люта, потому что есть смерть праведныхъ, но она не люта, по природѣ своей, а добра. Умершіе со Христомъ пріобщались благой смерти и умершіе грѣху умерли смертію благою и спасительною. Между тѣмъ смерть

грѣшниковъ люта. Ибо ихъ по смерти постигаетъ мученіе, какъ и богатаго, который облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся по вся дни свѣтло (Лук. 16, 19).

И ненавидящіи праведнаго прегрѣшатъ. Они ненавидятъ праведника, потому что сами живутъ во грѣхахъ, а нравы праведника, какъ прямизна правила, обличаютъ ихъ при сличеніи съ совершеннымъ. И поелику живутъ во грѣхахъ; то, страшась обличенія, ненавистно обращаются съ праведникомъ. А поелику ненавидятъ его: то обременяютъ себя новыми грѣхами. Но много предлоговъ, по которымъ можетъ быть ненавидимъ праведный. И свобода въ обличеніяхъ, потому что ненавидятъ уврата наказующаго, и словомъ праведнымъ гнушаются (Амос. 5, 10), и желаніе первенства, и любоначаліе подвигли многихъ ненавидѣть достойнѣйшихъ; а иногда тоже производило и невѣдѣніе, что такое праведникъ, и кто праведенъ?

Смерть грѣшниковъ люта. Можетъ быть, и цѣлую жизнь Пророкъ называетъ смертію; потому что Апостолъ назвалъ сію плоть смертію, сказавъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. 7, 24)? А которые дѣлаютъ худое употребленіе изъ сего тѣла, и обращаютъ его на служеніе всякому грѣху, тѣ приготовляютъ себѣ лютую смерть.

(23) Избавитъ Господь души рабъ Своихъ, и не прегрѣшатъ вси уповающіи на Него. Поелику созданные на служеніе Господу содержались въ плѣненіи у врага; то ихъ души и избавитъ Господь честною Своею кровію. Посему никто изъ уповающихъ на Него не будетъ истязанъ во грѣхахъ.

Бесѣда на псаломъ сорокъ четвертый.

(1) Въ конецъ, о измѣняемыхъ[1]), сыномъ Кореовымъ въ разумъ, пѣснь о возлюбленнѣмъ. Кажется, что и сей Псаломъ ведетъ къ усовершенствованію человѣческой природы, и тѣмъ, которые вознамѣрились жить добродѣтельно, доставляетъ пользу для сей предположенной цѣли. Ибо для преуспѣвающихъ нужно ученіе объ усовершенствованіи, какое предлагаетъ сей Псаломъ, имѣющій надписаніе: въ конецъ, о измѣняемыхъ, гдѣ подразумѣвается: о людяхъ; потому что мы изъ всѣхъ разумныхъ существъ наиболѣе подлежимъ ежедневнымъ, и почти ежечаснымъ, измѣненіямъ и превращеніямъ. Мы не бываемъ тождественны сами съ собою ни по тѣлу, ни по душевному расположенію. Напротивъ того, тѣло наше непрестанно течетъ и разсѣвается, находится въ постоянномъ движеніи и превращеніи, то

[1]) Съ Греческаго: о измѣнитися хотящихъ.

возрастая изъ малаго въ большее, то сокращаясь изъ совершеннаго въ недостаточное. Ибо не одно и то же съ новорожденнымъ младенцемъ отрокъ, который ходитъ въ училище, и способенъ понимать искусства и науки. И опять, безспорно, иное съ отрокомъ—подрастающій юноша, который уже въ силахъ принимаѣся за дѣла отважныя. И отъ юноши отличается мужъ крѣпостію и величиною тѣла и полнотою разума. И опять, пришедшій въ зрѣлость и достигшій постояннаго возраста начинаетъ мало-по-малу чувствовать лишенія; тѣлесная бодрость незамѣтно у него оскудѣваетъ, тѣлесныя силы слабѣютъ, пока согбенный старостію не дойдетъ до послѣдняго упадка силъ. Такъ мы измѣняемы; а потому Псаломъ симъ словомъ премудро дѣлаетъ намекъ на насъ, человѣковъ. Ибо Ангелы не терпятъ измѣненія. Нѣтъ между ними ни отрока, ни юноши, ни старца, но въ какомъ состояніи сотворены въ началѣ, въ томъ они остаются, и составъ ихъ сохраняется чистымъ и неизмѣняемымъ. А мы измѣняемся и по тѣлу, какъ уже сказано, а также и по душѣ и по внутреннему человѣку, перемѣняя свои мысли вмѣстѣ съ предметами, непрестанно намъ встрѣчающимися. И мы инаковы, когда благодушествуемъ, когда все въ жизни идетъ у насъ удачно; инаковы въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, когда встрѣчаемъ что-нибудь вопреки своему желанію. Мы измѣняемся и отъ гнѣва, принимая на себя какой-то звѣрскій видъ; измѣняемся и отъ вожделѣній, дѣлаясь скотоподобными чрезъ сластолюбивую жизнь. Кони женонеистовни сотворишася воспламененные страстію къ женѣ ближняго (Іер. 5, 8). Коварный уподобляется лису, какъ Иродъ (Лук. 13, 32). А безстыдный называется псомъ [1]), какъ Навалъ Кармильскій. Видишь ли, какъ разнообразно и многовидно наше измѣненіе? Подивись же Тому, Кто такъ прилично примѣнилъ къ намъ сіе наименованіе! Посему, какъ мнѣ кажется, одинъ изъ толковниковъ [2]) хорошо и удачно выразилъ ту же мысль другимъ наименованіемъ, вмѣсто: о измѣняемыхъ, сказавъ: о лиліяхъ. Скорое увяданіе цвѣтовъ почелъ онъ приличнымъ примѣнить къ бренности человѣческаго естества.

Но поелику слово поставлено въ будущемъ времени; ибо сказано: о тѣхъ, которые измѣнятся, какъ будто сіе измѣненіе произойдетъ съ нами впослѣдствіи: то посмотримъ, не указываетъ ли оно намъ на мысль о воскресеніи, въ которомъ дано будетъ намъ измѣненіе, и измѣненіе въ состояніе лучшее и духовное? Ибо сказано: сѣется въ тлѣніе, возстаетъ въ нетлѣніи (1 Кор. 15, 42—44). Тогда измѣнится вмѣстѣ съ нами и вся чувственная тварь. Ибо и небеса яко риза

---

[1]) 1 Цар. 25, 3. По славянскому переводу: человѣкъ звѣронравенъ; Семидесяти: ὁ ἄνθρωπος κυνικός.

[2]) Аквила.

обѣтшаютъ, и яко одежду свіетъ ихъ Богъ, и измѣнятся (Псал. 101, 27). Тогда, по слову Исаіи, и солнце сдѣлается въ седмь кратъ больше себя самого, а луна величиною, какъ нынѣ солнце (Ис. 30, 26). Поелику же словеса Божіи писаны не для всѣхъ, а только для тѣхъ, которые имѣютъ уши по внутреннему человѣку, то Пророкъ, и надписалъ: о измѣняемыхъ, какъ думаю, о тѣхъ, которые заботятся о себѣ самихъ, и чрезъ упражненіе въ благочестіи непрестанно болѣе и болѣе преуспѣваютъ. Ибо это есть прекраснѣйшее измѣненіе, какое даруетъ намъ десница Вышняго. Такое измѣненіе сознавалъ въ себѣ и блаженный Давидъ, когда, вкусивъ благъ добродѣтели, простирался впередъ. Ибо что говоритъ? И рѣхъ: нынѣ начахъ: сія измѣна десницы Вышняго (Пс. 76, 11). Посему для преуспѣвающаго въ добродѣтели нѣтъ мгновенія, въ которое бы онъ не измѣнялся. Ибо сказано: егда бѣхъ младенецъ, глаголахъ яко младенецъ, мудрствовахъ яко младенецъ, смышляхъ яко младенецъ егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая (1 Кор. 13, 11). И опять, сдѣлавшись мужемъ, не прекратилъ своей дѣятельности, но задняя забывая, въ предняя же простираяся, къ намѣренному текъ, къ почести вышняго званія (Филип. 2, 13. 14). Посему и то — измѣненіе, когда внутренній человѣкъ со дня на день обновляется.

Поелику же Пророкъ хочетъ возвѣстить намъ о Возлюбленнѣмъ, Который принялъ на себя домостроительство воплощенія для насъ, достойныхъ такой милости; то говоритъ, что пѣснь сія дана сыномъ Кореовымъ. Ибо это пѣснь, а не псаломъ; и потому была передана однимъ голосомъ и только стройнымъ пѣніемъ, безъ сопровожденія звуками органа. Пѣснь же о Возлюбленнѣмъ. И толковать ли тебѣ, какого Возлюбленнаго разумѣетъ слово? Или и прежде моихъ словъ знаешь это, помня объ упоминаемомъ въ Евангеліи гласѣ: Сей есть Сынъ Мой Возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте (Матѳ. 17, 5)? Онъ возлюбленъ Отцемъ, какъ Единородный; возлюбленъ всею тварею, какъ человѣколюбивый Отецъ и благій Предстатель. А возлюбленное и благое въ существѣ своемъ одно и то же. Посему нѣкоторые хорошо опредѣлили, назвавъ благимъ то, чего всѣ желаютъ. Но не всякій можетъ достигнуть совершенства любви и познать истинно-Возлюбленнаго, а только тотъ, кто совлекся уже ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ (Ефес. 4, 22), и облекся въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго (Кол. 3, 10). Кто любитъ деньги, воспламеняется тлѣнною тѣлесною красотою, предпочитаетъ настоящую славу, тотъ, истощивъ силу любви, на что не слѣдовало, дѣлается

слѣпъ къ созерцанію истинно-Возлюбленнаго. Посему сказано: возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ (Марк. 12, 30). Слово всѣмъ не допускаетъ удѣленія любви на другіе предметы. Ибо сколько истратишь любви на земные предметы, столько, по необходимости, не достанетъ у тебя въ цѣломъ. Посему-то не многіе изъ людей наименованы друзьями Божіими, какъ Моисей, о которомъ написано, что онъ другъ Божій (Исх. 33, 11), и какъ Іоаннъ. Ибо сказано: другъ Жениховъ, стоя, радостію радуется (Іоан. 3, 29), то есть, кто имѣетъ твердую и непоколебимую любовь ко Христу, тотъ достоинъ Его дружбы. Посему и Господь уже достигшимъ совершенства ученикамъ говоритъ: не ктому васъ глаголю рабы, но други, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его (Іоан. 15, 15). И такъ совершенному возможно познать истинно-Возлюбленнаго. И дѣйствительно, одни святые суть друзья Божіи и друзья другъ другу, а всякій порочный и невѣжда — не другъ; потому что блага дружбы не совмѣстны съ худымъ расположеніемъ сердца. Почему безобразное и нестройное не можетъ прійдти въ согласіе дружбы. Ибо зло противоборственно не только добру, но и самому себѣ.

Но уже приступимъ къ истолкованію пророческихъ словъ:

(2) Отрыгну сердце мое слово благо. Иные полагали, что сіе говорится отъ лица Отца о Словѣ, Которое было въ началѣ у Отца, и Которое, говорятъ они, Отецъ извелъ какъ бы изъ сердца, изъ самой утробы; и отъ благаго сердца произошло Слово благо. А мнѣ кажется, что слова сіи относятся къ лицу пророческому: потому что послѣдующія слова не оправдываютъ сего толкованія объ Отцѣ. Отецъ не могъ бы сказать о Своемъ языкѣ: языкъ Мой трость книжника скорописца. (3) Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ. Потому что не сравнительно съ человѣками имѣетъ Онъ превосходство красоты. И далѣе говоритъ: (8) сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости. Не сказалъ: помазахъ Тя Богъ Твой, но — помаза Тя; изъ чего видно, что иное есть лице говорящее. Кто же это лице, какъ не Пророкъ, ощутившій дѣйствіе на него Духа Святаго? Онъ говоритъ: отрыгну сердце мое слово благо. Отрыжка есть внутренній воздухъ, при варенiи пищи изъ расторгшихся пузырьковъ поднимающійся вверхъ: и напитанный хлѣбомъ живымъ, сшедшимъ съ небеси и дающимъ жизнь міру, насыщенный всякимъ глаголомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, то есть, по обыкновенному въ Писаніи иносказанію, душа напитанная священными ученіями, даетъ отрыжку сообразную пищѣ. А какъ пища была словесная и добрая, то Пророкъ отрыгаетъ слово благо. Благій человѣкъ

отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое (Матѳ. 12, 35). Будемъ и мы искать пищи въ словѣ къ насыщенію душъ своихъ (ибо сказано: праведный ядый насытитъ душу свою, Прит. 13, 26), чтобы сообразно съ тѣмъ, что напитало насъ, произносить намъ не какое либо слово, но слово благо. Человѣкъ лукавый, напитанный нечестивыми ученіями, отрыгаетъ изъ сердца слово лукавое. Не видишь ли, что отрыгаютъ уста еретиковъ? Подлинно нѣчто отвратительное и смрадное, изобличающее, какъ сильна и глубока болѣзнь ихъ несчастныхъ! Ибо лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища сердца своего износитъ лукавая. Посему чешемъ слухомъ (2 Тим. 4, 3), не избирай себѣ такихъ учителей, которые могутъ произвести болѣзнь въ твоей внутренности, и сдѣлать, что отрыгнешь слова лукавыя, за которыя будешь осужденъ въ день суда. Ибо сказано: отъ словесъ своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися (Матѳ. 12, 37).

Глаголю азъ дѣла моя Цареви. И сіе изреченіе, конечно, ведетъ насъ къ мысли о лицѣ пророческомъ. Глаголю азъ дѣла моя Цареви, — это значитъ: признаюсь предъ судіею, и обнаруженіемъ собственныхъ дѣлъ своихъ предварю обвинителя. Ибо мы пріяли такую заповѣдь: глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися (Иса. 43, 26). Языкъ мой трость книжника скорописца. Какъ трость есть орудіе письменности, когда опытная рука движетъ ею для начертанія написуемаго, такъ и языкъ праведника, когда Святый Духъ имъ движетъ, погружаемый не въ чернилѣ, но въ Духѣ Бога Живаго, на сердцахъ вѣрующихъ написываетъ слова вѣчной жизни. Посему Духъ Святый есть книжникъ, потому что премудръ и всѣхъ научаетъ, и скорописецъ, потому что быстро движеніе мысли. Пишетъ же въ насъ Духъ помышленія, не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ (2 Кор. 3, 3). А по мѣрѣ широты сердца, Духъ пишетъ на сердцахъ болѣе или менѣе; по мѣрѣ предуготовительной чистоты, пишетъ или для всѣхъ явственно, или неявственно. По скорости же написуемаго, цѣлая уже вселенная наполнена благовѣстіемъ.

Слѣдующія же за симъ слова, кажется мнѣ, должно принять за начало особой рѣчи, и не связывать ихъ съ предъидущими, но приложить къ послѣдующимъ. Ибо слова: красенъ добротою, какъ думаю, чрезъ обращеніе говорящаго, сказаны ко Господу.

(3) Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ, изліяся благодать во устнахъ Твоихъ. Къ этой мысли приводятъ насъ Аквила и Симмахъ. Первый говоритъ: Ты украшенъ красотою паче сыновъ человѣческихъ; а Симмахъ: Ты прекрасенъ

красотою паче сыновъ человѣческихъ. Посему краснымъ добротою Пророкъ называетъ Господа, приникнувъ въ Его Божество, потому что воспѣваетъ не красоту Его плоти. Ибо видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Иса. 53, 3). Изъ сего явно, что Пророкъ, созерцая свѣтозарность Господа, и объятый ея сіяніемъ, душевно уязвленный сею добротою, подвигся божественною любовію къ мысленной красотѣ. А когда она явится душѣ человѣческой, тогда все дотолѣ любимое окажется гнуснымъ и презрѣннымъ. Посему и Павелъ, когда увидѣлъ Краснаго добротою, вся вмѣнилъ за уметы, да Христа пріобрящетъ (Филип. 3, 8). И хотя чуждые слову истины проповѣдь Евангельскую называютъ юродствомъ, уничтожая за простоту рѣчи въ Писаніи: но мы, которые хвалимся крестомъ Христовымъ, которымъ открыто Духомъ, яже отъ Бога дарованная намъ, не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесехъ (1 Кор. 2, 13), мы знаемъ, что въ ученіи о Христѣ изліялось на насъ отъ Бога богатство благодати. Посему-то въ короткое время проповѣдь обтекла почти цѣлую вселенную; ибо обильная и щедрая благодать излита на проповѣдниковъ Евангелія, которыхъ Писаніе наименовало и устнами Христовыми. Посему-то проповѣдь Евангельская въ своихъ, презираемыхъ иными, реченіяхъ заключаетъ много убѣдительнаго и влекущаго ко спасенію. И всякая душа препобѣждается непреложными догматами, будучи утверждаема благодатію въ непоколебимой вѣрѣ во Христа. Посему и говоритъ Апостолъ: Имже пріяхомъ благодать и апостольство въ послушаніе вѣры (Рим. 1, 5). И еще: паче всѣхъ ихъ потрудихся, не азъ же, но благодать Божія, яже со мною (1 Кор. 15, 10).

Изліяся благодать во устнахъ Твоихъ: сего ради благослови Тя Богъ во вѣкъ. Въ Евангеліи написано, что дивляхуся о словесѣхъ благодати, исходящихъ изъ устъ Его (Лук. 4, 22). Посему Псаломъ, чтобы яснѣе представить множество благодати въ словахъ Господа нашего, выразительно говоритъ: изліяся благодать во устнахъ Твоихъ. По неистощимости благодати въ словѣ, благослови Тя, сказано, Богъ во вѣкъ. Очевидно, что сіе должно относить къ человѣчеству, такъ какъ оно преспѣваетъ премудростію и возрастомъ и благодатію (Лук. 2, 52). Относительно къ одному человѣчеству разумѣемъ, что благодать дана Ему, какъ награда за Его доблести. Подобное сему выражается въ словахъ: (8) возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя,

Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ. Близко къ сему и написанное Павломъ къ Филиппійцамъ: смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе (2, 8. 9). Изъ сего видно, что сіе говорится о Спасителѣ, какъ о человѣкѣ. Или, поелику Церковь — тѣло Господне, и Господь — Глава Церкви; и какъ служители небеснаго слова, по сказанному выше, суть устнѣ Христовы (напр. Павелъ имѣлъ глаголющаго въ себѣ Христа 2 Кор. 13, 3, а тоже имѣетъ и всякій подобный Павлу по добродѣтели), такъ и всѣ мы вѣрующіе, каждый самъ по себѣ, составляемъ прочіе члены тѣла Христова: то не погрѣшитъ, кто благословеніе, данное Церкви, отнесетъ къ самому Господу. Посему слова: благослови Тя Богъ, значатъ: члены Твои и тѣло Твое исполнилъ Богъ Своими благами во вѣкъ, то есть до безконечности.

(4) Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, (5) Красотою Твоею и добротою Твоею. Думаемъ, что сіе въ переносномъ смыслѣ относится къ живому Слову Божію, чтобы Оно соединилось съ плотію, къ Слову, Которое дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ (Евр. 4, 12). Ибо бедро есть символъ родотворной силы. Сказано: сіи души, яже изыдоша изъ чреслъ Іакова (Быт. 46, 26). Посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ есть жизнь, путь, хлѣбъ, виноградная лоза, истинный свѣтъ, и именуется другими многими именами, такъ есть и мечъ, который отсѣкаетъ страстную часть души и убиваетъ похотливыя движенія. Потомъ, поелику Богъ-Слово имѣлъ вступить въ соединеніе съ немощію плоти, то весьма кстати присовокуплено: Сильне. Ибо это — величайшее доказательство силы, что Богъ возмогъ быть въ человѣческомъ естествѣ. Силу Слова-Бога не столько доказываетъ созданіе неба, земли, моря, воздуха, произведеніе величайшихъ стихій, и все, что ни представимъ премірнаго и преисподняго, сколько домостроительство вочеловѣченія и снисхожденіе къ уничиженному и немощному человѣчеству. Красотою Твоею и добротою Твоею. Красота отлична отъ доброты. Красивымъ называется, что въ свое время пришло въ полную свою зрѣлость. Такъ прекрасна пшеница, когда поспѣла для жатвы. Прекрасенъ плодъ виноградный, когда онъ съ теченіемъ годовыхъ временъ, переваривъ въ себѣ соки, достигъ совершенства и сталъ годенъ къ наслажденію. А доброта есть стройность въ сложеніи членовъ, производящая собою привлекательность. Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Силь-

не, красотою Твоею, то есть при исполненіи временъ, и добротою Твоею, то есть, созерцаемымъ и умопредставляемымъ Божествомъ. Ибо Оно дѣйствительно есть доброта, превышающая все разумѣніе человѣческое и всѣ силы человѣческія, и созерцаемая однимъ умомъ. Познали доброту Его ученики Его, которымъ Онъ наединѣ разрѣшалъ притчи. Видѣли доброту Его Петръ и сыны Громовы на горѣ, видѣли доброту, которая была свѣтлѣе свѣтлости солнечной, и удостоились узрѣть очами предначатіе славнаго Его пришествія.

И наляцы, и успѣвай, и царствуй. То есть, начавъ попеченіе свое о человѣкахъ воплощеніемъ, содѣлай сіе попеченіе усильнымъ, непрерывнымъ и неослабнымъ. Это проложить путь и доставить успѣхъ проповѣди, и всѣхъ покорить Твоему царству. Да не удивляетъ же насъ, что говорится повелительно: успѣвай, по обыкновенію Писанія, которое всегда такъ выражаетъ желанія. Да будетъ воля Твоя, вмѣсто — буди. Да пріидетъ царствіе Твое, вмѣсто — пріиди.

Истины ради и кротости и правды: и наставитъ Тя дивно десница Твоя. Опять слово употребляетъ подобный прежнему оборотъ рѣчи, будто бы это, то есть успѣвать и царствовать, Господь пріемлетъ въ награду за истину и кротость и правду. Должно же разумѣть сіе такъ: поелику у людей все превращено ложью; то, чтобы посѣять истину, царствуй надъ человѣками, надъ которыми царствуетъ грѣхъ, ибо Ты — Истина. Кротости ради, — чтобы Твоимъ примѣромъ всѣ были приведены къ справедливости и благости. Посему-то Господь сказалъ: научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. 11, 29). Доказательство же кротости представилъ въ Своихъ дѣлахъ: укоряемый — молчалъ; ударяемый — терпѣлъ. И наставитъ тя дивно десница Твоя; не столпъ облачный, не огненное озареніе, но собственная десница Твоя будетъ Твоимъ путеводствомъ.

(6) Стрѣлы Твоя изощрены, Сильне. Изощренныя стрѣлы Сильнаго — это мѣткія слова, которыя, достигая до сердца слушателей, поражаютъ и уязвляютъ чувствительныя души. Ибо сказано: словеса мудрыхъ, якоже остны воловыя (Еккл. 12, 11). Посему и Псалмопѣвецъ молясь нѣкогда объ избавленіи его отъ современныхъ коварныхъ людей, въ уврачеваніе языка льстива проситъ изощренныхъ стрѣлъ Сильнаго. Но проситъ также и углей пустынныхъ (Псал. 119, 4), чтобы кого, по окамѣненію сердца, не касаются стрѣлы слова, для тѣхъ готово было мученіе, которое и назвалъ углями пустынными. Для тѣхъ, которые сами себя лишили Бога, необходимо уготовленіе пустынныхъ углей. Нынѣ же стрѣ-

лы Твоя изощрены. Сими стрѣлами уязвляются души, воспріявшія вѣру и распаленныя сильною любовью къ Богу. Онѣ говорятъ подобно невѣстѣ: уязвлена есмь любовію азъ (Пѣсн. Пѣсн. 2, 5). Неисповѣдимая же и неизреченная доброта Слова — это красота премудрости, и знакъ Божій во образѣ Его. Посему блаженны любозрители истинной доброты. Какъ привязанные къ ней любовію, и воспламеня въ себѣ любовь небесную и блаженную, они забываютъ родныхъ и друзей, забываютъ свой домъ и имѣніе, не помнятъ даже о тѣлесной потребности ѣсть и пить, но преданы единой и чистой любви. Подъ изощренными стрѣлами можешь разумѣть и посланныхъ сѣять Евангеліе въ цѣлой вселенной; они по своей изощренности сіяли дѣлами правды и неощутительно проникали въ души поучаемыхъ. Сіи-то стрѣлы, посланныя повсюду, пріуготовили народы къ тому, что они пали къ стопамъ Христовымъ. Но мнѣ кажется, что съ большею послѣдовательностію мыслей возстановится рѣчь чрезъ перестановку словъ, такъ что выйдетъ слѣдующій смыслъ: наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Твоя, и людіе подъ Тобою падутъ; потому что стрѣлы Твоя изощрены въ сердцы враг Царевыхъ. Ни одинъ богоборецъ, и кичливый, и гордый, не падаетъ ницъ предъ Богомъ; но падаютъ тѣ, которые пріяли послушаніе вѣры. Стрѣлы же, падшія въ сердца прежде бывшихъ враговъ Царевыхъ, влекутъ ихъ къ желанію истины, влекутъ ихъ ко Господу, чтобы бывшіе врагами Богу примирились съ Нимъ по ученіи.

(7) Престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего. (8) Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ. Поелику Пророкъ много уже говорилъ, обращаясь къ человѣчеству во Христѣ, то возводитъ теперь слово свое на высоту славы Единороднаго. Престолъ Твой, Боже, говоритъ онъ, въ вѣкъ вѣка, то есть царство Твое за предѣлами вѣковъ и упреждаетъ собою всякую мысль. И весьма кстати, по покорении народовъ, Пророкъ воспѣваетъ великолѣпіе царства Божія. Жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего. Для того Пророкъ и далъ Ему собственное Его именованіе, ясно назвавъ Богомъ: престолъ Твой, Боже. Жезлъ Божій есть жезлъ вразумляющій. Но вразумляя, ведетъ за собою суды правые, а не уклоняющіеся отъ правды. Посему жезлъ царствія Его и называется жезломъ правости. Аще оставятъ сынове Его законъ Мой, и въ судьбахъ Моихъ не пойдутъ: посѣщу жезломъ беззаконія ихъ (Пс. 88, 31. 33). Видишь ли

праведный судъ Божій? Не на всякаго употребляется жезлъ, но только на грѣшниковъ. Но жезлъ сей называется и жезломъ утѣшенія. Ибо сказано: жезлъ Твой и палица Твоя, та Мя утѣшиста (Пс. 22, 4). Онъ называется также и жезломъ сокрушенія: упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосудъ скудельничь сокрушиши я (Пс. 2, 9). Но перстное и бренное сокрушается ко благу пасомыхъ, такъ какъ предается во изможденіе плоти, да духъ спасется (1 Кор. 5, 5).

Сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ. Поелику прообразовательное помазаніе долженствовало указывать на то, что самые архіереи и цари служили также прообразованіемъ: то плоть Господня была помазана истиннымъ помазаніемъ, сошествіемъ на нее Святаго Духа, Который именуется елеемъ радости. Господь же помазанъ паче причастникъ Своихъ, то есть, болѣе всѣхъ людей имѣющихъ участіе со Христомъ. Ибо имъ дается нѣкоторое частное общеніе Духа: на Сына же Божія сошедшій Духъ Святый, какъ говоритъ Іоаннъ, пребысть на Немъ (Іоан. 1, 32). Прекрасно Духъ именуется елеемъ радости. Ибо одинъ изъ плодовъ, возращаемыхъ Духомъ Святымъ, есть радость. Поелику же слово о Спасителѣ у Пророка касается вмѣстѣ и Божескаго естества, и домостроительства вочеловѣченія; то, опять обращая взоры на человѣчество Бога, говоритъ: возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе, желая тѣмъ сказать: прочіе люди трудами, подвигами, внимательностію достигаютъ нерѣдко расположенія къ добру, и отвращенія отъ зла; а въ Тебѣ есть естественное сродство съ добромъ и отчужденіе отъ беззаконія. Но и намъ, если захотимъ, не трудно пріобрѣсть любовь къ правдѣ и ненависть къ беззаконію. Ибо на пользу разумной душѣ даровалъ Богъ всѣ способности, какъ способность любить, такъ и способность ненавидѣть, чтобы управляемые разумомъ любили мы добродѣтель, и ненавидѣли порокъ. Бываютъ же случаи, когда похвально оказывать ненависть. Не ненавидящія ли Тя, Господи, возненавидѣхъ; и о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я (Пс. 138, 21. 22).

(9) Смирна и стакти и касіа отъ ризъ Твоихъ, отъ тяжестей слоновыхъ, изъ нихже возвеселиша Тя (10) Дщери царей въ чести Твоей. Пророческое слово, нисходя по порядку, и описавъ предварительно дѣла домостроительства, при озареніи Духа, открывающаго Пророку сокровенное, доходитъ наконецъ до страданій. Сказано: смирна и стакти и касіа отъ ризъ Твоихъ. Что смирна есть символъ погребенія, научаетъ насъ

Евангелистъ Іоаннъ, сказывая, что Іосифъ Аримаѳейскій при погребеніи употребилъ смирну и алоэ (Іоан. 19, 32). А стакти есть тончайшій видъ смирны. При выжиманіи сего благовоннаго вещества, что бываетъ въ немъ жидкаго, отдѣляется въ стакти, а что остается густаго, называется смирною. Посему и благоуханіе Христово благоухаетъ какъ смирна, по причинѣ Его страданій, и какъ стакти, потому что Онъ не недвижимъ, и не бездѣйственъ оставался въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей, но нисходилъ во адъ ради домостроительства воскресенія, чтобы исполнить все, что Ему надлежало. Благоухаетъ же касіею; потому что касія есть весьма тонкая и благовонная кора, облекающая собою древесный стволъ. И можно думать, что пророческое слово именемъ касіи глубокомысленно и премудро указало намъ на крестное страданіе, воспринятое въ благодѣяніе всей твари. Посему видишь смирну, по причинѣ погребенія,—стакти, по причинѣ сошествія во адъ (ибо каждая ея капля стремится внизъ), и касію, по причинѣ домостроительства, совершеннаго плотію на крестѣ.

По сей-то причинѣ говоритъ Пророкъ: возвеселиша Тя дщери царей въ чести Твоей. Но какія же это дщери царей, какъ не благородныя, великія и царственныя души? Познавъ Христа по нисхожденію Его къ человѣчеству, онѣ возвеселиша Его въ чести Его, въ истиной вѣрѣ и совершенной любви, прославляя Его Божество. О благоуханіяхъ же сихъ, то есть о приточномъ словѣ и объ устроеніи ученій, Пророкъ говоритъ, что они нескудны были на ризахъ Христовыхъ, но разносились по всѣмъ зданіямъ. Ибо подъ тяжестями разумѣетъ огромные домы; а тѣмъ, что они были построены изъ слоновой кости, какъ думаю, показываетъ богатство любви Христовой къ міру.

Предста царица одесную Тебѣ, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена. Пророкъ говоритъ уже о Церкви, о которой узнаемъ изъ Пѣсни Пѣсней (6, 8), что единa есть совершенная голубица Христова, которая пріемлетъ на десную страну Христову содѣлавшихся извѣстными по своимъ добрымъ дѣламъ, различая ихъ отъ людей негодныхъ, какъ пастырь различаетъ овецъ отъ козлищъ. Итакъ предстоитъ царица, то есть душа, сочетанная съ Женихомъ-Словомъ, не обладаемая грѣхомъ, но содѣлавшаяся причастницею царства Христова, предстоитъ одесную Спасителя въ ризахъ позлащенныхъ, то есть великолѣпно и священнолѣпно украшающая себя ученіями духовными, сотканными и преиспещренными. Поелику догматы—не одного рода, но различны и многообразны, объемлютъ собою ученія естественныя, нравственныя и таинственныя; то Псаломъ говоритъ, что ризы невѣсты преиспещрены.

(11) Слыши, дши, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего. (12) И возже

лаетъ Царь доброты твоея: зане Той есть Господь твой, и поклонятся[1]) Ему. Призываетъ Церковь къ слышанію и исполненію заповѣдуемаго, и называя ея дщерію, симъ наименованіемъ вводитъ въ свойство съ Собою, какъ бы по любви присвояя ей право быть чадомъ. Слыши, дщи, и виждь. Слово виждь учитъ ее имѣть умъ пріобученный къ созерцанію. Обозри тварь, и воспользовавшись порядкомъ въ ней видимымъ, восходи такимъ образомъ къ созерцанію Творца. Потомъ, смиряя ей высокую выю гордыни, говоритъ: приклони ухо твое. Не прибѣгай къ языческимъ вымысламъ, но пріими смиренное слово въ Евангельскомъ ученіи. Приклони ухо твое къ преподаваемымъ въ немъ наставленіямъ, чтобы забыть тѣ дурные обычаи и отеческія ученія. Посему забуди люди твоя, и домъ отца твоего. Ибо всякій творяй грѣхъ, отъ діавола есть (1 Іоан. 3, 8). Отринь ученія демонскія, забудь жертвы, ночныя ликовствованія, басни разжигающія на блудодѣяніе и на всякую нечистоту. Для того наименовалъ Я тебя Своею дочерью, чтобы ты возненавидѣла прежняго отца своего, который родилъ тебя на погибель. Если забвеніемъ сгладишь съ себя пятна лукавыхъ ученій; то, возвративъ себѣ собственную свою красоту, окажешься вожделѣнною для Жениха и Царя. Зане Той есть Господь твой, и поклонятся Ему. Словами: Той есть Господь твой, Пророкъ показываетъ необходимость повиновенія. Поклонятся же Ему всѣ твари. Ибо о имени Іисуса Христа всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2, 10).

(13) И дщи Тирова съ дары: лицу твоему помолятся богатіи людстіи. Кажется, что въ Хананейской странѣ идолопоклонству предавались съ особеннымъ усердіемъ. А главный городъ Хананеи—Тиръ. Посему пророческое слово, убѣждая Церковь къ повиновенію, говоритъ, что и дщи Тирова прійдетъ нѣкогда съ дарами. И лицу твоему богатіи людстіи поклонятся съ дары. Не сказалъ: тебѣ поклонятся съ дары, но — лицу твоему. Ибо не Церковь пріемлетъ поклоненіе, но глава Церкви—Христосъ, Котораго Писаніе наименовало Лицемъ.

(14) Вся слава дщери Царевы внутрь: рясны златыми одѣяна, и преиспещрена. (15) Приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея. Поелику она очистилась отъ лукавства древнихъ ученій, повинуясь наставленію, забывъ люди своя и домъ отца своего; то Духъ Святый описываетъ ея качества. И поелику видитъ сокровенную ея чистоту; говоритъ: вся слава дщери Ца-

[1]) У Седмидесяти и въ Славянскомъ переводѣ читается: „и поклонишася Ему“.

ревы, то есть Христовой невѣсты, которая чрезъ сыноположеніе стала уже дщерію Царю, внутрь. Псаломъ убѣждаетъ насъ вступить во внутреннѣйшія тайны славы Церковной; потому что красота невѣсты есть внутренняя. Ибо кто благоукрашаетъ себя для Отца, видящаго въ тайнѣ (Мате. 6, 4), и молится, и все дѣлаетъ не на показъ людямъ, но чтобы только быть видимымъ Единому Богу, то имѣетъ всю славу внутрь, какъ и дщерь Царева. Посему и рясны златыя, которыми она одѣяна и преиспещрена, также внутрь. Ничего не ищи въ наружномъ золотѣ, или въ тѣлесномъ преиспещреніи, но представь себѣ одѣяніе, достойное украшать созданнаго по образу Творца, какъ говоритъ Апостолъ: совлекшеся ветхаго человѣка, и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго (Кол. 3, 9. 10). И кто облекся во утробы щедроты, благость, смиренномудріе, долготерпѣніе, кротость (12), тотъ облеченъ внутренно, украшенъ по внутреннему человѣку. И Господомъ Іисусомъ совѣтуетъ облещися Павелъ (Рим. 13, 14), не по внѣшнему человѣку, но такъ, чтобы умъ нашъ покрывало памятованіе о Богѣ. И думаю, что тогда изготовляется ткань духовной одежды, когда къ назидательному слову присовокупляются и дѣла съ нимъ сообразныя. Какъ, въ основу вплетая утокъ, ткутъ одежду для тѣла; такъ, когда за предваряющимъ словомъ слѣдуютъ сообразныя съ нимъ дѣла, уготовляется симъ благолѣпная одежда душѣ, имѣющей вполнѣ и словомъ и дѣломъ добродѣтельную жизнь. А рясны привѣшиваютъ къ одеждѣ; и ихъ должно понимать также въ духовномъ смыслѣ; почему и называются онѣ златыми. Поелику слово обширнѣе дѣла; то оно составляетъ какъ бы нѣкія рясны, которые спущены внизъ съ ткани дѣятельности. За невѣстою же Господнею слѣдуютъ нѣкоторыя души, не пріявшія къ себѣ сѣменъ чуждаго ученія; и онѣ-то приведутся къ Царю, сопровождая невѣсту. Да слышатъ же давшія Господу обѣтъ дѣвства, что дѣвы приведутся къ Царю, но дѣвы, которыя близки къ Церкви, слѣдуютъ за нею, а не уклоняются отъ церковнаго благочинія!

(16) Приведутся же дѣвы въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ Царевъ. Не тѣ, которыя по принужденію соблюдали дѣвство, не тѣ, которыя по скорби или по нуждѣ вступили въ честную жизнь, но которыя въ веселіи и радованіи услаждаются таковымъ преспѣяніемъ, тѣ приведутся Царю, и введутся не въ какое-нибудь обыкновенное мѣсто, но въ храмъ Царевъ. Ибо сіи священные сосуды, которыхъ не осквернило человѣческое употребленіе, будутъ внесены во святая святыхъ, и дано имъ будетъ право имѣть доступъ въ самое святилище, котораго не будутъ попирать ноги нечистыя. А какъ важно быть введеннымъ въ храмъ Царевъ, показываетъ Пророкъ,

когда молится о себѣ и говоритъ: едино просихъ отъ Господа, то взыщу. Еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его (Пс. 26, 4).

(17) Вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои: поставиши я князи по всей земли. Поелику выше повелѣно забыть люди и домъ отца: то теперь въ награду за послушаніе, вмѣсто отецъ получаетъ сыновей, и сыновей украшенныхъ такими достоинствами, что они поставляются князьями по всей земли. Кто же сіи сыны Царевы? Это сыны Евангелія, которые возобладали всею землею. Ибо сказано: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ (Рим. 10, 12). И: сядутъ на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома (Матѳ. 19, 28). А если подъ отцами невѣсты разумѣетъ кто Патріарховъ; то и въ такомъ случаѣ рѣчь не мимо идетъ Апостоловъ. Ибо вмѣсто Патріарховъ родились у ней сыны во Христѣ, творящіе дѣла Авраамовы, которые признаются равночестными Патріархамъ, потому что совершили подобныя имъ дѣла, за каковыя и отцы удостоились великихъ почестей. Святые же суть князи всея земли, по свойству съ добродѣтелію, такъ какъ добродѣтель, по самому существу своему, даетъ первенство, какъ Іакову дала власть надъ Исавомъ. Ибо сказано: буди господинъ брату твоему (Быт. 27, 29). Посему тѣ, которые содѣлались равночестными Отцамъ и подвижничествомъ добродѣтели пріобрѣли надъ всѣми превосходство, суть сыны невѣсты Христовой, и матерью своею поставляются князи по всей земли. Смотри же, какъ велика власть Царицы,—это власть рукополагать князей по всей землѣ.

(18) Помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ: сего ради людіе исповѣдятся Тебѣ въ вѣкъ, и во вѣкъ вѣка. Въ заключеніе всего рѣчь предлагается какъ бы отъ лица самой Церкви: помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ. Какое же это поминовеніе Церкви?—Это исповѣданіе народовъ

Бесѣда на псаломъ сорокъ пятый.

(1) Въ конецъ о сынѣхъ Кореовыхъ, о тайныхъ, Псаломъ. Мнѣ кажется, что сей Псаломъ заключаетъ въ себѣ пророчество о событіяхъ при кончинѣ. Сію кончину зная, и Павелъ говоритъ: таже кончина, егда предастъ царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24). Или поелику дѣла наши приводятъ насъ къ концу, и каждое дѣло къ концу ему свойственному, доброе—къ блаженству, а злое—къ вѣчному осужденію; наставленія же, преподанныя Духомъ въ семъ Псалмѣ

послушныхъ приводятъ къ доброму концу: то по сей причинѣ Псаломъ надписанъ: въ конецъ, то есть, по отношенію ученій къ блаженному концу человѣческой жизни.

О сынѣхъ Кореовыхъ. И сей Псаломъ сказанъ сынамъ Кореовымъ, Которыхъ Духъ Святый не раздѣляетъ, потому что они, какъ бы единодушно и единогласно, въ совершенномъ согласіи другъ съ другомъ, произносили пророческіе глаголы, и ни одинъ изъ нихъ не пророчествовалъ ничего особеннаго предъ прочими, но всѣмъ дано было равное пророческое дарованіе, по причинѣ равнаго у одного съ другимъ расположенія къ добру. Псаломъ же сказывается о тайныхъ, то есть о неизрѣченномъ и о сокровенномъ втайнѣ. Разобравъ же порознь реченіе Псалма, узнаешь и сокровеный смыслъ словъ и то, что не всякому можно простирать взоръ въ Божественныя тайны, а только способному содѣлаться такимъ стройнымъ органомъ обѣтованія, чтобы, вмѣсто псалтиря, душа его приводилась въ движеніе дѣйствіемъ на нее Святаго Духа.

(2) Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло. Всякій человѣкъ имѣетъ нужду въ великой помощи, потому что, по немощи естественно въ немъ находящейся, съ нимъ встрѣчается много горестнаго и труднаго. Посему, ища убѣжища отъ всѣхъ бѣдствій, какъ бы удаляясь въ безопасное мѣсто, или, по причинѣ непріятельскаго нашествія, укрываясь на какой-то острой вершинѣ горы, окруженной крѣпкою стѣною, прибѣгаетъ онъ къ Богу, только пребываніе въ Немъ признавая для себя успокоеніемъ. Но хотя всѣ согласны въ томъ, что прибѣжище наше въ Богѣ; однако же врагъ вводитъ людей во многія заблужденія и затрудненія при избраніи спасителя. Ибо уловляетъ ихъ въ засаду, какъ непріятель, и уловленныхъ опять обольщаетъ мыслію прибѣгать къ нему, какъ къ хранителю; потому людямъ предстоитъ двоякое бѣдствіе, или быть насильственно взятыми въ плѣнъ, или погибнуть отъ обольщенія. Отъ сего невѣрные прибѣгаютъ къ демонамъ и идоламъ, утративъ вѣдѣніе истиннаго Бога, по причинѣ произведенной въ нихъ діаволомъ слитности понятій. Да и знающіе Бога погрѣшаютъ въ различеніи вещей, поступая невѣжественно при прошеніи себѣ полезнаго, одного прося какъ блага, хотя то часто не служитъ имъ на пользу, и отъ другаго уклоняясь какъ отъ зла, хотя это принесло бы имъ иногда и много пользы. Напримѣръ: боленъ ли кто? Избѣгая тягостей болѣзни, молится онъ о здоровьѣ. Потерялъ ли деньги? Скорбитъ объ утратѣ. Но часто и болѣзнь полезна, когда она вразумитъ грѣшника; и здоровье вредно, когда пользующемуся имъ послужитъ пособіемъ ко грѣху. Такъ и деньги инымъ обратились въ средство къ распутству; а нищета ущѣлмудрила многихъ имѣвшихъ худыя стремленія. Итакъ не убѣгай, чего не должно, и не прибѣгай, къ кому не должно. Но пусть будетъ у тебя одно

избѣгаемое—грѣхъ, и одно прибѣжище въ несчастіяхъ—Богъ. Не полагайтесь на князей, не превозноситесь невѣрнымъ богатствомъ; не гордитесь тѣлесною силой; не гонитесь за блескомъ человѣческой славы. Ничто это не спасаетъ; все это временно, все обманчиво; одно прибѣжище — Богъ. Проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка (Іерем. 17, 5), или на что либо человѣческое.

Итакъ Богъ намъ прибѣжище и сила. Кто можетъ сказать: вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ (Фил. 4, 13), для того Богъ есть сила. Хотя многіе говорятъ: Богъ намъ прибѣжище; и: Господи, прибѣжище былъ еси намъ (Пс. 89, 1): но очень немногіе говорятъ сіе съ такимъ же расположеніемъ, какъ и Пророкъ. Ибо не многіе не оказываютъ удивленія человѣческому, но во всемъ зависитъ отъ Бога, Имъ дышатъ, въ Немъ имѣютъ надежду и увѣренность. И самыя дѣла обличаютъ насъ, когда въ скорбяхъ скорѣе прибѣгаемъ ко всему прочему, только не къ Богу. Больно у тебя дитя? Ищешь ворожею, или вѣшающаго на шеи невиннымъ младенцамъ пустыя надписи; или, наконецъ, идешь ко врачу и за лекарствами, пренебрегши Того, Кто можетъ спасти. Возмутилъ тебя сонъ? Бѣжишь къ снотолкователю. Устрашился ты врага? Ищешь заступника въ комъ нибудь изъ людей. Вообще при всякой нуждѣ обличаешь самъ себя, что на словахъ называешь Бога прибѣжищемъ, а на дѣлѣ домогаешься помощи отъ безполезнаго и суетнаго. Но праведнику истинная помощь — Богъ. Какъ военачальникъ, имѣя храбрыхъ воиновъ, всегда готовъ вспомоществовать изнемогшимъ: такъ и Богъ — нашъ помощникъ, и споборникъ всякаго сражающагося противу козней діавола, и посылаетъ служебныхъ духовъ къ требующимъ спасенія.

Скорбь же обрѣтаетъ всякаго праведника, по причинѣ избранной имъ жизни. Ибо уклоняющійся отъ пути широкаго и пространнаго, идущій же путемъ скорбнымъ и тѣснымъ, обрѣтается скорбями. Живо изобразилъ сію истину Пророкъ, сказавъ: въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло. Какъ одушевленныя животныя, уловляютъ насъ скорби, производя въ насъ терпѣніе, чрезъ терпѣніе же искусство, а чрезъ искусство — упованіе. Посему и Апостолъ говоритъ: многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе (Дѣян. 14, 22). И: многи скорби праведнымъ (Псал. 33, 20). Но кто мужественно и несмущенно претерпѣлъ искушеніе скорби, тотъ скажетъ: во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны (Римл. 8, 37), и столько далекъ отъ того, чтобы отказываться отъ скорбей, страшиться ихъ, что напротивъ того множество несчастій обращаетъ въ поводъ къ похвальбѣ, говоря: не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ (Рим. 5, 3).

(3) Сего ради не убоимся, внегда смущается

земля, и прелагаются горы въ сердца морская. Пророкъ показываетъ великую твердость упованія на Христа. Хотя все станетъ въ превратномъ видѣ, хотя смятенная земля перевернется, хотя горы, оставивъ свои основанія, сдвинутся въ средину моря; мы не убоимся: потому что Бога имѣемъ прибѣжищемъ, и силою, и помощникомъ въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло. У кого сердце столько безстрашно, у кого помыслы столько несмущенны, чтобы при такомъ замѣшательствѣ устремляться мыслію къ Богу и, по упованію на Него, не поражаться ничѣмъ происходящимъ? А мы не выносимъ и человѣческаго гнѣва. Если бросается на насъ или собака, или другой какой звѣрь, не къ Богу помощнику нашему въ скорбяхъ возводимъ взоры, но приходя въ ужасъ, обращаемся къ себѣ самимъ.

(4) Вострубѣша и смятошася воды ихъ. Пророкъ сказалъ о смятеніи земли и преложеніи горъ; теперь говоритъ и о колебаніи и превращеніи моря, отъ паденія горъ въ средину пучины. Вострубѣша и смятошася воды ихъ, очевидно, воды морскія. Наибольшее возмущеніе въ водахъ производятъ самыя горы, не водруженныя въ морѣ, но собственнымъ своимъ колебаніемъ производящія сильное волненіе въ водахъ. Посему, когда земля прійдетъ въ смятеніе, воды морскія возшумятъ и закипятъ отъ самыхъ глубинъ, горы начнутъ прелагаться и оставаться въ великомъ смятеніи отъ преизбытка силы Господней; тогда, говоритъ Пророкъ, сердце наше безстрашно, потому что имѣетъ несомнѣнную и твердую надежду на Бога.

Смятошася горы крѣпостію Его. Можешь смыслъ сего изреченія взять и въ переносномъ значеніи, именуя горами тѣхъ, которые высоко думаютъ о своемъ величіи, а не знаютъ крѣпости Божіей, ставятъ себя выше Божія вѣдѣнія, и потомъ бываютъ побѣждены посланниками Божіими, съ силою и премудростію проповѣдующими слово премудрости, и, сознавъ свою нищету, устрашаются Господа и смиряются предъ крѣпостію Его. Или, можетъ быть, князи вѣка сего и отцы гибнущей мудрости называются горами, приходящими въ смятеніе отъ той крѣпости Христовой, какую Христосъ показалъ въ крестномъ подвигѣ надъ имѣющимъ державу смерти. Ибо, какъ мужественный подвижникъ, совлекъ и преборолъ начала и власти, и изведе въ позоръ дерзновеніемъ, побѣдивъ ихъ на древѣ (Кол. 2, 15).

(5) Рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій. Морскія воды, сильно возмущенныя вѣтрами, вострубѣша и смятошася; но рѣчная устремленія, протекающія безъ шума и безмолвно наводняющія достойныхъ принятія, веселятъ градъ Божій. Праведникъ и нынѣ пьетъ воду живую, и обильнѣе испіетъ ее впослѣдствіи, когда будетъ вписанъ въ гражданство во градѣ Божіемъ. Но

нынѣ пьетъ онъ въ зерцалѣ и въ гаданіи, по малому постиженію Божественныхъ умозрѣній; а тогда вдругъ пріймет въ себя полноводную рѣку, которая весь градъ Божій можетъ наводнить веселіемъ. Какая же это будетъ рѣка Божія, какъ не Духъ Святый, пребывающій по мѣрѣ вѣры въ достойныхъ увѣровавшихъ во Христа? Ибо Онъ говоритъ: вѣруй въ Мя, рѣки отъ чрева его истекутъ (Іоан. 7, 38); и еще: если кто піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14). Итакъ сія рѣка веселитъ всякій вообще градъ Божій, хотя, или Церковь имѣющихъ жительство на небесѣхъ, или всякую разумную тварь, отъ силъ премірныхъ до человѣческихъ душъ, надобно разумѣть подъ именемъ града, веселящагося отъ изліянія Святаго Духа. Ибо, по опредѣленію нѣкоторыхъ, городъ есть собраніе живущихъ осѣдло и управляемыхъ закономъ. Но такое же опредѣленіе города приличествуетъ и горнему Іерусалиму, небесному граду. Ибо и тамъ собраніе первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ; собраніе живущихъ осѣдло, по неподвижности пребыванія Святыхъ, наконецъ собраніе управляемое небеснымъ закономъ. Посему-то для человѣческаго естества невозможно познать порядокъ онаго жительства и всѣ украшенія его. Это тѣ самыя, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 9.); кромѣ сего знаемъ, что тамъ тьмы Ангеловъ, и торжество Святыхъ и Церковь первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ (Евр. 12, 23). О семъ градѣ говоритъ Давидъ: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій (Псал. 86, 3). Богъ сему граду даетъ обѣтованіе чрезъ Исаію: положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ; и не будетъ ни сокрушеніе, ни бѣдность въ предѣлахъ твоихъ: но прозоветсѧ спасеніе забрала твоя (Иса. 60, 15. 18). Посему, возводя душевныя очи, достойно горняго ищи познаній о градѣ Божіемъ. Но кто представитъ въ мысляхъ что либо достойное тамошняго блаженства, которое веселитъ рѣка Божія, емуже художникъ и содѣтель Богъ (Евр. 11, 10)?

Освятилъ есть селеніе Свое Вышній. Можетъ быть, Пророкъ здѣсь разумѣетъ богоносную плоть, освященную единеніемъ съ Богомъ; почему подъ селеніемъ Вышняго понимай явленіе Бога во плоти.

(6) Богъ посредѣ его, и не подвижится: поможетъ ему Богъ утро заутра. И поелику Богъ посредѣ града; то даруетъ ему непоколебимость, посылая ему помощь при первыхъ восхожденіяхъ свѣта. И горнему ли Іерусалиму, или дольней Церкви, приличествуетъ имя сего града,—освятилъ есть въ немъ селеніе

Свое Вышній. И чрезъ сіе-то селеніе, въ которомъ вселился Богъ, сталъ Онъ посредѣ града, и даровалъ ему, да не подвижится. Богъ же — посредѣ града, повсюду до предѣловъ круга простирая равные лучи Своего промышленія. Ибо чрезъ сіе соблюдается правда Божія, всѣмъ удѣляющая благость въ одинаковой мѣрѣ. Поможетъ ему Богъ утро заутра. У насъ утро производитъ чувственное солнце, когда появляется на нашемъ горизонтѣ; а утро въ душѣ производитъ Солнце правды, восхожденіемъ умнаго свѣта производя день въ пріявшемъ Его. Ибо мы человѣки во времена невѣдѣнія были въ ночи; но когда, расширивъ въ себѣ владычественное въ насъ, воспріимемъ въ себя Сіяніе славы (Евр. 1, 3) и озаримся вѣчнымъ свѣтомъ; тогда поможетъ ему Богъ утра заутра. Когда содѣлаемся чадами свѣта, и нощь для насъ прейдетъ, а день приближится (Рим. 13, 12); тогда будемъ достойны и помощи Божіей. Посему Богъ помогаетъ граду, собственнымъ Своимъ восхожденіемъ и явленіемъ производя для него утро. Ибо сказано: се человѣкъ, Востокъ имя Ему (Зах. 6, 12). Посему въ комъ, по разсѣяніи тмы невѣдѣнія и лукавства, возсіяваетъ умный свѣтъ, для того настаетъ утро. Поелику же Свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы ходящій въ Немъ не спотыкался; то помощь Его доставляетъ утро. Или, можетъ быть, поелику воскресеніе было въ глубокое утро, то утро заутра поможетъ граду Богъ, одержавшій побѣду надъ смертію утромъ въ третій день воскресенія.

(7) Смятошася языцы, уклонишася царствія: даде гласъ Свой Вышній, подвижеся земля. Представь городъ, противъ котораго злоумышляютъ ополчившіеся на него враги, и между тѣмъ осаждаютъ его многіе народы и цари, скиптроносцы каждаго изъ сихъ народа; потомъ представь военачальника непобѣдимаго по силѣ, который внезапно является на помощь городу, прекращаетъ осаду, разсѣеваетъ сборище народовъ, обращаетъ въ бѣгство царей, и производитъ сіе единственно тѣмъ, что взываетъ къ нимъ съ силою, поражаетъ сердца ихъ крѣпостію голоса. Посему какое, вѣроятно, произойдетъ смятеніе гонимыхъ народовъ и предавшихся бѣгству царей? Какой смѣшанный крикъ и непрекращающійся шумъ будетъ слышанъ во время ихъ безпорядочнаго бѣгства? Всѣ мѣста наполняются бѣгущими отъ страха, отъ чего въ городахъ и селахъ, гдѣ являются бѣглецы, начинается волненіе. Пророкъ показываетъ, что такая же помощь подана граду Божію Спасителемъ, когда говоритъ: смятошася языцы, уклонишася царствія: даде гласъ Свой Вышній, подвижеся земля.

(8) Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль. Пророкъ видѣлъ воплотившагося Бога, видѣлъ родившагося отъ Святыя Дѣвы Еммануила, еже есть сказаемо: съ

нами Богъ (Матѳ. 1, 23); и потому пророчески взываетъ: Господь силъ съ нами, показывая, что это Тотъ, Который являлся святымъ Пророкамъ и Патріархамъ. Заступникъ нашъ, говоритъ, не иной Богъ, отличный отъ Того, о Которомъ предали Пророки; но Богъ Іаковль, сказавшій служителю Своему въ откровеніи: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль.

(9) Пріидите и видите дѣла Божія, яже положи чудеса на земли: (10) отъемля брани до конецъ земли. Тѣхъ, которые далеки отъ слова истины, слово призываетъ приблизиться чрезъ познаніе, говоря: пріидите и видите. Ибо какъ для тѣлесныхъ очей велія разстоянія дѣлаютъ неяснымъ представленіе видимыхъ предметовъ; а приближеніе смотрящихъ доставляетъ ясное познаніе видимаго: такъ, и при умственныхъ созерцаніяхъ, не приближившійся къ Богу и не сдѣлавшійся Ему приснымъ посредствомъ дѣлъ, не можетъ видѣть дѣлъ Божіихъ чистыми очами ума. Посему сперва пріидите, приближьтесь, потомъ видите дѣла Божія, которыя чудны и дивны, и которыми, изумивъ народы прежде враждебные и мятежные, привелъ ихъ въ тишину. Пріидите чада; послушайте Мене (Псал. 33, 13); также: пріидите вси труждающіися и обремененніи (Матѳ. 11, 28). Это голосъ Отца, съ распростертыми объятіями призывающаго къ Себѣ дотолѣ упорствовавшихъ. Посему кто внялъ призванію, приблизился къ Повелѣвающему, тотъ узритъ все Умиротворившаго крестомъ, аще земная, аще ли небесная.

Лукъ сокрушитъ, и сломитъ оружіе, и щиты сожжетъ огнемъ. Видишь ли миролюбіе Господа силъ, потому что съ Нимъ невидимыя силы Ангельскихъ воинствъ? Видишь ли вмѣстѣ мужество и человѣколюбіе Воеводы силъ? Будучи Господомъ силъ и имѣя всѣ сонмы Ангельскихъ воинствъ, Онъ не уязвляетъ ни одного изъ противниковъ, никого не низлагаетъ, никого не касается; но сокрушаетъ лукъ и оружія, и щиты сожигаетъ огнемъ. Сокрушаетъ лукъ, чтобы съ него не пускали уже разженныхъ стрѣлъ: ломаетъ оружіе, употребляемое въ рукопашномъ бою, чтобы не могли получить ранъ тѣ, на которыхъ врагъ коварно нападаетъ вблизи. И щиты сожжетъ огнемъ, лишая супостатовъ защиты, и все обращая въ благодѣяніе врагамъ.

(11) Упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ. Пока мы занимаемся предметами внѣ Бога, не можемъ вмѣстить въ себѣ познанія о Богѣ. Ибо кто, заботясь о мірскомъ и погрузившись въ плотскую разсѣянность, можетъ внимать ученію о Богѣ и имѣть довольно тщательности для столь важныхъ умозрѣній? Не видишь ли, что слово, падшее въ терніе, бываетъ подавлено терніемъ (Матѳ. 13, 22)? А терніе — плотскія удовольствія, богатство, слава, житейскія заботы. Ищущій

познанія о Богѣ долженъ будетъ стать внѣ всего этого, и приведя въ себѣ, бездѣйствіе страсти, воспринимать познаніе о Богѣ. Ибо въ душу, затѣсненную предварительно занявшими ее помыслами, какъ войдетъ понятіе о Богѣ? Зналъ и Фараонъ, что только праздному свойственно искать Бога, почему и укоряетъ Израиля: праздни, праздни есте: и глаголете: Господу Богу нашему помолимся (Исх. 5, 17). Но какъ хороша и полезна для предающагося праздности та праздность, которая производитъ въ немъ безмолвіе, нужное для принятія спасительныхъ ученій; такъ худа праздность Аѳинянъ, которые ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое (Дѣян. 17, 21). Сей праздности подражаютъ нѣкоторые и нынѣ, употребляя свободное время въ жизни на изобрѣтеніе какого нибудь непрестаннаго новаго ученія. Такая праздность пріятна нечистымъ и лукавымъ духамъ. Сказано: егда нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка: речетъ, возвращуся въ мѣсто, отнюду же изыдохъ: и пришедъ обрящетъ домъ оный празденъ и помѣтенъ (Матѳ. 12, 43. 44). Посему праздность наша да не откроетъ входа противнику, а напротивъ того не будемъ оставлять празднымъ внутренній нашъ домъ, вселивъ въ себя предварительно Христа Духомъ! Пророкъ Енерва даровалъ миръ тѣмъ, которыхъ дотолѣ обезпокоивали непріятели; потомъ говоритъ: упразднитесь отъ развлекающихъ васъ враговъ, чтобы въ безмолвіи созерцать вамъ ученія истины. Посему и Господь говоритъ: всякъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ (Лук. 14, 33). Итакъ должно упразднится отъ дѣлъ супружескихъ, чтобы заняться молитвою; упразднится отъ попеченій о богатствѣ, отъ пожеланія земной славы, отъ наслажденія удовольствіями, отъ зависти и всякаго злаго дѣла противъ нашего ближняго, чтобы, когда душа наша въ тишинѣ и не возмущается никакою страстію, въ ней, какъ въ зеркалѣ, было чисто и неомрачено Божіе озареніе.

Вознесуся во языцѣхъ, вознесуся на земли. Очевидно, что Господь говоритъ сіе о Своемъ страданіи, какъ и въ Евангеліи написано: и Азъ, егда вознесенъ буду, вся привлеку къ Себѣ (Іоан. 12, 33). И: якоже Моусей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому на землѣ (Іоан. 3, 14). Итакъ поелику Ему надлежало вознестись на крестѣ за язычниковъ и пріять вознесеніе за всю землю; то говоритъ: вознесуся во языцѣхъ, вознесуся на земли.

(12) Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль. Обрадованный Божіею помощію, Пророкъ дважды воз-

гласилъ то же слово: Господь силъ съ нами, какъ наступающій и наскакивающій на врага, въ совершенной довѣренности къ Спасителю душъ нашихъ, что при Его помощи ничего не постраждетъ. Ибо аще Богъ по насъ, кто на ны (Рим. 8. 31)? Даровавшій побѣду Іакову и послѣ борьбы Провозгласившій его Израилемъ—вотъ кто заступникъ нашъ; Самъ Онъ воинствуетъ за насъ. А мы да безмолвствуемъ; ибо Той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино, да оба созиждетъ во единаго новаго человѣка (Ефес. 2, 14. 15).

Бесѣда на псаломъ сорокъ осмый.

(1) Въ конецъ, сыномъ Кореовымъ псаломъ. И языческіе мудрецы пускались въ умозрѣнія о концѣ человѣческомъ, но они разошлись въ понятіи о семъ. Одни утверждали, что этотъ конецъ есть знаніе; другіе же—успѣшное дѣйствованіе, иные—разнообразное употребленіе жизни и тѣла; а другіе, ставъ скотоподобными, говорили, что этотъ конецъ есть удовольствіе. Но по нашему ученію, конецъ, для котораго все дѣлаемъ и къ которому стремимся, есть блаженная жизнь въ будущемъ вѣкѣ. И конецъ сей достигается, когда предоставляемъ надъ нами царствовать Богу. Лучше всего для разумной природы доселѣ ничего не изобрѣталъ еще разумъ. Къ такому концу побуждаетъ насъ и Апостолъ, говоря: таже кончна, егда предастъ царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24). То же самое представляетъ и Софонія въ пророчествѣ, говоря отъ лица Божія: судъ Мой въ сонмища языковъ еже пріяти царей, еже изліяти на ня гнѣвъ Мой; зане огнемъ рвенія Моего поядена будетъ вся земля: яко тогда обращу къ людемъ многимъ языкъ въ родъ его, еже призывати всѣмъ имя Господне, работати Ему подъ игомъ единѣмъ (Соф. 3, 8. 9). Посему думаю, что и польза Псалмовъ, имѣющихъ такое надписаніе, возводится къ сему же концу. Такому понятію не противорѣчатъ и тѣ, которые сіе надписаніе переводятъ: на побѣду[1]), или побѣдная пѣснь[2]), или побѣдителю[3]). Поелику пожерта бысть смерть побѣдою (1 Кор. 15, 54.) и истреблена Сказавшимъ: Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. 16, 33); и поелику все препобѣждено Христомъ, и о имени Его всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2, 10): то справедливо Духъ Святый въ побѣдныхъ пѣсняхъ предвозвѣщаетъ уготованное намъ въ будущемъ.

[1]) Ѳеодотіонъ.
[2]) Симмахъ.
[3]) Аквила.

(2) Услышите сія вси языцы, внушите вси живущіи по вселеннѣй. (3) Земнороднїи же и сынове человѣчестіи, вкупѣ богатъ и убогъ. Весьма обширная нужна храмина для слушателей призывающему къ слышанію Псалма всѣ народы и всѣхъ наполняющихъ вселенную своими жилищами; а думаю, что онъ сею высокою проповѣдію къ слушанію привлекаетъ и созываетъ и земнородныхъ и сыновъ человѣческихъ, и богатыхъ и убогихъ. Но какая же это стражба, столько возвышенная надъ цѣлою землею, что съ высоты ея можно видѣть всѣ народы и объять взоромъ цѣлую вселенную? Кто столь громогласный провозвѣстникъ, который возглашаетъ внятно для столь многихъ вмѣстѣ слуховъ? Гдѣ эта храмина, которая можетъ вмѣстить собирающихся? Какъ великъ и сколько премудръ сей учитель, который находитъ уроки достойные такого собранія? Потерпи немного, и узнаешь, что послѣдующее достойно такого предвозвѣщенія. Ибо собирающій и созывающій всѣхъ на проповѣдь есть Утѣшитель, Духъ истины, Который спасаемыхъ собираетъ чрезъ Пророковъ и Апостоловъ. И поелику во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Пс. 18, 5); то посему сказано: услышите вси языцы и вси живущіи по вселеннѣй. Посему и Церковь собрана изъ всѣхъ состояній, дабы никто не оставался лишеннымъ пользы Ибо три четы званныхъ, въ которыхъ заключается весь родъ человѣческій: языцы и живущіи по вселеннѣй, земнородные и сыны человѣческіе, богатые и убогіе. И дѣйствительно, кого Богъ оставилъ внѣ проповѣднической храмины? Чуждые вѣры именованы языками; пребывающіе въ Церкви—обитателями вселенной; земнородные—это мудрствующіе земное и преданные хотѣніямъ плоти; сыны человѣческіе—это прилагавшіе нѣкоторое стараніе и упражнявшіе разумъ; ибо особенное свойство человѣка—разумность. Богатые и убогіе сами собою показываютъ свое отличительное свойство: одни въ избыткѣ обладаютъ необходимымъ; другіе живутъ, нуждаясь въ необходимомъ. Поелику же Врачъ душъ не пріиде призвати праведники, но грѣшники на покаяніе (Матѳ. 9, 13); то въ каждой четѣ прежде призываемыми поставилъ достойныхъ осужденія. Ибо языки хуже живущихъ по вселенной, впрочемъ предпочтены въ призваніи, чтобы находящіеся въ худомъ состояніи прежде получили пользу отъ Врача. Опять, земнородные поставлены прежде сыновъ человѣческихъ, и богатые прежде бѣдныхъ. Разрядъ отверженныхъ, которымъ трудно спастися, призванъ прежде бѣдныхъ. Ибо таково человѣколюбіе Врача—немощнымъ первымъ подаетъ Онъ помощь. Но общеніе въ призваніи приводитъ вмѣстѣ и къ миру, такъ что и тѣ, которые дотолѣ по образу жизни противны были другъ другу, чрезъ собраніе во-едино пріучаются ко взаимной любви. Да знаетъ

богатый, что онъ и бѣдный призваны равночестною проповѣдію. Сказано: вкупѣ богатъ и убогъ. Оставь мнѣ свое преимущество предъ низшими и киченіе богатствомъ, и потомъ уже входи въ Церковь Божію. Посему и богатый не превозносись надъ убогимъ, и убогій не бойся могущества всѣмъ изобилующимъ; и сыны человѣческіе не уничижайте земнородныхъ, и земнородные опять не чуждайтесь сыновъ человѣческихъ; и языки свыкнитесь съ живущими по вселеннѣй, и живущіи по вселеннѣй съ любовію пріимите чуждихъ отъ завѣтъ.

(4) Уста моя возглаголютъ премудрость, и поученіе сердца моего разумъ. Поелику, по слову Апостола, сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе (Рим. 10, 10); а совокупное дѣйствованіе того и другаго въ семъ дѣлѣ предполагаетъ совершенство: то Пророческое слово сообъяло въ себѣ то и другое—и дѣйствованіе устъ и поученіе сердца. Ибо если не запасено въ сердцѣ добра, то какъ изнесетъ устами сокровище не обладающій имъ въ тайнѣ? Если имѣющій доброе въ сердцѣ не возвѣщаетъ о немъ словомъ; то ему будетъ сказано: премудрость сокровена, и сокровище не явлено, кая польза есть во обоихъ (Іис. Сир. 20, 30)? Посему для пользы другихъ уста моя да возглаголютъ премудрость, а для собственнаго моего преспѣянія сердце да поучается разуму.

(5) Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу во псалтири гананіе[1]) мое. Еще Пророкъ говоритъ въ похвалу своего лица, чтобы не были презрѣны слова его, какъ предлагаемыя человѣческимъ изобрѣтеніемъ. Чему учитъ меня Духъ, говоритъ онъ, то возвѣщаю вамъ; говорю не свое, не человѣческое. Но поелику я сталъ внимателенъ къ гананіямъ Духа, въ тайнѣ преподающаго намъ Божію премудрость, то и открываю, и привожу вамъ въ ясность сіе гананіе, но открываю не иначе, какъ псалтиремъ. А псалтирь есть музыкальное орудіе, издающее звуки подъ ладъ сладкопѣнію голосомъ. Посему словесный псалтирь тогда особенно отверзается, когда дѣла приводятся въ согласіе съ словами. И тотъ есть духовный псалтирь, кто сотворилъ и научилъ (Мате. 5, 19). Пророкъ въ Псалмахъ отверзаетъ гананіе, собственнымъ примѣромъ показывая возможность исполнить преподаваемое. Какъ не сознающій за собою въ жизни ничего нестройнаго и несообразнаго, съ увѣренностію Пророкъ произноситъ слѣдующія слова:

(6) Вскую боюся въ день лютъ? Беззаконіе пяты моея не объидетъ мя. Днемъ лютымъ называетъ день суда, о ко-

---

[1]) Τὸ πρόβλημα, вопросъ, задача.

торомъ сказано: день Господень неисцѣльный (Ис. 13, 9) на всѣ народы; въ сей день, говоритъ Пророкъ, объидутъ каждаго совѣти его (Осіи 7, 2). И тогда-то, какъ не сдѣлавшій ничего беззаконнаго на пути жизни, не побоюсь дня лютаго. Ибо слѣды грѣховъ не окружатъ меня; не объидутъ меня, въ безмолвномъ обвиненіи взводя на меня обличеніе; потому что не возстанетъ противъ тебя иного обвинителя, кромѣ самыхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое явится въ собственномъ своемъ видѣ: предстанутъ блудъ, татьба, прелюбодѣяніе, напоминая и ночь и образъ грѣхопаденія, и отличительное его свойство, и вообще предстанетъ всякій грѣхъ, принося съ собою ясное напоминаніе свойственнаго ему признака. Итакъ меня не объидутъ слѣды грѣховъ; потому что я приклонилъ въ притчу ухо мое, и отверзъ во псалтири гананіе мое.

(7) Надѣющіися на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящіеся. У Пророка слово къ лицамъ двоякаго рода, къ земнороднымъ и къ богатымъ. Къ однимъ обращаетъ рѣчь, низлагая ихъ мнѣніе о силѣ своей, а къ другимъ, низлагая ихъ превозношеніе избыткомъ мнѣнія. Вы, говоритъ, надѣющіися на силу свою!— Это земнородные, которые уповаютъ на тѣлесную крѣпость, и думаютъ, что человѣческая природа имѣетъ достаточныя силы совершенно выполнить человѣческія желанія,—и вы уповающіе на невѣрное богатство, послушайте: вамъ нужна искупительная цѣна для изведенія вашего на свободу, которую вы утратили, будучи побѣждены насиліемъ діавола; потому что діаволъ, взявъ васъ въ рабство, не освободитъ отъ своего учительства, пока не пожелаетъ обмѣнить васъ, побужденный къ тому какимъ нибудь достоцѣннымъ выкупомъ. Посему предлагаемое въ выкупъ должно быть не однородно съ порабощенными, но въ большей мѣрѣ превышать ихъ цѣну, чтобы діаволъ добровольно освободилъ отъ рабства плѣнниковъ. Поэтому братъ не можетъ васъ искупить. Ибо никакой человѣкъ не въ силахъ убѣдить діавола, чтобы освободилъ отъ своей власти однажды ему подпадшаго. Человѣкъ и за собственные грѣхи не можетъ дать Богу умилостивительной жертвы. Какъ же возможетъ сдѣлать это за другаго? А что же бы могъ онъ пріобрѣсти въ семъ вѣкѣ столько стоющее, чтобы оно служило достаточнымъ замѣномъ за душу, по природѣ драгоцѣнную, потому что она создана по образцу Творца своего? И какой трудъ настоящаго вѣка доставитъ душѣ человѣческой достаточный запасъ къ переходу въ вѣкъ будущій? Посему просто разумѣю слова сіи такъ: хотя бы кто представлялъ себя весьма могущественнымъ въ сей жизни, обложенъ былъ множествомъ имѣнія; Псаломъ учитъ отложить гордое о себѣ мнѣніе, смириться подъ крѣпкую руку Божію (1 Петр. 5, 6), и не надѣяться на силу свою, не хвалиться множествомъ богатства. Но можно и возвыситься нѣсколько мыслію и подъ падѣющимися на силу

свою и хвалящимися множествомъ богатства разумѣть душевныя силы, потому что и самая душа не имѣетъ достаточныхъ силъ къ своему спасенію. Хотя и совершенъ кто въ сынахъ человѣческихъ, но, не имѣя въ себѣ премудрости Божіей, ни во что вмѣнится. Хотя усвоилъ себѣ множество умозрѣній изъ мірской мудрости и собралъ нѣкоторое богатство вѣдѣнія; но пусть услышитъ правду вполнѣ, а именно, что всякая душа человѣческая подклонилась подъ тяжкое иго рабства общему всѣхъ врагу, и утративъ свободу, данную Творцемъ ея, отведена въ плѣнъ грѣхомъ. Но всякому плѣннику для освобожденія нужна цѣна искупленія. Братъ не можетъ искупить брата своего, и каждый человѣкъ — самъ себя, потому что искупающій собою другаго долженъ быть гораздо превосходнѣе содержимаго во власти и уже рабствующаго. Но и вообще человѣкъ не имѣетъ такой власти предъ Богомъ, чтобы умилостивлять Его за грѣшника; потому что и самъ повиненъ грѣху. Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія, оправдаеми туне благодатію Его, избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ (Рим. 3, 23. 24).

Посему (8) не дастъ Богу измѣны[1]) за ся (9) и цѣну избавленія души своея. Итакъ не брата ищи для своего искупленія, но того, кто превосходитъ тебя естествомъ, не простаго человѣка, но Богочеловѣка Іисуса Христа, Который единъ можетъ дать Богу измѣну за всѣхъ насъ, потому что Его предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его (Рим. 3, 25). Моисей былъ братъ Израильтянамъ, однако же не могъ искупить ихъ. Какъ же искупитъ человѣкъ обыкновенный? Пророкъ говоритъ сперва утвердительно: братъ не избавитъ, а потомъ съ силою присовокупляетъ вопросительно: избавитъ ли человѣкъ? Моисей не освободилъ народа отъ грѣха, но только умолилъ Бога не карать за грѣхъ. Онъ и за себя не могъ дать измѣны, когда впалъ въ прегрѣшеніе, и послѣ столь многихъ и великихъ чудесъ и знаменій, какія видѣлъ, произнесъ слово сомнѣнія: послушайте мене, непокоривіи: еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду? Почему и Господь за сіе слово рече къ Моисею и Аарону: понеже не вѣровасте Мнѣ, освятити Мя предъ сынми Израильтескими, сего ради не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ (Числ. 20, 10. 12). Посему не дастъ Богу измѣны за ся. Ибо что можетъ человѣкъ найти столько цѣнное, чтобы дать въ искупленіе души своей? Но нашлось одно равноцѣнное всѣмъ вмѣстѣ людямъ, что и дано въ цѣну искупленія души нашей, — это святая и многоцѣнная кровь Гос-

[1]) Ἐξίλασμα, умилостивительная жертва.

пода нашего Іисуса Христа, которую Онъ пролилъ за всѣхъ насъ. Почему мы и куплени цѣною (1 Кор. 6, 20). Итакъ если братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ? Если человѣкъ не можетъ избавить насъ, то Искупившій насъ не — человѣкъ. Посему, если Господь нашъ положилъ съ нами въ подобіи плоти грѣха, то не почитай Его за сіе простымъ человѣкомъ, не признавая въ Немъ силы Божества. Онъ не имѣлъ нужды давать Богу измѣны за Ся, и избавлять собственную душу: потому что грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его (1 Петр. 2, 22). Итакъ никто не можетъ выкупить самъ себя, пока не прійдетъ Возвращающій плѣненіе людей (Пс. 13, 8), не сребромъ, не дарами, какъ написано у Исаіи (52, 3), но Своею кровію. Онъ насъ, которые не братья Ему, но стали врагами чрезъ свои грѣхопаденія, Онъ — не простой человѣкъ, но Богъ, по дарованіи намъ свободы, нарицаетъ и братьями Своими. Ибо сказано: возвѣщу имя Твое братіи Моей (Евр. 2, 12). Посему Искупившій насъ, если обратимъ мысль на Его естество, не братъ намъ и не человѣкъ. Если же возьмемъ во вниманіе благодатное Его снисхожденіе къ намъ, то и братьями насъ называютъ, и нисходитъ къ человѣчеству Тотъ, Кто не дастъ Богу измѣны за Ся, но дастъ измѣну за весь міръ; ибо не имѣетъ нужды въ очищеніи, но Самъ есть очищеніе. Таковъ бо намъ подобаше Архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ и выше небесъ бывый: Иже не имать по вся дни нужды, якоже первосвященницы, прежде о своихъ грѣсѣхъ жертвы приносити, потомъ же о людскихъ невѣжествіихъ (Евр. 7, 26, 27. 9, 7).

Потомъ Пророкъ говоритъ: и утрудися въ вѣкъ, (10) и живъ будетъ до конца. Источная Жизнь, Сила, неутомимое Естество утруждался въ семъ вѣкѣ, когда утруждся отъ пути сѣдяше на источницѣ (Іоан. 4, 6).

Иже не узритъ пагубы, (11) егда увидитъ премудрыя умирающія. Ибо Отецъ не дастъ преподобному Своему видѣти истлѣнія (Пс. 16, 10), когда будутъ умирать хвалящіеся упраздняемою мудростію. А если угодно разумѣть сіи слова о праведныхъ людяхъ, то вспомни Іова, который говоритъ: человѣкъ раждается на трудъ (Іов. 5, 7); также Апостола: паче всѣхъ ихъ потрудихся (1 Кор. 15, 10); и: въ трудѣхъ множае (2 Кор. 11, 23). Итакъ, кто потрудился въ вѣкѣ семъ, живъ будетъ до конца. А кто живетъ въ роскоши и во всякомъ распутствѣ, по изнѣженности облекается въ порфиру и виссонъ, веселится по вся дни свѣтло (Лук. 16, 19), и избѣгаетъ того, чтобы трудиться

ради добродѣтели; тотъ не утрудился въ семъ вѣкѣ, и не будетъ живъ въ будущемъ, но издали станетъ взирать на жизнь, мучимый въ пламени пещномъ. Но кто выдержалъ тысячи подвиговъ ради добродѣтели, и для пріобрѣтенія ея съ избыткомъ испыталъ себя въ трудахъ, тотъ живъ будетъ до конца, какъ много потрудившійся въ скорбяхъ Лазарь, какъ преутружденный въ борьбѣ съ противникомъ Іовъ. Ибо сказано: тамо претружденніи почиша (Іов. 3, 17). Посему и Господь призываетъ къ успокоенію труждающихся и обремененныхъ (Матѳ. 11, 28). Почему же трудящіеся въ добрыхъ дѣлахъ называются обремененными? Потому что ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя (Псал. 125, 6), полны плодовъ, которые возвращены имъ по мѣрѣ посѣяннаго. Посему обремененными называются тѣ, которые, поелику сѣяли о благословеніи, о благословеніихъ и пожинаютъ (2 Кор. 9, 6), и заготовляютъ себѣ съ вѣчнымъ веселіемъ рукояти духовныхъ плодовъ. Кто избавленъ Богомъ, давшимъ за него измѣну, тотъ утрудился въ вѣкѣ семъ, а потомъ живъ будетъ до конца. Онъ и не узритъ пагубы, егда увидитъ премудрыя умирающія. Кто путь тѣсный и многотрудный предпочелъ пути гладкому и покойному, тотъ, во время Божія посѣщенія, когда не увѣровавшіе словесамъ Божіимъ и ходившіе по желаніямъ суетнаго своего сердца отведены будутъ на вѣчную казнь, не узритъ вѣчной пагубы, не прекращающагося злостраданія. А мудрыми Пророкъ называетъ или сильныхъ въ хитрости, о которыхъ говоритъ Іеремія, что мудри суть, еже творите злая, благо же творити не познаша (Іер. 4, 22); или разумѣетъ подъ мудрыми и учениковъ князей вѣка сего престающихъ (1 Кор. 2, 6), которые, глаголющеся быти мудри, объюродѣша (Рим. 1, 22). Почему премудрость міра сего буйство у Бога есть (1 Кор. 3, 19). И поелику сія премудрость дѣлаетъ глупыми, то Богъ говоритъ, что Онъ погубитъ премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергнетъ (1 Кор. 11, 19. Иса. 29, 14). Посему правдоподобія лжеименнаго вѣдѣнія для убѣждающихся въ нихъ служатъ причиною смерти. И таковой смерти не узритъ искупленный Тѣмъ, Кто благоволилъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ.

Вкупѣ безуменъ и несмыслѣнъ погибнутъ, и оставятъ чуждимъ богатство свое. (12) И гроби ихъ жилища ихъ во вѣкъ: селенія ихъ въ родъ и родъ, нарекоша имена своя на земляхъ. Выше Псалмопѣвецъ назвалъ родовымъ именемъ — мудрыми, и ихъ же теперь подраздѣ-

лительно называетъ безумными и несмысленными. И очевидно, что мудрыми ихъ назвалъ, воспользовавшись именемъ, какое сами давали себѣ по самомнѣнію. Какъ и богами называетъ тѣхъ, которые по природѣ не боги, слѣдуя въ этомъ обыкновенію обольщенныхъ: такъ и мудрыми назвалъ безумныхъ и несмысленныхъ. Можно же различить по понятію безумнаго и несмысленнаго. Безуменъ, кто лишенъ благоразумія и не имѣетъ проницательности въ дѣлахъ обыкновенныхъ и человѣческихъ. Такъ въ общемъ употребленіи называются благоразумными, которые въ житейскихъ дѣлахъ различаютъ полезное и вредное; почему и въ Евангеліи сказано: яко сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть (Лук. 16, 8). Ибо они не просто мудрѣйши, но только въ томъ отношеніи, какъ проводить эту плотскую жизнь; они называются также строителями неправедными за благоразуміе въ устроеніи своей жизни. Въ томъ же значеніи мудры и змѣи, которыя устрояютъ себѣ норы, и въ опасныхъ случаяхъ всѣми мѣрами избѣгаютъ ударовъ въ голову. Несмысленнымъ же называется тотъ, кто не имѣетъ преимущественнаго въ человѣкѣ. А это— познаніе Бога Отца, признаніе Слова, сущаго въ началѣ у Бога, и просвѣщеніе, подаваемое отъ Святаго Духа. Такой умъ имѣютъ тѣ, которые могутъ сказать съ Павломъ: мы же умъ Христовъ имамы (1 Кор. 2, 16). Впрочемъ по словоупотребленію Писанія, слова безумный и несмысленный замѣняются одно другимъ: безбожнаго называетъ оно безумнымъ, говоря: рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ (Псал. 13, 1); и опять вредное для жизни именуетъ несмысленнымъ, какъ Апостолъ выражается о впадающихъ въ похоти несмысленны и вреждающія (1 Тим. 6, 9). Такимъ образомъ, безумный и несмысленный стремятся къ одному общему концу — къ погибели. Но можетъ иной сказать, что безумнымъ называется живущій по-язычески, а несмысленнымъ — ограничивающій жизнь, по-Іудейски, однимъ храненіемъ закона. Ибо такому безумному, по причинѣ его безбожія, сказалъ Богъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе (Лук. 12, 20). А плотскій Израиль названъ несмысленнымъ у Пророка, который говоритъ: я бяше Ефремъ, яко голубь безумный[1]); Египта моляше и во Ассиріаны отъиде (Осіи 7, 11). Посему, когда они всѣ вообще сокрушались отъ собственнаго своего невѣдѣнія; мы чуждые дѣлаемся наслѣдниками ихъ богатства. Ибо наши стали заповѣди; наши — Пророки, наши — Патріархи, всѣ отъ вѣка жившіе праведные; намъ оставили богатство свое по-

[1]) Въ текстѣ Седмидесяти и у Св. Василія: ἄνους, подобозначущее слову ἀνόητος (несмысленный).

гибшіе въ безуміи своемъ. Ихъ-то жилища, то есть безумнаго и несмысленнаго, суть гробы вѣкъ. У кого жизнь исполнена мертвыхъ дѣлъ по причинѣ всякаго грѣха, у тѣхъ жилища — вѣкъ гробы. Кто сталъ мертвъ грѣхопаденіями, тотъ живетъ не въ домѣ, но въ гробѣ, потому что душа его омертвѣла. Въ домѣ живетъ не хитрый нравомъ и простосердечный Іаковъ, о которомъ написано, что бысть человѣкъ не лукавъ и благъ, живый въ дому (Быт. 25, 27). А во гробѣ живетъ совершенно порочный, который не полагаетъ и основанія къ обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ, но уподобляется гробу повапленному, который наружностію привлекаетъ взоры, внутрьуду же полнъ костей мертвыхъ и всякія нечистоты (Мат. 23, 29). Посему, когда говоритъ такой человѣкъ, не слову Божію отверзаетъ уста, но гортань его гробъ отверстъ (Псал. 5, 10). Если кто, вѣруя во Христа, не являетъ дѣлъ сообразныхъ съ вѣрою, тотъ какъ внимающій дурнымъ ученіямъ и худо постигающій намѣреніе Писанія, самъ себѣ высѣкаетъ гробницу въ камнѣ.

Селенія ихъ въ родъ и родъ; то есть, гробы жилища ихъ во вѣкъ. Пророкъ, объясняя, какіе разумѣетъ гробы, и желая показать, что говоритъ о тѣлахъ, въ которыхъ обитаютъ души омертвѣвшія отъ пороковъ, къ слову гробы присовокупилъ: селенія ихъ въ родъ и родъ, потому что тѣла человѣческія всегда называются селеніями. Они же нарекаютъ и имена своя на земляхъ. Ибо имя нечистиваго не вписывается въ книгѣ живыхъ, не причисляется къ Церкви первородныхъ изочтенныхъ на небесахъ: напротивъ того имена ихъ остаются на землѣ, потому что сію преходящую и маловременную жизнь предпочли они вѣчнымъ селеніямъ. Не видишь ли, что иные строятъ въ городахъ площади и домы для тѣлесныхъ упражненій, воздвигаютъ стѣны, сооружаютъ водопроводы, и что имена ихъ даются симъ земнымъ зданіямъ? А нѣкоторые, положивъ клеймо своего имени на конскихъ табунахъ, вздумали тѣмъ и по жизни надолго продлить о себѣ память; и чтобы въ самыхъ гробахъ показать пышность, на гробницахъ начертали свои имена. Это тѣ, которые мудрствуютъ земная, и здѣшнюю славу, памятованіе людей почитаютъ чѣмъ-то достаточнымъ для своего блаженства. И если видишь, что иной гордится лжеименнымъ вѣдѣніемъ, присоединяется къ послѣдователямъ какихъ-нибудь негодныхъ ученій и вмѣсто имени Христіанина называетъ себя по имени какого-нибудь ересеначальника Маркіона, или Валентина, или одного изъ возникшихъ нынѣ; то знай, что и такіе люди нарекоша имена своя на земляхъ, причислivъ себя къ людямъ растлѣннымъ и совершенно земнымъ.

(13) И человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ. (14)

Сей путь ихъ соблазнъ имъ, и по сихъ во устѣхъ своихъ благоволятъ.—Велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость (Притч. 20, 6); его драгоцѣнность заключается въ естественномъ устройствѣ. Ибо что иное на землѣ сотворено по образу Создателя? Кому иному даны начальство и власть надъ всѣми тварями, живущими на сушѣ, въ водахъ и въ воздухѣ? Не много ниже онъ Ангельскаго чина и то по причинѣ соединенія съ земнымъ тѣломъ. Но хотя Богъ сотворилъ человѣка отъ земли (Быт. 2, 7), а слуги Своя огнь палящъ (Евр. 1, 7); впрочемъ и въ человѣкахъ есть способность разумѣвать и познавать своего Творца и Зиждителя: ибо вдуну въ лице, то есть, вложилъ въ человѣка нѣчто отъ собственной Своей благодати, чтобы человѣкъ по подобному познавалъ подобное. Впрочемъ въ таковой чести сый, и тѣмъ самымъ, что созданъ по образу Творца, почтенный паче неба, паче солнца, звѣздныхъ сонмовъ (ибо какое небо называется образомъ Бога вышняго? Какой образъ Творца имѣютъ въ себѣ солнце, или луна, или прочія звѣзды? Имъ даны тѣла неодушевленныя и вещественныя, хотя и прозрачныя; у нихъ нѣтъ ни разумѣнія, ни произвольныхъ движеній, ни самовластной свободы; напротивъ того они рабы надлежащей необходимости, по которой всегда неизмѣнно вращаются около одного и того же, паче всего этого превознесенный честію, человѣкъ не разумѣ, но, переставъ подражать Богу и уподобляться Создателю, содѣлавшись рабомъ плотскихъ страстей, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ. То какъ конь женонеистовъ ржетъ къ женѣ искренняго своего (Іер. 5, 8); то, какъ хищный волкъ устремляется на чужое (Іер. 22, 27), а иногда, чрезъ козни противъ брата своего, въ лукавствѣ уподобляется лисицѣ (Іезек. 18, 4). Но подлинно это избытокъ несмысленности и скотскаго неразумѣнія, если созданный по образу Творца не сознаетъ первоначальнаго своего устройства, не хочетъ уразумѣть всего Божія о немъ домостроительства, и по оному заключать о собственномъ своемъ достоинствѣ; но до того забываетъ все это, что, отвергнувъ образъ Небеснаго, воспріемлетъ образъ перстнаго. И чтобы онъ не пребылъ во грѣхѣ, ради него Слово плоть бысть, и вселися въ ны (Іоан. 1, 14), и до того смирило Себя, что явило послушаніе Свое даже до смерти, смерти же крестныя (Фил. 2, 8). Если не помнишь первоначальнаго своего происхожденія; то составь понятіе о своемъ достоинствѣ по возданной за тебя цѣнѣ. Посмотри, что дано въ замѣнъ тебѣ, и познай, чего ты стоишь. Ты купленъ многоцѣнною кровію Христовою: не будь же рабомъ грѣха; уразумѣй себѣ цѣну, чтобы не уподобиться скотомъ несмысленнымъ.

(14) Сей путь ихъ соблазнъ имъ. Домостроитель нашъ

Богъ останавливаетъ насъ на пути порока, полагая намъ претыканія и препятствія, чтобы мы, оставивъ неразумную жизнь, по сихъ во устѣхъ своихъ благоволили, сердцемъ вѣруя въ правду, усты же исповѣдуя во спасеніе (Рим. 10, 10). Павелъ гналъ и разорялъ Церковь Христову, продолжалъ идти путемъ лукавымъ: но по сихъ во устѣхъ своихъ благоволи, возвѣщая въ сонмищахъ, яко сей есть Христосъ (Дѣян. 9, 22).

(15) Яко овцы во адѣ положи[1]), смерть упасетъ я. Людей скотоподобныхъ и приложившихся скотомъ несмысленнымъ, какъ овецъ, не имѣющихъ ни разумѣнія, ни силы защитить себя, похищающій въ плѣнъ, какъ врагъ, ввергъ уже въ собственную свою ограду, и пасти ихъ поручилъ смерти; потому что смерть пасла человѣковъ отъ Адама и во время жительства по закону Моисееву, пока не пришелъ истинный Пастырь, Который положилъ душу Свою за овецъ, и потомъ, воскресивъ ихъ съ Собою и изведши изъ темницы адской въ утро воскресенія, предалъ пасти ихъ правымъ, то есть святымъ Ангеламъ.

И обладаютъ ими правіи заутра. Ибо къ каждому изъ вѣрныхъ приставленъ Ангелъ, достойный того, чтобы видѣть Отца небеснаго. Такимъ образомъ правіи обладаютъ ими, по освобожденіи ихъ отъ самаго горькаго рабства, и обладаютъ по достиженіи ими утра, то есть, по пришествіи ихъ къ Востоку свѣта. Разсмотри всю связь употребленныхъ въ Писаніи реченій. Человѣкъ въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ. Кто по своему устройству сподобленъ чести, но, по причинѣ живущаго въ немъ грѣха, не сознаетъ самъ себя, тотъ приложися скотомъ несмысленнымъ. Потомъ, когда онъ, содѣлавъ себя чуждымъ Божія Слова, сталъ безсловеснымъ, врагъ, похитивъ его, какъ овцу не имѣющую пастыря, положилъ во адѣ и отдалъ пасти смерти. Посему избавленный изъ ада и освобожденный отъ лукаваго пастыря говоритъ: Господь пасетъ мя (Псал. 22, 11): пасетъ не смерть, но жизнь; не паденіе, но востаніе; не ложь, но истина.

И помощь ихъ обетшаетъ во адѣ. Пророкъ или говоритъ сіе о смерти, которая при всѣхъ своихъ пособіяхъ не могла удержать пасомыхъ ею противъ Того, Кто низложилъ имущаго державу смерти. Всѣ пособія ихъ стали ветхи и безсильны. Тогда окажется ничтожною и помощь людей прельщенныхъ умомъ, которые высоко думаютъ о своемъ богатствѣ, и славѣ, и власти. Во адѣ обетшаетъ, когда обнаружится ихъ безсиліе. Или, можетъ быть, помощь праведныхъ, искупленныхъ Господомъ, простется до ада. Ибо они не пріяша обѣто-

[1]) У Седмидесяти и по Славян. перев. положены суть.

ванія: Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ предварившіе насъ (Евр. 11, 39, 40).

(16) Обаче Богъ избавитъ душу мою изъ руки адовы, егда пріемлетъ мя. Ясно пророчествуетъ о сошествіи во адъ Господа, Который вмѣстѣ съ другими душами избавилъ и душу самого Пророка, чтобы она не оставалась во адѣ.

(17) Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его. Не убойся, говоритъ Пророкъ, егда разбогатѣетъ человѣкъ. И сія проповѣдь необходима живущимъ по вселенной, земнороднымъ и сынамъ человѣческимъ, вкупѣ богатымъ и убогимъ. Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ. Когда видишь, говоритъ Пророкъ, что неправедный богатъ, а праведный бѣденъ, не убойся самъ въ себѣ. Не смущайся мыслію, будто уже вовсе нѣтъ Божія Промысла, назирающаго дѣла человѣческія; или хотя и есть Божій надзоръ, но Онъ не простирается до мѣстъ надземныхъ, чтобы проникать и въ наши дѣла. А если бы Промыслъ удѣлялъ каждому, что ему свойственно, то были бы богаты праведные, которые умѣютъ пользоваться богатствомъ, и бѣдны порочные, которые обращаютъ богатство въ орудіе своей порочности. Итакъ, поелику между языками и земнородными многіе думаютъ подобнымъ сему образомъ, и изъ видимаго неравенства въ раздѣлѣ житейскихъ благъ заключаютъ, что міръ оставленъ безъ Промысла: то къ нимъ обращаетъ рѣчь Псаломъ, успокаивая невѣжественное волненіе ихъ мыслей, какъ и въ началѣ ихъ же призывалъ къ слушанію наставленій. Или, можетъ быть, Пророкъ простираетъ рѣчь и къ одному собственно лицу бѣднаго, говоря: не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ. Ибо бѣдные имѣютъ особенную нужду въ утѣшеніи, чтобы не устрашиться сильныхъ. Богатому, говоритъ Пророкъ, нѣтъ никакой пользы въ богатствѣ, когда онъ умираетъ, потому что не можетъ взять его съ собою; и изъ наслажденія богатствомъ получилъ онъ ту только выгоду, что душа его въ сей жизни была ублажаема ласкателями.

(18) Внегда же умрети, говоритъ Пророкъ, не возметъ всего этого изобилія; а едва возметъ одежду для прикрытія своего срама, и ту, если угодно будетъ слугамъ, снаряжающимъ его къ погребенію. Счастливъ онъ, если получитъ въ удѣлъ не много земли, которую изъ жалости дадутъ ему погребающіе, и тѣ сдѣлаютъ для него это изъ уваженія къ общему человѣческому естеству, не ему принося даръ, но оказывая честь человѣчеству. Посему не малодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни; ибо тогда увидишь, что праведнику служитъ во благо и нищета, и безславіе, и лишеніе наслажденій. И не сму-

щайся, видя, что нынѣ мнимыя блага раздѣляются какъ бы неправедно. Ибо услышишь, какъ будетъ сказано богатому; воспріялъ еси благая твоя во животѣ твоемъ; а бѣдному, что онъ принялъ злая въ жизни своей (Лук. 16, 25). Почему справедливо одинъ утѣшается, а другой страждетъ (Лук. 6, 25).

(19) Исповѣстся Тебѣ, егда благосотвориши ему. О перстномъ человѣкѣ, который благами почитаетъ одни преимущества сей жизни—богатство, здравіе, могущество,—о немъ говоритъ Пророкъ, что исповѣстся Богу, когда будетъ ему благосотворено, а въ несчастіяхъ изрыгнетъ онъ всякую хулу. Ибо Пророкъ, оставивъ бѣднаго, обращаетъ уже рѣчь къ Богу, въ обвиненіе богатства включая и то, что богатый только въ счастіи благодаритъ Бога, а при горестныхъ обстоятельствахъ не бываетъ благодарнымъ. Подобное сему и діаволъ приводитъ въ обвиненіе Іова, что не туне Іовъ чтитъ Господа (Іов. 1, 9), но имѣетъ награду за благочестіе, — богатство и прочее. Почему для показанія добродѣтели сего мужа Богъ лишилъ его всего, что онъ имѣлъ, чтобы изъ всего явствовала благодарность сего человѣка Богу.

(20) Внидеши[1]) даже до рода отецъ его. Думаю, что сіе говорится о грѣшникѣ, который столько знаетъ Бога, сколько предано ему обычаемъ отцевъ его, силою же собственнаго мышленія ничего не пріобрѣтаетъ и не присовокупляетъ въ себѣ къ познанію истины. Столько, говоритъ Пророкъ, приближаешься Ты, Боже, и такое въ немъ о Тебѣ понятіе, какое было въ родѣ отецъ его. И здѣсь Пророкъ изображаетъ великую недѣятельность разумѣнія, совершенную оземленѣлость и плотолюбіе человѣка, который погрязъ въ богатствѣ и роскоши, имѣетъ умъ подавленный житейскими заботами. Посему даже до вѣка не узритъ свѣта. Ибо ввѣрившіеся путеводительству слѣпыхъ учителей сами себя лишили наслажденія свѣтомъ. Но слова: внидеши даже до рода отецъ его, имѣютъ еще и другой смыслъ, а именно,—Ты наказываешь не тѣхъ только, которые предаются порочной жизни и ученіямъ, хотя отеческимъ, но чуждымъ благочестія, но подвергаешь взысканію и тѣхъ, которые были виновниками превратныхъ ученій. И сіе значитъ сказанное: внидеши даже до рода отецъ его. Ибо виновенъ не только имѣющій худыя понятія о Богѣ, но и тотъ, кто довелъ другихъ до сей погибели. А таковы тѣ, которые наслѣдовали грѣхъ предковъ, и, утвердивъ его въ себѣ давнимъ обычаемъ, сдѣлали неизгладимымъ. Даже до вѣка не узритъ свѣта. Ибо препровождаются они во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зу-

---

[1]) У Седмидесяти и Слав. перев. внидетъ.

бомъ (Матѳ. 8, 12); и подвергаются сему по праведному суду Божію; потому что въ жизни сей ради худыхъ своихъ дѣлъ ненавидѣли свѣтъ.

(21) Человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ. Это голосъ сожалѣющаго. Человѣкъ малымъ чимъ умаленный отъ Ангелъ (Псал. 7, 6), о которомъ и Соломонъ говоритъ велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость (Прит. 20, 6), сей человѣкъ, оттого что не созналъ своего достоинства, но покорился плотскимъ страстямъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ!

Бесѣда на псаломъ пятьдесятъ девятый.

Когда смотрю на ваше усердіе слушать, и на немощь силъ своихъ: приходитъ на мысль изображеніе уже подростшаго младенца, который еще не отнятъ отъ груди, и тревожитъ матерній сосецъ, изсушенный болѣзнію. Матерь знаетъ, что у ней пересохли источники молока; но, привлекаемая и обезпокоенная младенцемъ, даетъ ему сосцы, не съ намѣреніемъ напитать его, но чтобы прекратить его плачъ. Такъ, хотя и мои силы изсушены долговременными и различными тѣлесными недугами, однако жъ готовы предложить вамъ, если не наслажденіе значительное, то нѣкоторое удовлетвореніе; потому что преизбытокъ вашей любви удовольствуется и тѣмъ, если однимъ моимъ гласомъ утолится ваше влеченіе ко мнѣ. Посему да слышитъ мое вѣщаніе Церковь Божія, и да научится говорить то, что недавно мы произносили: (13) даждь намъ помощь отъ скорби: и суетно спасеніе человѣческо. Такимъ образомъ, смыслъ Псалма не позволяетъ, можетъ быть, мнѣ и отговариваться болѣзнію, если скорбь уготовляетъ помощь, а не предлогомъ служитъ къ немощи. И такъ тѣмъ, которые отринуты были за грѣхи, и потомъ опять приняты по человѣколюбію Божію, прилично говорить: (3) Боже, отринулъ ны еси, и низложилъ еси насъ: разгнѣвался еси, и ущедрилъ еси насъ. Лучше же сказать, поелику слово по естественному ходу мысли встрѣтилось съ разумѣемымъ во Псалмѣ, то коснемся нѣсколько его истолкованія.

Исторія предлагаемаго Псалма, буквально по его надписанію, доселѣ не отыскана ни въ одномъ изъ богодухновенныхъ сказаній. Впрочемъ прилежные испытатели Писанія найдутъ нѣчто сходное съ сею исторіею во второй книгѣ Царствъ, въ которой написано: и поразилъ Давидъ Адраазара, сына Раава, царя Сувска идущу ему поставити руку свою на рѣцѣ Евфратѣ. И предвзя Давидъ отъ него тысящу колесницъ, и седмь тысящъ

конникъ, и двадесять тысящъ мужей пѣшцевъ: и разруши Давидъ вся колесницы, и остави себѣ отъ нихъ сто колесницъ (2 Цар. 8, 3. 4.). И немного ниже сего говорится: и царствова Давидъ надъ всѣмъ Израилемъ, и бѣ Давидъ творяй судъ и правду, и Іоавъ, сынъ Саруинъ, надъ воинствы (ст. 15). И немного далѣе: и послаша сынове Аммони, и наяша Сирію Роовлю и Сирію Сувску, двадесять тысящъ мужей. И видѣ Іоавъ, яко бысть на него противное лице брани, и избра отъ всѣхъ сыновъ Израилевыхъ, и устрои противу Сиріанъ. И видѣши раби Адраазоровы яко падоша предъ Израилемъ, и пребѣгоша ко Израилю, и работаша имъ (2 Цар. 10., 6. 9. 19). Съ сею историческою выпискою находимъ согласнымъ и надписаніе Псалма, за исключеніемъ того, что временемъ сего столпописанія означено то, въ которое Давидъ сдѣлался наиболѣе славенъ и знаменитъ своими воинскими доблестями.

Поэтому достойно изслѣдованія, почему онъ начинаетъ сѣтованіемъ и плачемъ, когда надлежало радоваться и благодушествовать по причинѣ своихъ успѣховъ: ибо иныя реченія приличны торжествующимъ, иныя печальнымъ. Побѣды же бываютъ поводомъ къ всенародному торжеству не только для воиновъ, но и для земледѣльцевъ, купцевъ, ремесленниковъ, для всѣхъ пользующихся благами мира. Итакъ почему же говоритъ: Боже, отринулъ ны еси, и низложилъ еси насъ, — а между тѣмъ Богъ содѣлалъ ихъ побѣдителями? Какимъ образомъ низложилъ тѣхъ, которыхъ столько усилилъ, умноживъ у нихъ оружіе, колесницы, коней, подданныхъ, сдѣлавъ ихъ данницею цѣлую страну, всю Аравію, Финикію и Месонотамію? Любопытно узнать, не выражаютъ ли слова сіи какой нибудь неблагодарности? Давидъ разбилъ сперва Адраазара, царя Сувскаго, взялъ у него тысячу колесницъ, седмь тысячъ пѣшцевъ; потомъ поработилъ царя Сирійскаго, который помогалъ побѣжденному Адраазару, сдѣлалъ его своимъ данникомъ, въ одно мгновеніе времени побилъ у него двадцать двѣ тысячи; и третію одержалъ побѣду, когда сыновъ Аммоновыхъ, ополчившихся предъ враты града, побѣдилъ его военачальникъ Іоавъ, который, раздѣливъ свои силы на двѣ части, однихъ встрѣтилъ спереди, а другихъ одолѣлъ, зашедши въ тылъ. Какъ же среди такихъ доблестныхъ подвиговъ выражается такъ печально и уныло, говоря: Боже, отринулъ ны еси, и низложилъ еси насъ: разгнѣвался, и ущедрилъ еси насъ?

Хотя временемъ сего столпописанія было время успѣховъ; однако же сила написаннаго относится къ концу: а подъ концемъ разумѣется, что приключится при скончаніи вѣковъ. Посему говоритъ, что Пса-

ломъ написанъ о измѣнитися хотящихъ. Вообще же можно разумѣть о всемъ родѣ человѣческомъ, такъ какъ польза Псалма простирается на всѣхъ. Ибо измѣняющіеся и измѣнитися хотящіе суть тѣ, которые ни тѣла не сохраняютъ въ одинаковомъ состояніи, ни въ расположеніи своемъ не бываютъ всегда тверды, но измѣняются въ тѣлѣ съ перемѣною возрастовъ, и перемѣняютъ мысли, соображаясь съ различными обстоятельствами. Ибо мы инаковы, когда еще дѣти, инаковы, когда уже юноши, иными дѣлаемся, возмужавъ; и опять совершенно измѣняемся, состарѣвшись. А также мы инаковы при радостномъ состояніи дѣлъ, и иными дѣлаемся, находясь въ горестномъ стеченіи обстоятельствъ; мы инаковы, когда больны, и инаковы, когда здоровы; инаковы во время брачнаго торжества, инаковы во время сѣтованія. Или, поелику не сказано: о измѣняемыхъ, но: о измѣнитися хотящихъ; а сіе реченіе имѣетъ видъ пророчества, потому что указываетъ на будущее время: то подъ измѣнитися хотящими приличнѣе разумѣть тѣхъ, которые, оставивъ привычку отцевъ къ суетному, будутъ соображать жизнь свою съ Евангельскою строгостію. Посему Псаломъ написанъ не о тогдашнихъ Іудеяхъ, но о насъ, измѣнитися хотящихъ, о насъ, которые многобожіе обмѣниваемъ на благочестіе, и идольское заблужденіе на познаніе Сотворившаго насъ, которые вмѣсто беззаконнаго сластолюбія избираемъ законное цѣломудріе, и свирѣли, лики, піянство замѣняемъ Псалмомъ, постомъ и молитвою. Итакъ, если кто скажетъ, что Псаломъ сей написанъ о насъ, тотъ не погрѣшитъ противъ истины. Почему и словеса Божія (Рим. 3, 3), суть наши, и въ Церкви Божіей, какъ богоиспосланные дары, читаются при каждомъ собраніи, составляя какъ бы нѣкоторую духовную нищу, подаваемую отъ Духа.

Но Псаломъ сей написанъ и въ столпописаніе, то есть его не должно слушать небрежно. Не давай же словамъ Псалма, напечатлѣвъ ихъ въ памяти на краткое время, потомъ сливаться и изглаждаться въ умѣ твоемъ, какъ написанное на веществѣ скорогибнущемъ вскорѣ начинаетъ исчезать; но храни ихъ написанными въ душѣ твоей, какъ на столпѣ, то есть, неизмѣнными, твердыми, навсегда укорененными въ памяти.

А если Іудей будетъ исключать насъ, говоря, что Псаломъ писанъ не о насъ; то пристыдимъ его написаннымъ въ томъ же Псалмѣ, объяснивъ ему нераздѣльность призванія и то, какъ оно сводитъ далекихъ между собою, созываетъ дальнихъ, и многихъ дѣлаетъ единымъ чрезъ вѣру во Христа. Сказано: (9) Мой есть Галаадъ, и Мой есть Манассій; и Ефрема наименовалъ, и Іуду присовокупилъ, и Моава причислилъ; грозить наступить на Идумею, и вмѣстѣ благовѣствуетъ о покорности всѣхъ (10) Мнѣ иноплеменницы покорятся.

Боже, отринулъ ны еси. Отринулъ еси насъ, которые удаляемся отъ Тебя, по мѣрѣ грѣховъ своихъ; низложилъ еси скопища нашего лукавства, благодѣтельствуя намъ тѣмъ, что приводитъ насъ въ немощь; разгнѣвался еси, когда бѣхомъ естествомъ чада гнѣва (Еф. 2, 3), упованія не имуще, и безбожни въ мірѣ (12); ущедрилъ еси насъ, когда Единороднаго Твоего предложилъ Ты въ жертву умилостивленія за грѣхи наши (Рим. 3, 25), чтобы въ крови Его нашли мы избавленіе (Еф. 1, 7).

Но мы, облагодѣтельствованные Тобою, не познали бы сего, если бы (5) не напоилъ еси насъ виномъ умиленія. Виномъ называется слово, которымъ ожесточенное сердце приводится въ чувство.

(6) Далъ еси боящимся Тебѣ знаменіе, еже убѣжати отъ лица лука. Моисей на прагахъ Израильтянъ полагалъ въ знаменіе кровь овчую; а Ты далъ намъ знаменіе—самую кровь непорочнаго Агнца, закланнаго за грѣхи міра. И Іезекіиль говоритъ, что дается знаменіе на лица. Сказано: идите въ слѣдъ его, изсѣцыте не пощадите и не помилуйте. Старца, и юношу, и младенца, и дѣву, и жены избійте въ потребленіе: а ко всѣмъ, на нихже есть знаменіе, не прикасайтеся (Іез. 9, 4—6).

(8) Богъ возглагола во святѣмъ Своемъ: возрадуюся, и раздѣлю Сикиму. Сикима, избранный участокъ земли, данный Іаковомъ Іосифу (Быт. 48, 22), прообразуетъ Завѣтъ, который, повидимому, данъ былъ одному Израилю. Сей-то избранный Завѣтъ, сіе-то наслѣдіе народа, обращу въ раздѣлъ, и сдѣлаю общимъ съ прочими. А когда Завѣтъ будетъ раздѣленъ между всѣми, и польза сдѣлается общею для всѣхъ облагодѣтельствованныхъ Богомъ; тогда и юдоль жилищъ размѣрится, то есть, вся вселенная, какъ бы по жребіямъ, раздѣлена будетъ для селеній на всякомъ мѣстѣ. Тогда и далекихъ между собою приведетъ въ соприкосновеніе Умиротворяющій, аще земная, аще ли небесная (Колос. 1, 20); и средостѣніе ограды Разоривый сотворитъ обая едино (Ефес. 2, 14).

(9) Мой есть Галаадъ, и мой есть Манассій. Галаадъ есть потомокъ Манассіи (1 Паралип. 7, 17). Симъ показывается нисходящій отъ Бога послѣдовательный рядъ Патріарховъ, отъ нихже Христосъ по плоти (Рим. 9, 5). И Ефремъ заступленіе (Псал. 107, 9) главы Моея, Іуда царь Мой. Расторженныя части соединяетъ единомыслiемъ.

(10) Моавъ конобъ упованія, или, какъ другой толков-

никъ говоритъ конобъ омовенія[1]); или, конобъ беззаботности[2]), то есть, человѣкъ отверженный, которому съ угрозою сказано, что не взойдетъ въ Церковь Господню: ибо не внидетъ Моавитинъ и Аммонитинъ до третьяго, и до десятаго рода, и даже до вѣка (Втор. 23, 3). Впрочемъ, поелику Крещеніе подаетъ оставленіе грѣховъ и должникамъ доставляетъ беззаботность, то Пророкъ, указывая на избавленіе и на усвоеніе Богу чрезъ Крещеніе, говоритъ: Моавъ есть конобъ омовенія, или конобъ беззаботности. Итакъ всѣ иноплеменницы покорившася, подклонившись подъ иго Христово.

Посему-то и на Идумею налагаетъ (Псал. 107, 10), сапогъ Свой. А сапогъ Божества есть богоносная плоть, чрезъ которую Оно снизошло къ человѣкамъ.

Въ сей надеждѣ, ублажая время пришествія Господня, Пророкъ говоритъ: (11) кто введетъ мя во градъ ограженія? И можетъ быть разумѣетъ Церковь, называя градомъ, потому что она есть собраніе вселяющихся законно, и градомъ ограженія, по оградѣ вѣры. Почему одинъ изъ толковниковъ[3]) весьма удачно перевелъ: во градъ огражденный. Итакъ кто дастъ мнѣ видѣть сіе великое зрѣлище—Бога пришедшаго къ человѣкамъ? На сіе-то указываютъ слова Господа: яко мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша (Матѳ. 13, 17).

(13) Даждь намъ помощь отъ скорби. Будемъ искать помощи не въ крѣпости, не въ благосостояніи плоти; пожелаемъ заступленія не отъ кого-либо изъ почитаемыхъ знатными у людей. Не множествомъ денегъ, не превосходствомъ силы, не высотою славы пріобрѣтается побѣда, напротивъ того изъ преизбытка скорби Господь подастъ помощь взыщущимъ Его. Таковъ былъ и Павелъ, который скорби ставилъ себѣ въ похвалу; почему могъ говорить: егда немоществую, тогда силенъ есмь (2 Кор. 12, 10). Даждь и намъ, Господи, помощь отъ скорби: ибо скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ (Рим. 5, 3). Видишь, куда возводитъ тебя скорбь? Къ непостыдному упованію! Боленъ ли ты? Благодушествуй, потому что его же любитъ Господь, наказуетъ (Евр. 12, 6). Бѣденъ ли ты? Веселись; потому что ожидаютъ тебя Лазаревы блага. Терпишь ли безчестіе за имя Христово? Ты блаженъ; потому что безчестіе твое обратится въ ангельскую славу.

---

[1]) Такъ переводитъ Аквила.

[2]) Это по переводу Симмаха.

[3]) Симмахъ.

Убѣдимъ себя, братія, во время искушенія прибѣгать не къ человѣческимъ надеждамъ и не здѣсь на землѣ искать себѣ помощи, но совершать моленія со слезами и воздыханіями, съ прилежною молитвою, съ напряженнымъ бдѣніемъ; ибо тотъ получаетъ помощь отъ скорби, кто человѣческую помощь презираетъ, какъ суетную, и утверждается въ надеждѣ на могущаго спасти насъ, утверждается же о Христѣ Іисусѣ, Господѣ Нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на псаломъ шестьдесятъ первый.

(1) Въ конецъ о Идиѳумѣ, Псаломъ Давиду. Два знаемъ Псалма съ надписаніемъ: о Идиѳумѣ: тридцать осмый и тотъ, который въ рукахъ. Думаю же, что сочиненіе Псалмовъ принадлежитъ Давиду, а Идиѳуму переданы они для того, чтобы онъ пользовался ими, при исцѣленіи душевныхъ страстей, и чтобы пѣніемъ ихъ при народѣ, какъ Богъ прославлялся, такъ и слушающіе сіе стройное пѣніе исправлялись въ нравахъ. Ибо Идиѳумъ былъ священный псалмопѣвецъ, какъ свидѣтельствуетъ намъ исторія, въ книгѣ Паралипоменонъ, говоря: и съ ними Эманъ, и Идиѳумъ, и трубы и кимвалы, еже возглашати и органы пѣній Божіихъ (1 Пар. 16, 41. 42). И немного ниже: и поставиДавидъ Царь и князи силы, надъ дѣлы сыны Асафовы, и Эмани, и Идиѳумовы, иже провѣщаваху въ гуслѣхъ и псалтирѣхъ (1 Пар. 25, 1).

Тотъ и другой псаломъ преимущественно разсуждаетъ о терпѣніи, которымъ укрощается душевная раздражительность, а по истребленіи всякаго высокомѣрія усовершается смиреніе. Ибо трудно представить, чтобы человѣкъ, который не терпитъ быть ниже всѣхъ и послѣднимъ, могъ когда-нибудь или укоряемый удержаться отъ гнѣва, или во время скорби преподѣдить искушенія долготерпѣніемъ. А кто преуспѣлъ въ высшемъ смиреніи, тотъ, слыша укоризны, поелику самъ себя сознаетъ еще болѣе достойнымъ униженія, не смутится душею отъ того, что безчестятъ его словами. Но если назовутъ его бѣднымъ,—знаетъ, что онъ дѣйствительно нищъ во всемъ и скуденъ, и всякій день имѣетъ нужду въ подаяніи отъ Господа. Если назовутъ его человѣкомъ низкаго происхожденія и неизвѣстнымъ въ свѣтѣ; у него давно напечатлѣно въ сердцѣ, что онъ созданъ изъ персти.

Посему-то Псалмопѣвецъ въ первомъ изъ сихъ Псалмовъ говоритъ: рѣхъ: сохраню пути моя (Пс. 38, 1); и изображаетъ какъ злоумышленіе грѣшника, такъ собственное свое терпѣніе. Внегда востати, говоритъ, грѣшному предо мною, онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ (2). Потомъ продолжаетъ: обаче всяческая суета всякъ человѣкъ живый (6).

И далѣе: сокровиществуетъ, и не вѣсть, кому соберетъ я (7).

Въ настоящемъ же Псалмѣ начинаетъ недоумѣніемъ, какъ бы бесѣдуя съ своей душею, и продолжая начатую прежде рѣчь. Чтобы душа, покорившись мудрованію плоти, не предалась гнѣву и скорби, говоритъ онъ: для чего дѣлаю рабою негодныхъ страстей душу, которой Творецъ ея поручилъ управлять тѣломъ и тѣлесными страстями? Посему должно владѣть страстями, работать же Богу. Ибо невозможно, чтобы въ душѣ царствовали грѣхъ и Богъ; напротивъ того должно надъ порокомъ брать верхъ, и покоряться Владыкѣ всяческихъ. Посему-то Пророкъ, обращая рѣчь къ тому, кто наводитъ на него искушенія, возбуждаетъ противъ него великое множество золъ, и высоту духа старается поработить и подчинить плоти, какъ бы въ обличеніе суетности такого злоумышленія, говоритъ: что принуждаешь меня служить, кому я не обязанъ? У меня есть Владыка; я знаю истиннаго Царя.

(2) Не Богу ли повинуется душа моя? Отъ Того бо спасеніе мое. Пророкъ сказалъ причину заботливости о повиновеніи,—именно ту, что спасеніе отъ Бога. Творцу свойственно заботиться о безопасности тварей сихъ. Или „отъ Того спасеніе“, то есть, Давидъ пророчески предвидитъ грядущую благодать воплощенія Господня; потому говоритъ, что должно служить Богу и любить Его. Онъ предустроилъ столь великое благодѣяніе роду человѣческому, что и Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть (Рим. 8, 32). Ибо Писанію обыкновенно называть спасеніемъ Христа Божія, какъ и Симеонъ говоритъ: нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко; яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое (Лук. 2, 29. 30). Итакъ повинемся Богу, потому что отъ Него спасеніе. А что такое спасеніе, Пророкъ толкуетъ: это не простое дѣйствіе, сообщающее намъ нѣкоторую благодать къ избавленію отъ немощи и къ благосостоянію тѣла. Но что же такое спасеніе?

(3) Ибо Той Богъ мой, и Спасъ мой, заступникъ мой, не подвижуся наипаче. Богъ нашъ есть Сынъ Божій; Онъ и Спаситель рода человѣческаго, подкрѣпляющій немощь нашу, прекращающій волненіе, производимое въ душахъ нашихъ искушеніями. Не подвижуся наипаче. Псалмопѣвецъ, какъ человѣкъ, сознается въ волненіи. Наипаче. Въ душѣ человѣческой не возможно не быть нѣкоторому волненію отъ искушеній. Пока погрѣшаемъ рѣдко и не въ важномъ, мы слегка только колеблемся, какъ растенія, качаемыя тихимъ вѣтромъ. Но когда худыя наши дѣла сдѣлаются и многочисленнѣе и важнѣе: тогда по мѣрѣ возрастающихъ грѣховъ, и волненіе обыкновенно въ насъ усиливается. И одни приходятъ въ колебаніе сверхъ мѣры, а другіе дохо-

дятъ до того, что вырванные съ корнемъ бываютъ низложены, когда дуновеніе порока сильнѣе всякой бури исторгаетъ какъ бы корни души, на которыхъ она утверждалась Божественною вѣрою. Потому и я, говоритъ Псалмопѣвецъ, колебался, какъ человѣкъ, но не поколеблюсь наипаче, потому что меня поддерживаетъ десница Спасителя.

(4) Доколѣ належите на человѣка? Убиваете вси вы, яко стѣнѣ преклоненѣ и оплоту возр-иновену. Псалмопѣвецъ опять препирается съ лукавыми служителями діавола, жалуясь на безмѣрность предпріемлемыхъ ими злыхъ умысловъ. Мы люди—слабыя живыя существа, а вы належите на насъ, не довольствуясь первымъ нападеніемъ, но нападаете въ другой и въ третій разъ,, пока не низложите душу встрѣтившагося вамъ, такъ что она будетъ подобна стѣнѣ наклоненной и оплоту разрушенному. Стѣна, пока стоитъ въ прямомъ положеніи, бываетъ тверда, а когда наклонится, тогда необходимо ей разрушиться и упасть; ибо тяжелое тѣло связное и по наклоненіи можетъ быть спрямлено, а тѣла, составленныя изъ многихъ частей, какъ скоро сдѣлается въ нихъ перевѣсъ на одну сторону, не допускаютъ уже и возможности ихъ спрямить. Итакъ Псаломъ даетъ разумѣть, что, поелику природа человѣческаго, будучи сложною, преклонена грѣхомъ, то ей непремѣнно должно разрушиться, чтобы, по обновленіи Художникомъ, создавшимъ ее въ началѣ, воспріять безопасность, неразрушимость и неувлекаемость, по чьему-либо злоумышленію, въ новое паденіе. Сказано: Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте (1 Кор. 3, 9). Сіе-то зданіе поколебалъ врагъ; Зиждитель исправилъ происшедшія въ немъ поврежденія. А такимъ образомъ, хотя разрушеніе необходимо по причинѣ грѣха, однако же велико воскресеніе по причинѣ безсмертія.

(5) Обаче цѣну мою совѣщаша отринути: текоша въ жажди: усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху. Цѣна человѣка есть кровь Христова. Ибо сказано: цѣною куплени есте: не будите раби человѣкомъ (1 Кор. 7, 23). Сію-то цѣну умыслили сдѣлать для насъ безплодною воители лукаваго, снова вводя въ рабство освобожденныхъ однажды. Текоша въ жажди. Пророкъ выражаетъ жестокость злокозненности демоновъ;—они устремляются на насъ, жаждая нашей погибели. Усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху. Многіе одобряютъ худыя дѣла: шутливаго называютъ забавнымъ; сквернослова—знающимъ обхожденіе; чрезъ-мѣру взыскательнаго и гнѣвливаго именуютъ человѣкомъ не заслуживающимъ презрѣнія; скупаго и необщительнаго хвалятъ за разсчетливость, расточительнаго—за щедрость, блудника и распутнаго—за умѣніе наслаждаться и за развязность; вообще всякой порокъ прикрашиваютъ именемъ соприкосновенной добродѣ-

тели. Такіе люди устами благословляютъ, а сердцемъ кленутъ; потому что своими похвалами навлекаютъ проклятіе на жизнь хвалимыхъ, подвергая ихъ вѣчному осужденію за то самое, за что одобряютъ ихъ.

Псалмопѣвецъ опять обращаетъ рѣчь къ душѣ, чтобы усилить ея повиновеніе Богу.

(6) Обаче, говоритъ онъ, Богови повинися, душе моя: яко отъ Того терпѣніе мое. Симъ показываетъ, какъ велики искушенія, и говоритъ одно съ Апостоломъ, что Богъ не оставитъ насъ искуситися паче, еже мы можемъ понести (1 Кор. 10, 13); яко отъ Того терпѣніе мое.

(8) О Бозѣ спасеніе мое и слава моя: Богъ помощи моея, и упованіе мое на Бога. Блаженъ, кто не восхищается никакою житейскою высотою, но Бога имѣетъ славою своею; кто хвалится о Христѣ, и можетъ сказать съ Апостоломъ: мнѣ же да не будетъ хвалится, токмо о крестѣ Христовѣ (Гал. 6, 14). По нынѣ многіе хвалятся тѣломъ своимъ: таковы упражнявшіеся въ борьбахъ, или вообще цвѣтущіе свѣжестію возраста. Многіе хвалятся мужествомъ на войнѣ, почитая добродѣтелію даже убійство единоплеменниковъ; потому что воинская доблесть и памятники, воздвигаемые полководцемъ и городами, соразмѣрются съ количествомъ убійствъ. Одни славятся сооруженіемъ городскихъ стѣнъ, другіе устройствомъ водопроводовъ и постройкою большихъ зданій для упражненій въ борьбахъ. Этотъ, иждивая свое богатство на борцовъ со звѣрями и восхищаясь суетными кликами толпы, надмевается похвалами и много о себѣ думаетъ, поставляя славу въ своемъ позорѣ, и даже, въ видныхъ мѣстахъ города написавъ на доскахъ грѣхъ свой, выставляетъ его на показъ. Другой славится богатствомъ, а иный—тѣмъ, что онъ сильный и непреоборимый витія, или знатокъ въ мірской мудрости. О славѣ всѣхъ такихъ людей надобно сожалѣть; а ублажать тѣхъ, которые поставляютъ своею славою Бога. Если иной высоко ставитъ, что онъ служитъ при царѣ, и почтенъ отъ него великою честію; то сколько же ты долженъ ставить себѣ въ честь, что ты рабъ Великаго Царя, призванъ Имъ въ тѣсное общеніе, пріялъ Духъ обѣтованія, чтобы, запечатлѣвшись Имъ, содѣлаться сыномъ Божіимъ.

Познавъ же на себѣ самомъ пользу искренняго упованія на Бога, Псалмопѣвецъ призываетъ и народъ соревновать ему въ этомъ, говоря: (9) уповайте на Него весь сонмъ людей; изліяйте предъ Нимъ сердца ваша. Невозможно намъ содѣлаться способными къ пріятію Божественной благодати, не изгнавъ изъ себя порочныхъ страстей, какія овладѣли нашими душами. Я видалъ, что врачи не прежде даютъ цѣлебныя лекарства, какъ уже посредствомъ рвоты очистивъ то болѣзнетворное вещество, которое невоздержные скопили въ себѣ ху-

дымъ поведеніемъ. И въ сосудъ, который былъ занятъ какою-нибудь зловонною жидкостію, не вымывъ, не наливаютъ мура. Посему должно быть вылито помѣщавшееся прежде, чтобы могло вмѣститься вновь вливаемое.

(10) Обаче суетни сынове человѣчестіи. Пророкъ зналъ, что не всѣ слѣдуютъ его увѣщанію, не всѣ соглашаются надѣяться на Бога, а напротивъ того имѣютъ надежду на суеты житейскія. Посему говоритъ: обаче суетни сынове человѣчестіи, лживи сынове человѣчестіи. Почему суетны? Потому что лживы. Въ чемъ же особенно изобличается ихъ лживость? Въ мѣрилѣхъ еже неправдовати. О какихъ мѣрилахъ говоритъ Пророкъ? Развѣ всякой человѣкъ стоитъ съ вѣсами и вѣшаетъ? Развѣ всѣ—продавцы шерсти и мясовъ, торгуютъ золотомъ или серебромъ, или вообще только и занимаются, что веществами, которыя купцы обыкновенно продаютъ на мѣру и на вѣсъ? Но много ремесленниковъ всякаго рода, которые не имѣютъ нужды въ вѣсахъ для своей работы. Многіе занимаются мореходствомъ; многіе обращаются около судебныхъ дѣлъ и народоправленія. И у нихъ, правда, есть ложь, только обманъ дѣлается не посредствомъ вѣсовъ. Что же значитъ сказанное Пророкомъ? То, что внутри каждаго изъ насъ есть нѣкое мѣрило, устроенное Творцомъ нашимъ, съ помощію котораго можно различать природу вещей. Дахъ предъ лицемъ твоимъ жизнь и смерть, благо и зло (Втор. 30, 15),—двѣ вещи, по природѣ взаимнопротивоположныя. Взвѣшивай же ихъ на собственномъ судилищѣ твоемъ; вымѣряй тщательно, что полезнѣе для тебя, избрать ли временное удовольствіе, и за него получить вѣчную смерть, или, избравъ злострадание при упражненіи въ добродѣтели, употребить это средствомъ къ пріобрѣтенію вѣчнаго наслажденія. Итакъ люди лживы, потому что въ нихъ растлилось судилище души. О нихъ и Пророкъ, жалѣя, говоритъ: горе глаголющимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, глаголющимъ горькое сладкое и сладкое горькое (Иса. 5, 20). Передо мной, говоритъ Псалмопѣвецъ, только настоящее, а будущее кто знаетъ? Ты худо мѣряешь, когда предпочитаешь худое доброму, суетное цѣнишь дороже истиннаго, временное ставишь выше вѣчнаго, скоропреходящее удовольствіе избираешь вмѣсто нескончаемаго и непрерывнаго веселія. Посему лживи сынове человѣчестіи въ мѣрилѣхъ еже неправдовати. Неправду же дѣлаютъ они первоначально сами противъ себя, а потомъ и противъ ближнихъ, потому что и сами себѣ худые совѣтники въ дѣлахъ, и для другихъ служатъ дурнымъ примѣромъ. Тебѣ нельзя сказать въ день суда: я не зналъ добра; тебя обличаютъ собственные твои вѣсы, достаточные къ различенію добра и зла. Тѣлесныя тяжести познаемъ по наклоненію стрѣлки на вѣсахъ, а что въ жизни достойно предпочтенія, то различаемъ свободнымъ произволеніемъ души, и сіе-то Псалмопѣ-

вецъ назвалъ мѣриломъ; потому что свобода равно можетъ склоняться на ту и на другую сторону.

(11) Не уповайте на неправду, и на восхищеніе не желайте. Выше сказалъ: уповайте на Него весь сонмъ людей. Но видѣлъ медленность въ повиновеніи, и произнесъ: обаче суетни сынове человѣстіи. Теперь опять запрещаетъ уповать на неправду. Кто собранное неправдою богатство почитаетъ для себя достаточнымъ средствомъ къ силѣ и могуществу, тотъ подобенъ больному, который въ самой сильной болѣзни поставляетъ свое здоровье. Не уповайте не неправду; она препятствуетъ тебѣ во всякомъ дѣлѣ. И на восхищеніе не желайте: Псалмопѣвецъ увѣщаваетъ не быть похотливымъ на чужое.

Богатство аще течетъ, не прилагайтесь сердцемъ. Если видишь, что иной чрезъ-мѣру богатъ, не почитай жизнь его блаженною. Если отовсюду и изъ неисчерпаемыхъ источниковъ текутъ къ тебѣ деньги, не допускай до себя ихъ обилія. Богатство, аще течетъ. Подивись сему реченію! Свойство богатства текучесть. Быстрѣе потока протекаетъ оно мимо владѣющихъ имъ, и обыкновенно перемѣняетъ ихъ одно за другимъ. Какъ рѣка, стремящаяся съ высоты, приближается къ стоящимъ на берегу, но вдругъ коснулась, и въ ту же минуту удалилась: такъ и выгоды богатства весьма быстро появляются и ускользаютъ, имѣя обычай переходить отъ одного къ другому. Это поле сегодня принадлежитъ одному, завтра будетъ принадлежать другому, а чрезъ нѣсколько времени еще новому владѣльцу. Посмотри на домы въ городѣ; сколько уже принимали они наименованій со времени своего существованія, называясь по имени то того, то другаго владѣтеля! И золото, постоянно утекая изъ рукъ владѣющаго имъ, переходитъ къ другому; а отъ другаго къ третьему. Скорѣе можешь удержать воду сжатую въ рѣкѣ, нежели надолго сохранить у себя богатство. Посему прекрасно сказано: богатство, аще течетъ, не прилагайтесь сердцемъ. Не пристращайся къ нему душею своею, но извлекай изъ него пользу; не люби его чрезъ мѣру, и какъ одному изъ благъ не дивись ему, но употребляй его въ служеніе какъ орудіе.

Потомъ Псалмопѣвецъ ко всему сказанному присовокупляетъ изреченіе, не собственными своими словами, но какъ слышалъ его отъ Бога. Ибо говоритъ: (12) единою глагола Богъ, двоя сія слышахъ. И никто не смущайся, будто бы въ сказанномъ есть странность, а именно: какъ Богъ говорилъ однажды, а Пророкъ слышалъ это два раза. Ибо возможно однажды сказать такъ, чтобы въ сказанномъ однажды заключалось многое. Одинъ человѣкъ, встрѣтившись съ другимъ однажды, о многомъ переговорилъ съ нимъ; и выслушавшій его рѣчи можетъ сказать: однажды

онъ говорилъ со мною, но насказалъ многое. Таковъ же смыслъ и теперь сказаннаго. Однажды было мнѣ Божіе явленіе, но два предмета, о которыхъ говорилъ мнѣ Богъ. Пророкъ не сказалъ: объ одномъ глагола Богъ, но двоя сія слышахъ: въ такомъ случаѣ оказалось бы, что рѣчь заключаетъ въ себѣ противорѣчіе.

Итакъ что же это за двоя, слышанныя Пророкомъ? Зане держава Божія, (13) и Твоя Господи милость. Я слышалъ, говоритъ Пророкъ, что Богъ силенъ на судѣ, и что Онъ же милостивъ. Посему не уповайте на неправду, не прилагайтесь къ богатству, не избирайте суеты, не носите съ собою растлѣннаго судилища души. Зная, что крѣпокъ Владыка нашъ, бойтесь крѣпости Его, и не отчаявайтесь въ Его человѣколюбіи. Для того, чтобы не дѣлать неправды, хорошъ страхъ, а для того, чтобы, поползнувшись однажды на грѣхъ, не вознерадѣть о себѣ по безнадежности, хороша надежда на милость. Ибо держава Божія, и отъ Него же милость.

Яко Ты воздаси комуждо по дѣломъ его. Ибо еюже мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ (Лук. 6, 38). Оскорбилъ ты брата? И себѣ ожидай равнаго. Грабилъ ты низшихъ, билъ бѣдныхъ, срамилъ укоризнами, клеветалъ, лгалъ, посягалъ на чужое брачное ложе, нарушалъ клятву, перелагалъ предѣлы отцевъ (Прит. 22, 28), налагалъ руки на имущество сиротъ, оскорблялъ вдовицъ, настоящее удовольствіе предпочиталъ обѣтованнымъ благамъ? Ожидай воздаянія за это. Ибо еже сѣетъ каждый, тожде и пожнетъ (Гал. 6,7). Впрочемъ, если и доброе что сдѣлано тобою, то и за это ожидай многократно большаго воздаянія. Яко Ты воздаси комуждо по дѣломъ его. Во всю жизнь свою помятуя сіе изреченіе, возможешь избѣжать многихъ грѣховъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на псаломъ сто четырнадцатый.

Заранѣе занявъ сію священную ограду Мучениковъ, и съ половины ночи умилостивляя пѣснопѣніями Бога мучениковъ, вы терпѣли до сего полудня, ожидая моего пришествія. Посему вамъ, которые честь мучениковъ и служеніе Богу предпочитаете сну и упокоенію, награда готова. Но если и мнѣ должно оправдывать себя въ замедленіи, и въ томъ, что надолго оставилъ васъ; скажу на это причину. Все время настоящаго дня употребилъ я на то, чтобы устроить другую сей равночестную Церковь Божію, отдѣленную отъ васъ не малымъ разстояніемъ. Итакъ поелику Господь даровалъ мнѣ — и имъ служеніе исполнить, и вашу любовь не обмануть; то воздайте со мною благодареніе Благодѣтелю, Который эту види-

мую немощь моего тѣла подкрѣпляетъ Своею невидимою силою. Но, чтобы не огорчить васъ, удерживая долго, кратко побесѣдую изъ Псалма, который засталъ я васъ поющими, и, по мѣрѣ силъ своихъ, напитавъ души ваши словомъ утѣшенія, отпущу, чтобы каждый изъ васъ занялся попеченіемъ о тѣлѣ своемъ.

Что жъ было пѣто вами? Слѣдующее: (1) Возлюбихъ, яко услышитъ Господь гласъ моленія моего. Не всякому можно сказать: возлюбихъ, а только тому, кто уже совершенъ, вышелъ изъ рабскаго страха, и пріялъ духъ сыноположенія. Къ слову: возлюбихъ, не присовокуплено: кого именно возлюбилъ, подразумѣвается же: Бога всяческихъ. Ибо достолюбезное въ собственномъ смыслѣ есть Богъ; такъ какъ, по опредѣленію, то достолюбезное, чего всѣ желаютъ. А Богъ есть благо, первое и совершеннѣйшее изъ благъ. Итакъ возлюбилъ я самого Бога, и съ радостію принялъ за Него страданія. Какія же то страданія, Пророкъ описываетъ нѣсколько ниже: болѣзни смертныя, бѣды адовы, скорбь, болѣзнь,—все это казалось ему достолюбезнымъ по любви къ Богу и по упованію того, что соблюдается понесшимъ страданія за благочестіе. Не противъ воли, не насильственно и не принужденно вытерпѣлъ я подвиги, говоритъ Пророкъ, но съ какою-то любовію и расположеніемъ переносилъ труды; почему могу сказать: зане Тебе ради умерщвляемся весь день (Псал. 43, 23). И кажется, что сіе равносильно Апостольскому слову, и сказано съ тѣмъ же расположеніемъ, съ какимъ и Апостолъ говоритъ: кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ (Рим. 8, 35)? Итакъ возлюбихъ все сіе, зная, что переношу бѣды за благочестіе, и имѣю зрителемъ и подвигоположникомъ Владыку, всяческихъ. Яко услышитъ Господь гласъ моленія моего. Такъ и каждый изъ насъ можетъ исполнить трудное въ заповѣдяхъ, когда жизнь свою, какъ предъ зрителемъ, открываетъ передъ Богомъ всяческихъ.

(2) Яко приклони ухо Свое мнѣ. Пророкъ сказалъ: приклони, не для того, чтобы составилъ ты какое-нибудь чувственное понятіе о Богѣ, будто бы имѣетъ Онъ уши, и приклоняетъ ихъ по причинѣ тихаго голоса, какъ дѣлаемъ мы, приближая слухъ свой къ говорящимъ слабо, чтобы вблизи ощутить произносимое. Напротивъ того онъ сказалъ: приклони, чтобы показать собственную свою немощь, то есть, снизойди по человѣколюбію ко мнѣ лежащему на землѣ, какъ человѣколюбивый врачъ, приклоняя слухъ свой къ больному, который отъ великаго изнеможенія не можетъ говорить внятно, вблизи узнаетъ нужды страждущаго. Итакъ приклони ухо Свое мнѣ. Божій слухъ для ощущенія не имѣетъ нужды въ голосѣ. Богъ и по движеніямъ сердца умѣетъ

узнавать просимое. Или не слышишь, что Моисей, который ничего не говоритъ, но въ неизрекаемыхъ своихъ воздыханіяхъ молитъ Господа, услышанъ былъ Господомъ, и Онъ сказалъ Моисею: что вопіеши ко Мнѣ (Исх. 14, 15)? Богъ умѣетъ услышать и праведную кровь, у которой нѣтъ языка, нѣтъ голоса проникающаго воздухъ. Явленіе же праведныхъ дѣлъ предъ Господомъ есть велегласіе.

И во дни моя призову. Мы, одинъ день помолившись, или одинъ часъ, и то не много, поскорбѣвъ о своихъ грѣхахъ, отлагаемъ попеченіе, какъ будто сдѣлали уже нѣчто равномѣрное своей грѣховности. Но святый Пророкъ объявляетъ, что онъ приноситъ исповѣданіе, соразмѣрное всему времени своей жизни. Ибо говоритъ: во вся дни моя призову. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, будто бы призывалъ онъ Бога, потому что благоденствовалъ въ сей жизни, и всѣ дѣла его текли благоуспѣшно, описываетъ величіе бѣдствій, въ которыхъ не забывалъ онъ имеимени Божія.

Ибо говоритъ: (3) объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя. Подъ словомъ болѣзни (ὠδῖνες) у Пророка въ собственномъ смыслѣ разумѣются обыкновенныя боли при чревоношеніи, когда чрево, угнетенное бременемъ, побуждаетъ носимый плодъ къ выходу вонъ, а потомъ дѣторадные члены, сгнетенные и натянутые во время чревоношенія, сотрясеніями и сжатіями жилъ причиняютъ раждающимъ самыя острыя боли и жестокія мученія. Сіе понятіе болѣзней онъ перенесъ и на болѣзни смертныя, поражающія живое существо при разлученіи души и тѣла. Я претерпѣлъ, говоритъ онъ, не что-нибудь довольно сносное, но испытывалъ даже самыя болѣзни смертныя и доведенъ былъ до опасности снизойти во адъ. Сіе ли одно терпѣлъ онъ, чѣмъ хвалится, или не рѣдко терпѣлъ, хотя то же, но невольно, тогда какъ вынужденное не заслуживаетъ похвалы? Но смотри на великодушіе подвижника. Когда, говоритъ онъ, объяша мя болѣзни смертныя и бѣды адовы обрѣтоша мя: тогда я не только не палъ подъ тяжестію сихъ искушеній, но даже добровольно подвергъ себя еще гораздо многочисленнѣйшимъ искушеніямъ, какъ бы самъ для себя добровольно изобрѣталъ скорбь и болѣзнь, а не противъ воли онѣ постигали меня. Выше сказалъ: бѣды адовы обрѣтоша мя; а здѣсь: скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. Такъ какъ въ бѣдахъ оказался я неослабнымъ при всѣхъ навожденіяхъ искусителя, то, чтобы показать преизбытокъ любви къ Богу, приложилъ я скорбь къ скорби и болѣзнь къ болѣзни, не въ надеждѣ собственною силою противостать скорбному, но потому что призвалъ имя Господне. Подобно сему сказанное Апостоломъ: во всѣхъ сихъ преподѣждаемъ за Возлюбльшаго ны (Рим. 8, 37). Побѣждаетъ, кто неослабно переноситъ приключающееся по необходимости;

препобѣждаетъ же, кто въ доказательство терпѣнія самопроизвольно навлекаетъ на себя болѣзнь. Кто впалъ въ какой нибудь смертный грѣхъ, тотъ долженъ говорить: объяша мя болѣзни смертныя; ибо сказано: всякъ творяй грѣхъ отъ діавола рожденъ есть (1 Іоан. 3, 8). Когда я былъ дѣлателемъ грѣха, говоритъ Давидъ, и когда носила меня во чревѣ смерть: тогда обрѣтенъ я былъ бѣдами адовыми. Чѣмъ же исцѣлилъ я себя? Тѣмъ, что обрѣтохъ скорбь и болѣзнь покаянія; придумалъ для себя терзаніе покаянія, соразмѣрное тяжести грѣха, и такимъ образомъ дерзнулъ призвать имя Господне. Что же сказалъ я? (4) О Господи, избави душу мою, я содержусь въ плѣну: Ты дай за меня выкупъ и избави душу мою.

Милостивъ Господь и праведенъ. Писаніе съ милосердіемъ Божіимъ вездѣ соединяетъ правду, научая насъ, что и милость Божія — не безъ суда, и судъ не безъ милости. Богъ, и милуя, съ разсужденіемъ и мѣрою оказываетъ милосердіе достойнымъ, и судя, съ пощадою нашей немощи производитъ судъ, наказывая насъ болѣе по человѣколюбію, нежели для воздаянія равнымъ за равное. И Богъ нашъ милуетъ. Милосердіе есть болѣзнованіе объ угнетенныхъ сверхъ мѣры ихъ вины, ощущаемое сострадательными. Милосердуемъ о томъ, кто изъ великаго богатства впалъ въ крайнюю нищету, кто изъ крѣпкаго тѣлеснаго здоровья перешелъ въ крайнее изнеможеніе, кто прежде восхищался красотою и свѣжестью своего тѣла, и потомъ поврежденъ обезображивающими болѣзнями. Поелику и мы нѣкогда были славны въ райскомъ состояніи, а по причинѣ паденія стали безславны и унижены: то Богъ нашъ милуетъ, видя, какими мы были, и какими сдѣлались. Посему и Адама призывалъ Онъ гласомъ милосердія, говоря: Адаме, гдѣ еси (Быт. 3, 9)? Ибо не извѣщенія требовалъ Всевѣдующій, но хотѣлъ, чтобы Адамъ размыслилъ, чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ сталъ. Гдѣ еси? то есть, какому паденію подвергся ты, будучи на такой высотѣ?

(5) Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя. Понимать ли это въ естественномъ отношеніи; человѣческая природа не могла бы существовать, если бы самыя дѣти и грудные младенцы не были хранимы Господомъ: ибо какимъ образомъ они, носимые въ матерней утробѣ, могли бы питаться, или имѣть движеніе, проводя жизнь въ помѣщеніи столь тѣсномъ, не представляющемъ удобства къ обращенію, даже въ темномъ и влажномъ мѣстѣ, не имѣя возможности ни дышать, ни жить жизнію человѣческою, но подобно рыбамъ плавая во влажности, если бы не поддерживало ихъ Божіе охраненіе? Потомъ какимъ образомъ могли бы они хотя на малое время продолжать жизнь по выходѣ въ мѣсто для нихъ непривычное, и охладившись воздухомъ послѣ теплоты, какая была въ матерней утробѣ, если бы не спасалъ ихъ Богъ? Итакъ храняй

младенцы Господь: смирихся, и спасе мя. Или можешь понимать сіи слова и такъ: поелику я обратился, и сталъ какъ младенецъ, принялъ царство небесное, какъ дитя, и незлобіемъ довелъ себя до дѣтскаго смиренія; то храняй младенцы Господь, какъ скоро смирихся, спасе мя.

(6) Обратися душа моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя. Самъ себѣ предлагаетъ утѣшительное слово добрый подвижникъ, говоря подобно Павлу: подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды (2 Тим. 4, 7. 8.). Тоже говоритъ самому себѣ и Пророкъ: поелику ты прошелъ уже довольное поприще житія сего, то обратися наконецъ въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя. Ибо вѣчный покой предстоитъ тѣмъ, которые въ здѣшней жизни законно подвизались, — покой, не по заслугѣ дѣлъ воздаваемый, но по благодати великодаровитаго Бога даруемый уповавшимъ на Него. Потомъ, не говоря еще о тамошнихъ благахъ, но возвѣщая, какъ освободился отъ мірскихъ тревогъ, благодаритъ за сіе Освободителя душъ, Который избавилъ его отъ многоразличнаго и тяжкаго рабства страстямъ. Какъ же это?

(7) Яко изъятъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и ноздѣ мои отъ поползновенія. Чрезъ сравненіе съ настоящимъ состояніемъ изображаетъ будущій покой. Здѣсь, говоритъ онъ, объяша мя болѣзни смертныя, а тамъ (Богъ) изъятъ душу мою отъ смерти; здѣсь очи отъ скорби проливаютъ слезы, а тамъ уже нѣтъ слезъ, которыя бы помрачали зеницы увеселяющихся красоты славы Божіей; ибо отъятъ Богъ всякую слезу отъ всякаго лица (Исаіи 25, 8.); здѣсь много опасностей къ поползновенію, почему и Павелъ говорилъ: мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ (1 Кор. 10, 12.), а тамъ стопы стоятъ твердо, жизнь неизмѣнна, нѣтъ опасностей увлечься въ грѣхъ, потому что нѣтъ ни плотскаго возстанія, ни содѣйствія жены ко грѣху; въ воскресеніи нѣтъ ни мужескаго ни женскаго пола, но есть какая-то единая и единообразная жизнь для благоугождающихъ своему Владыкѣ и для обитающихъ въ странѣ живыхъ. Міръ сей и самъ смертенъ и служитъ жилищемъ для умирающихъ. Поелику составъ видимыхъ вещей сложенъ, а все сложное обыкновенно разрушается: то и мы живущіе въ мірѣ, какъ части міра, по необходимости участвуемъ въ естествѣ цѣлаго. Посему мы — человѣки многократно умираемъ даже прежде, нежели смерть разлучитъ душу съ тѣломъ. И да не покажется тебѣ страннымъ сказанное; напротивъ того вникни въ самую дѣйствительность. Въ продолженіе трехъ седминъ лѣтъ человѣкъ

обыкновенно испытываетъ три перемѣны и превратности въ возрастѣ и въ образѣ жизни, и по истеченіи каждой седмины особый предѣлъ заключаетъ собою прошедшее, и ясно обозначаетъ измѣненіе. Въ первой седминѣ дѣтскій возрастъ оканчивается выпаденіемъ зубовъ; возрастъ отрока способнаго къ ученію продолжается до юношества; юноша по совершеніи двадцать перваго года, какъ скоро щеки его начнутъ покрываться первымъ пухомъ, изчезаетъ непримѣтно, изъ юноши измѣняясь уже въ мужа. Посему когда видишь мужа, въ которомъ постепенное съ годами возрастаніе прекратилось, разсудокъ уже утвердился, и не осталось слѣда юности: тогда не заключишь ли, что прошедшее въ немъ умерло? И опять старецъ, преобразившійся и въ наружномъ видѣ и въ душевныхъ расположеніяхъ, явно становится не такимъ, какимъ былъ прежде. Посему жизнь человѣческая обыкновенно бываетъ исполнена многихъ смертей, не только при переходѣ изъ одного возраста въ другой, но и при душевныхъ паденіяхъ въ грѣхъ. А гдѣ нѣтъ ни тѣлеснаго, ни душевнаго измѣненія, потому что ни разсудокъ не заблуждается, ни расположеніе не перемѣняется, и никакое обстоятельство не нарушаетъ постоянства и безмятежія помысловъ; тамъ — страна истинно живыхъ, всегда подобныхъ себѣ самимъ. Въ ней Пророкъ обѣщается особенно благоугождать Богу всяческихъ, такъ какъ ничто внѣшнее не будетъ препятствовать ему въ исполненіи намѣренія служить истинно и равночестно съ Ангелами. Сказано: тщимся, аще въ тѣлѣ пребывая, аще отходяще отъ тѣла, благоугодни Ему быти (2 Кор. 5, 9.). Такова страна живыхъ: въ ней нѣтъ ночи, нѣтъ сна — образа смерти; нѣтъ пищи, нѣтъ питія, — сихъ подкрѣпленій нашей немощи, нѣтъ болѣзни, нѣтъ страданій, ни врачевства, ни судилищъ, ни куплей, ни искусствъ, ни денегъ — этого начала золъ, предлога къ бранямъ, корня вражды. Это — страна живыхъ, не умирающихъ грѣхомъ, но живущихъ истинною жизнію во Христѣ Іисусѣ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

Толкованіе на пророка Исаію.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Молитеся, де не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ“, или „въ субботу“ (Матѳ. 24, 20). Поэтому надобно замѣтить, что не сотворилъ Богъ зимы. или не похвальной субботы. Ибо написано: „жатву и весну Ты создалъ еси я“ (Псал. 73, 17). А мы „въ зимѣ“, когда владычествуютъ въ насъ плотскія страсти. Посему такъ надобно разумѣть Евангельское сіе изреченіе: да не будетъ бѣгство наше, когда преобладаетъ въ насъ худшее, или когда губимъ жизнь свою въ праздности. Ибо такую мысль внушаетъ оно словомъ: „суббота“, чтобы сподобились мы онаго благословенія: „блаженъ рабъ той, егоже, пришедъ господинъ, обрящетъ бдяще“ (Матѳ. 24, 46).

„Будите мудри, яко змія“ (Матѳ. 10, 16), можетъ быть, въ томъ отношеніи, что змѣя благоразумно и смышленно совлекаетъ съ себя старость. Ибо когда ей нужно скинуть съ себя кожу, вползаетъ въ тѣсное мѣсто, гдѣ было бы отвсюду тѣло ея сжато; и такимъ образомъ, протѣсняясь чрезъ него, скидаетъ съ себя старость. Такъ, можетъ быть, слово сіе и отъ насъ требуетъ, чтобы, идя тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, совлекались мы ветхаго человѣка, и облекались въ новаго, и чтобы юность наша обновлялась, „яко орля“ (Псал. 102, 5).

Великій и первый даръ, требующій души тщательно очищенной, — вмѣстить въ себѣ Божественное вдохновеніе и пророчествовать о Божіихъ тайнахъ; а вторый послѣ сего даръ, требующій также не малаго и не легкаго тщанія, — вслушиваться въ намѣреніе вѣщаемаго Духомъ, и не погрѣшать въ разумѣніи возвѣщеннаго, но прямо къ сему разумѣнію вестись Духомъ, по домостроительству Котораго пророчество написано, и Который Самъ руководствуетъ разумы пріявшихъ даръ вѣдѣнія. Посему и Господь присовокуплялъ, говоря: „имѣяй уши слышати, да слышитъ“ (Матѳ. 11, 15). И пророкъ Осія говоритъ: „кто премудръ, и уразумѣетъ сія, и смысленъ, и увѣсть сія“ (Осіи 14, 10)? Также и Апостолъ, говоря

о дарованіяхъ, иное дарованіе называетъ „пророчествомъ“, а иное „разсужденіемъ духовомъ“ (1 Кор. 12, 10). Ибо, кто представляетъ себя въ достойное орудіе дѣйствію Духа, тотъ пророкъ. А кто уразумѣваетъ силу возвѣщеннаго, тотъ имѣетъ дарованіе „разсужденія духовомъ“. Посему, и Коринѳянамъ предписывая правила, Апостолъ говоритъ: „пророцы же два или тріе да глаголютъ, и друзіи да разсуждаютъ“ (1 Кор. 14, 29). И это такъ важно, что поставлено въ числѣ угрозъ Господнихъ — отнять „отъ Іудеи пророка, и смотрѣливаго, и дивнаго совѣтника, и разумнаго послушателя“ (Иса. 3, 2, 3).

А намъ должно желать получить даръ мудрости, даръ вѣдѣнія и даръ ученія, чтобы все это, стекшись вмѣстѣ во владычественномъ нашея души, отпечатлѣвало образъ всей истины, заключающейся въ пророчествѣ. Потребно же слово вѣдѣнія для созерцанія таинъ Духа; потребно слово мудрости для приведенія въ полный смыслъ и для уясненія того, что сказано прикровенно и въ краткихъ реченіяхъ. Ибо мудрости свойственно расширять слово. Сказано: „простирахъ словеса, и не внимасте“ (Притч 1, 24). Потомъ потребно дарованіе ученія для назиданія слушающихъ.

Посему въ душѣ, которая имѣетъ пророчествовать, свободнымъ ея устремленіемъ должна быть напередъ вложена способность къ тому, чтобы всѣянное во всѣхъ слово, избирающее себѣ души болѣе гармоническія, въ которыхъ, по мѣрѣ ихъ благонастроенности, ни малѣйшее страстное движеніе не разногласитъ съ словомъ, низвело на нее дѣйствіе Божія Духа. Но для пріуготовленія къ принятію Духа необходимы не только обузданія страстей, но также и своя мѣра расположенія къ вѣрѣ, и польза самого пріемлющаго благодать к современныхъ ему слушателей, или и тѣхъ, которые впослѣдствіи будутъ пользоваться пророками. Ибо сказано: „комуждо дается явленіе Духа на пользу“ (1 Кор. 12, 7); и еще: „по мѣрѣ вѣры“ (Рим. 12, 6). Но впрочемъ выше человѣческой природы—объяснить причину, по которой Духъ Божій различно дѣйствуетъ въ достойныхъ,—и одному вѣряется пророчество, и при томъ до извѣстной степени; другой получаетъ дарованія исцѣленій, и тѣ въ опредѣленной мѣрѣ, а иной дѣйствія большихъ или меньшихъ силъ. Ибо знаетъ сіе Тотъ одинъ, Кто вникаетъ въ душевныя достоинства каждаго, и каждому, по незримымъ мѣрамъ правосудія, удѣляетъ, чего онъ достоинъ.

Какимъ образомъ пророчествовали чистыя и просвѣтленныя души? Содѣлавшись какъ бы зерцаломъ Божія дѣйствованія, онѣ показывали въ себѣ ясное, неслитное, не потемненное плотскими страстями изображеніе. Ибо Духъ Святый пребываетъ во всѣхъ, но собственную силу Свою обнаруживаетъ въ тѣхъ, которые чисты отъ страстей, а не въ тѣхъ, у кого владычественное души омрачено грѣховными нечистотами. Кромѣ же чистоты

надлежитъ имъ показывать въ себѣ равенство благоустроеннаго состоянія. Ибо чистъ не тотъ, кто неровно ведетъ себя въ отношеніи къ цѣломудрію, но тотъ, кто мудрованіе плоти подчинилъ Духу. Какъ изображенія лицъ видимъ не во всякомъ веществѣ, а только въ гладкихъ и прозрачныхъ веществахъ; такъ и дѣйствіе Духа отражается не во всякой душѣ, а только въ душахъ, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего „строптиваго“ и ничего „развращеннаго“ (Притч. 8, 8). Снѣгъ блеститъ, но не показываетъ въ себѣ образа тѣхъ, которые въ него смотрятся; потому что шероховатъ и составленъ изъ смерзшейся пѣны. Молоко бѣло, но не принимаетъ въ себя образовъ; потому что и въ немъ есть какіе-то мелкіе пузыри. А въ водѣ, по причинѣ ея гладкости, видѣнъ даже черный образъ. Такъ точно и неровность жизни не способна къ принятію въ себя Божія дѣйствія. Посему, когда душа, посвятивъ себя всякому подвигу добродѣтели, сильною любовію къ Богу постоянно сохраняетъ въ себѣ напечатлѣнное въ ней памятованіе о Богѣ, и такимъ образомъ содѣлываетъ Бога какъ бы живущимъ въ себѣ, тогда, отъ сильнаго стремленія и неизреченной любви къ Богу, ставъ богодухновенною, содѣлывается она достойною пророческаго дара; потому что Богъ даетъ божественную силу и отверзаетъ душевныя очи для уразумѣнія видѣній, какія сообщить Ему угодно. Посему пророки назывались прежде „прозорливцами“ (1 Цар. 9, 9); ибо видѣли будущее, какъ настоящее. Но къ легчайшему уразумѣнію пророческаго возбужденія могутъ служить намъ представленія, бывающія во снѣ. Какъ въ сновидѣніяхъ, вслѣдствіе того, что владычественное нашей души отпечатлѣваетъ въ себѣ образы, бываемъ мы зрителями городовъ и странъ, отличающихся величіемъ и красотою, или сверхъестественныхъ животныхъ, нерѣдко же удерживаемъ въ памяти нѣкоторыя слова, поразившія слухъ; между тѣмъ, при составленіи въ насъ столькихъ необыкновенныхъ видѣній и слышаній, въ дѣйствительности ничего мы не видимъ и не слышимъ тѣлеснымъ чувствомъ: такъ и умъ божественныхъ и блаженыхъ мужей, отпечатлѣвая въ себѣ образы, иногда въ бодрственномъ состояніи, а иногда во снѣ, исполняется божественныхъ словесъ и видѣній, между тѣмъ какъ не прираждаются къ нему, посредствомъ очей, образы видимыхъ предметовъ, и не принимаетъ онъ ушами сотрясеній воздуха, производимыхъ звучащими орудіями. Ибо не чѣмъ-либо совнѣ подлежащимъ зрѣнію были престолъ высокій и превознесенный, и Сидящій на немъ, Котораго видѣлъ Исаія (Иса. 6, 1). Также не человѣкообразенъ былъ „отъ чреслъ въ верхъ“ подобный илектру и „отъ чреслъ до низу“ огневидный, описываемый у Іезекіиля (8, 2). Но умъ пророковъ созерцалъ сіи предметы высшею силою, тогда какъ Духъ въ гаданіяхъ показывалъ имъ Божіе естество.

Пророки же видятъ не одно будущее, но и въ настоящемъ сокровенное, какъ говоритъ Павелъ: „аще же пророчествуете, внидетъ же нѣкій

невѣренъ или невѣжда, тайная сердца его явлена бываютъ“ (1 Кор. 14; 24. 25); или какъ говоритъ Елиссей: „не ходило ли сердце мое съ тобою, егда возвращашеся мужъ съ колесницею своею во срѣтеніе тебѣ“ (4 Цар. 5, 26)? Но къ пророчеству принадлежитъ также и предувѣдѣніе посредствомъ сновъ, какъ открыто было Іосифу въ Египтѣ, и Даніилу въ Вавилонѣ.

Но почему и Фараонъ и Навуходоносоръ имѣли такое предвѣдѣніе? Потому что, правя состояніемъ мірскихъ дѣлъ, должны были предвидѣть для возбужденія вѣры въ другихъ. А почему пророчествуетъ и Валаамъ и Каіафа? Потому что и они имѣли людей, которые ихъ слушались, одинъ какъ архіерей, а другой какъ волхвъ (Іис. Нав. 13, 22). Здѣсь причиною не чистота души, не просвѣтленіе ума, который созерцаетъ Бога, и въ Немъ почерпаетъ силу, но домостроительно сообщенное имъ слово, не по достоинству, а по требованію времени.

Спросишь ѣще: читаемое у Исаіи и Іезекіиля признать ли явленіями, какія они видѣли чрезъ соотвѣтствующія имъ представленія, или богословіемъ, которое, чрезъ гаданія Духа, возвѣщало намъ свойства Божества?

Нѣкоторые говорятъ, что они пророчествовали въ изступленіи, такъ что человѣческій умъ затмѣваемъ былъ Духомъ. Но противно обѣтованію Божія наитія—богодухновеннаго дѣлать изумленнымъ, такъ чтобы онъ, когда исполняется божественныхъ наставленій, выходилъ изъ свойственнаго ему разума, и когда приноситъ пользу другимъ, самъ не получалъ никакой пользы отъ собственныхъ своихъ словъ. И вообще, сообразно ли сколько-нибудь съ разумомъ, чтобы Духъ премудрости дѣлалъ человѣка подобнымъ лишенному ума, и Духъ вѣдѣнія уничтожалъ въ немъ разумность? Но свѣтъ не производитъ слѣпоты, а напротивъ того возбуждаетъ данную отъ природы силу зрѣнія. И Духъ не производитъ въ душахъ омраченія; а напротивъ того возбуждаетъ умъ, очищенный отъ грѣховныхъ сквернъ, къ созерцанію мысленнаго. Посему нѣтъ невѣроятнаго, что лукавая сила, злоумышляющая противъ человѣческой природы, приводитъ разумъ въ слитность; но нечестиво говорить, что то же самое дѣйствіе производитъ присутствіе Божія Духа.—Притомъ, если святые мудры, то какъ имъ было не постигнуть того, о чемъ пророчествовали? Ибо сказано: „премудрый уразумѣетъ, яже отъ своихъ ему устъ, во устнахъ же носитъ разумъ“ (Притч. 16. 23). Если же на томъ основаніи, что „ужасеся Исаакъ“, когда пришелъ сынъ его (Быт. 27, 23), и что Давидъ рече „въ изступленіи своемъ“ (Псал. 115, 2), вымышляютъ во святыхъ затмѣніе ума: то пусть знаютъ, что изступленіемъ называется и удивленіе; какъ напримѣръ: „ужасеся небо вострепета земля“ [1]) (Іерем. 2, 12).

[1]) Слово: „земля“, котораго нѣтъ въ Слав. переводѣ, читается въ нѣкоторыхъ спискахъ перевода Семидесяти.

Но и основываясь на общихъ понятіяхъ, надобно согласиться—противорѣчащихъ выраженій о Богѣ не разумѣть буквально. Такъ напримѣръ, по общепринятому разумѣнію должно признать, что Божіе естество благо, не причастно гнѣву и правосудно. Посему, если Писаніе говоритъ, что Богъ гнѣвается, или скорбитъ, или раскаевается, или даетъ кому отвѣтъ не по достоинству; то надлежитъ вникнуть въ цѣль изреченія и внимательно подумать, какъ можетъ быть возстановленъ истинный смыслъ, а не извращать достойныхъ уваженія мыслей о Богѣ. Такимъ образомъ не будемъ встрѣчать преткновеній въ Писаніи, извлекая для себя пользу изъ мѣстъ удобопонятныхъ, и не терпя вреда отъ мѣстъ неясныхъ.

Если же кто поставитъ въ вину Божественному Писанію, что оно не научаетъ тому, и не производитъ того, что можетъ доставить пользу: то пусть разсмотритъ онъ весь порядокъ дѣлъ человѣческихъ, не только духовныхъ, но низшихъ и житейскихъ. Тогда увидитъ, что всепромыслительная Сила даровала безсловеснымъ удобныя средства къ жизни, готовую пищу, самородный покровъ, одежду изъ волосъ и перьевъ; человѣка же изведя въ свѣтъ нагимъ, въ замѣну всего дала ему умъ, которымъ изобрѣтены промышленыя искусства, какъ то: домостроительство, ткачество, земледѣліе, кузнечество, и недостающее для тѣла душа восполняетъ присутствіемъ ума. И какъ въ семъ случаѣ Творецъ нашъ не по зависти къ намъ не соизволилъ, чтобы такъ же, какъ у безсловесныхъ, всѣ удобства жизни раждались вмѣстѣ съ нами, но устроилъ такъ, чтобы недостатокъ необходимаго велъ къ упражненію разума: такъ и въ Писаніи намѣренно допустилъ неясность, къ пользѣ ума, чтобы возбуждать его дѣятельность. И во-первыхъ нужно, чтобы занятый симъ умъ отвлекаемъ былъ отъ худшаго, а сверхъ сего пріобрѣтенное съ трудомъ почему-то болѣе къ себѣ привязываетъ, и чрезъ долгое время производимое бываетъ болѣе прочнымъ; а что легко пріобрѣтается, тѣмъ и наслаждаться не вожделѣнно; потому что находящееся подъ руками пренебрегается, и обладающій не почитаетъ сего достойнымъ какого-либо охраненія. Посему и сны по свойству своему не ясны и обоюдны, требуютъ не малой проницательности ума, и сокровенное значеніе сновидѣній имѣетъ близкое сродство съ выражаемымъ въ Писаніи подъ прикрытіемъ темныхъ реченій. Оттого Іосифъ и Даніилъ узнавали сны съ помощію пророческаго дарованія, потому что сила постиженія человѣческаго не достаточна къ уловленію истины.

Конечно, нужна чистота въ жизни для того, чтобы и для преуспѣянія въ нравственной добродѣтели распознаваемо было прикровенное въ Писаніи. Но кромѣ чистоты жизни, нужно и продолжительное занятіе Писаніемъ, чтобы важность и таинственность Божія слова чрезъ непрестанное поученіе напечатлѣлись въ душѣ. А что въ продолженіе цѣлой жизни требуется упражненіе въ Божіемъ словѣ, показываетъ жизнь Моисея, который

въ первое сороколѣтіе изучалъ Египетскую мудрость, а во второе сороколѣтіе, подъ видомъ пастушеской жизни удалившись въ пустыню, упражнялся въ созерцаніи существующаго, и такимъ образомъ уже послѣ втораго сороколѣтія удостоившись Божія явленія, противъ воли призванъ человѣколюбіемъ Божіимъ къ попеченію о людяхъ. И послѣ того не оставался постоянно въ дѣятельной жизни, но часто возвращался къ жизни созерцательной. Отчего и въ Египетское идолобѣсіе впалъ весь народъ, между тѣмъ какъ святый сей мужъ бесѣдовалъ съ Богомъ на горѣ. Таковъ же былъ и Илія; онъ бѣгалъ людской молвы, и любилъ пребывать въ пустыняхъ. Посему, если святые, со всѣмъ постоянствомъ владычественнаго въ ихъ душѣ, трудились въ изысканіи истины; то не безразсудно ли желать воспользоваться плодами безчисленныхъ трудовъ безъ всякаго усилія? Ибо замѣть: послѣ коликократныхъ уединеній, безмолвій и трудовъ удостоился Илія видѣть Бога!

Содержаніе сей книги само собою явственно и понятно. Поелику Пророкъ жилъ во времена, когда умножились пороки; то онъ описываетъ великость золъ, какія ожидаютъ Іудеевъ, и показываетъ причину Божія гнѣва, чтобы привести ихъ къ покаянію. Пророчество начинается словами на Іудею. Ибо, по слову Петра, наступило „время начати судъ отъ дому Божія“ (1 Петр. 4, 17); потому что самые близкіе къ намъ, естественнымъ образомъ, наиболѣе огорчаютъ, когда грѣшатъ противъ насъ. И у Іезекіиля Господь, повелѣвая наказать согрѣшившихъ, говоритъ: „отъ освященныхъ Моихъ начните“ (Іез. 9, 6). Посему и Исаія началъ съ страны, избранной Богомъ, и съ города, въ которомъ было святилище, имъ возвѣщая ожидающія ихъ бѣдствія. Во-вторыхъ, говоритъ о Вавилонѣ, потомъ о землѣ Моавитской, потомъ о Дамаскѣ, въ-пятыхъ, о Египтѣ, потомъ о пустынѣ, потомъ объ Идумеѣ, потомъ о дебри Сіонской, потомъ о Тирѣ, и потомъ о четвероногихъ. За симъ слѣдуютъ происшествія, бывшія въ сороковый годъ царствованія Езекіи. Послѣ сего находятся пророчества, которыя не имѣютъ никакого надписанія, и возвѣщаютъ бѣдствія Іерусалиму и Іудеѣ, судьбу находящихся въ разсѣяніи, возвращеніе ихъ по исполненіи суда, предсказанія о Христѣ, разсѣянныя въ всякомъ пророчествѣ, потому что съ каждымъ историческимъ сказаніемъ сопряжено что-нибудь и таинственное.

Глава 1.

(1) „Видѣніе, еже видѣ Исаія сынъ Амосовъ, еже видѣ на Іудею, и на Іерусалимъ, во дни Озіи и Іоаѳама, и Ахаза и Езекіи, царей Іудиныхъ“. Изъ чувственныхъ нашихъ органовъ, самое ясное представленіе объ ощущаемомъ имѣетъ зрѣніе. И страшнаго невозможно познать такъ слухомъ, какъ познаетъ зрѣніе; и вожделѣннаго не воспріемлетъ такъ ни одна спо-

собность, какъ зрѣніе. Посему созерцаніе истиннаго, по ясности и несомнѣнности, именуется видѣніемъ. А отъ сего-то и пророкъ назывался „видящимъ“ и „провидящимъ“. Ибо узнаемъ у Амоса, что говорилъ Амасія: „видяй, гряди, и отъиди ты на землю Іудину, и тамо да прорицаеши“ (7, 12). Провидящимъ же въ книгахъ Царствъ называется Самуилъ. Ибо сказано: „пророка нарицаху людіе“ въ предняя [1]) „прозрѣвающимъ“ (1 Цар. 9,9). Поелику они провидѣли будущее, то и назывались въ предняя прозирающими; и поелику прозрѣвали въ совѣты Божіи, то и именовались видящими. Посему наше дѣло—приложить попеченіе объ умѣ, чтобы онъ, усовершившись чрезъ сообразныя упражненія, сдѣлался прозорливымъ; осіяться же намъ Духомъ къ уразумѣнію таинъ Его есть Божій даръ.

Пророкъ наименовалъ сперва „видѣніе“, а потомъ присовокупилъ и словесное объясненіе, желая показать, что принялъ сіе чрезъ слухъ, но возвѣщаетъ смыслъ слова, напечатлѣнный въ умѣ. Ибо намъ потребно слово для выраженія своихъ мыслей; а Богъ, прикасаясь въ достойныхъ къ самому владычественному ихъ души, напечатлѣваетъ въ нихъ видѣніе собственнаго своего намѣренія.

Для чего присовокуплено Пророкомъ имя отца? Чтобы показать, что пророческое дарованіе у него есть отеческое наслѣдіе.

„Еже видѣ на Іудею“. Что значитъ сіе повтореніе? Пророкъ первымъ словомъ выражаетъ общность видѣнія, а вторымъ означаетъ уже особенность, то есть, что это за видѣніе, каково оно и чѣмъ отличается?

Итакъ слова были видимы, то есть удобосозерцаемы умомъ, и ихъ-то видѣлъ Пророкъ, по сказанному въ книгѣ Исхода: „и вси людіе зряху гласъ“ (Исх. 20, 19). Подобнымъ сему образомъ начинали свои пророчества и другіе пророки. „Видѣніе Авдіино: сія глаголетъ Господь Богъ Идумеи: слухъ слышахъ отъ Господа, извѣстіе во языки посла“ (Авд. 1). И у Наума: „пророчество [2]) о Ниневіи: книга видѣнія Наума сына Елкесеева“ (1, 1). И у Аввакума: „видѣніе (τὸ λῆμμα), еже видѣ Аввакумъ пророкъ“ (1, 1). Малахія также употребилъ слово: порученіе, не присовокупляя слова видѣніе: „пророчество (τὸλῆμμα) словесе Господня на Израиля рукою Ангела Его“ (1, 1). И кажется, пророки словомъ: порученіе (τὸ λῆμμα), выражаютъ то, что не сами отъ себя имѣли, но получили силу пророчества, такъ что слово: порученіе можетъ быть равнозначительно слову: даръ Божій. Одни изъ пророковъ утверждаютъ, что есть книги видѣнія; другіе же говорятъ, что слышали слова отъ Бога. Ибо сказано: „слово Господне, еже бысть ко Осіи сыну Веиріину, во днехъ Озіи, и Іоаѳама, и Ахаза, и Іезекіи, царей Іудиныхъ, и во дни Іеровоама сына Іоасова, царя

---

[1]) Вмѣсто ἔμπροσθεν ὁ βλέπων св. Василій читалъ: ὁ ἔμπροσθεν βλέπων.

[2]) Τὸ λῆμμα возложеніе, порученіе.

Израилева. Начало словесе Господня ко Осіи“ (Ос. 1, 1). И у Амоса: „словеса Амосова, яже быша въ Аккаримѣ отъ Θекуи, яже видѣ о Іерусалимѣ во дни Озіи царя Іудина, и во дни Іеровоама царя Израилева, прежде двою лѣтъ труса“ (Амос. 1, 1). Здѣсь превращенъ порядокъ противъ Исаіи. Тамъ напередъ выставлено видѣніе, и присовокуплены слова: „слыши, небо“; а здѣсь за предложенными словами послѣдовало видѣніе. Ибо сказано: „словеса Амосова“, а не видѣніе Амосово; словеса, не яже слыша, но: „яже видѣ“. А у Михея сказано: „и бысть слово Господне къ Михею Морасеитину, во дни Іоафама, и Аахаза, и Езекіи царей Іудиныхъ, о нихже видѣ о Самаріи и о Іерусалимѣ“ (Мих. 1, 1). И: „слово Господне, еже бысть ко Іоилю, сыну Ваѳуилеву“ (Іоил. 1, 1). „И бысть слово Господне ко Іонѣ“ (Іоан. 1, 1). И: „слово Господне, еже бысть къ Софроніи сыну Хусіину, сыну Годоліину, Аморіину, Езекіину, во дни Іосіи, сына Амоня, царя Іудина“ (Соф. 1, 1). А у Аггея особеннымъ образомъ выражается и означеніе времени, и принятіе слова. Ибо сказано: „во второе лѣто, при Даріи царѣ, въ шестый мѣсяцъ, въ первый день мѣсяца, бысть слово Господне рукою Аггея пророка“ (Аг. 1, 1). Но, мнѣ кажется, что употребленное здѣсь выраженіе: „рукою“ равнозначительно написанному у другихъ слову: порученіе (τὸ λῆμμα). И у Захаріи: „въ осмый мѣсяцъ, втораго лѣта, при Даріи, бысть слово Господне къ Захаріи Варахіину, сыну Аддову, пророку“ (Зах. 1, 1).

„Во дни Озіи и Іоаѳама, и Ахаза и Езекіи“. Замѣчаніе о времени было необходимо, чтобы всякій видѣлъ за сколько времени предсказано, и чрезъ сколько времени исполнилось, и разумѣлъ, что при умноженіи немощи преизбыточествовало и Божіе попеченіе. Почти большая часть пророковъ по времени сходились между собою. Осія былъ во дни Озіи и во дни Іеровоама; Михей во дни Іоаѳама и Ахаза; Софонія во дни Іосіи, сына Амонова. Изъ прочихъ же пророковъ одни написали пророчества безъ означенія времени; другіе означили царствованія варваровъ, какъ болѣе извѣстныхъ въ то время по своему могуществу. Аггей и Захарія, Авдій и Наумъ, Аввакумъ, Іона и Малахія не упомянули о времени. А многіе изъ пророковъ не упомянули и объ отцахъ. И можетъ быть, происходившіе отъ знаменитыхъ отцевъ могли чрезъ это привлечь большее вниманіе; потому что болѣе довѣряютъ людямъ извѣстнымъ. А происшедшіе отъ родителей незнатныхъ умолчали о нихъ. Впрочемъ отецъ Исаіи не тотъ Амосъ, который въ числѣ двѣнадцати меньшихъ пророковъ. Ибо и произношеніе именъ не одинаково и означаемое ими не одно и то же. Одно произносится съ густымъ, а другое съ тонкимъ придыханіемъ. Также и значенія различны: имя отца Исаіи и свойство этого слова означаютъ твердость, силу и крѣпость, а именемъ Пророка выражается жестокое слово.

Кажется, что прежде Исаіина пророчества было пророчество Осіи, по

сказанному: „начало словесе Господня ко Осіи“ (Ос. 1, 2). Еще должно знать, что тотъ же самый Озія назывался и Азаріемъ. Въ первой книгѣ Паралипоменонъ названъ онъ Озіею, а во второй Царствъ—Азаріею, впрочемъ сыномъ того же отца и той же матери: ибо матерь—Халія, отецъ—Амасія; и время царствованія тоже—пятьдесятъ два года. При Озіи пророчествовали Исаія, Осія и Амосъ. Но поелику „начало словесе Господня ко Осіи“, то не первый ли онъ началъ пророчествовать? И поелику Амосъ пророчествовалъ „прежде двою лѣтъ труса“; то не прежде ли видѣнія Исаіина въ которомъ говорится: „и взяся наддверіе“ (Ис. 6, 4)?

(2) „Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола“. Поелику пророчество было роду лукавому, и не находило слушателей между людьми; то Пророкъ говоритъ небу и землѣ. При сихъ же свидѣтеляхъ данъ и Законъ, какъ говоритъ Моисей: „засвидѣтельствую вамъ днесь небомъ и землею“ (Втор. 4, 26); и еще „вонми небо, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы устъ моихъ“ (32, 1). Да и прилично было—употребленныхъ свидѣтелями, когда данъ былъ Законъ, призвать также во свидѣтели, при обличеніи въ нарушеніи Закона. Ибо сказано: „соберите ко мнѣ племеноначальники ваша, и старцы ваша, и судіи, и книговодители, да возглаголю во уши ихъ, и засвидѣтельствую имъ небомъ и землею“ (31, 28). Замѣчательно же, что рѣчь у Исаіи въ противоположномъ порядкѣ съ пѣснію Моисеевою. Ибо тамъ сказано: „вонми небо“, или по другимъ изданіямъ: „внуши небо, и да слышитъ земля“; а здѣсь: „слыши небо, и внуши земле“. Когда народъ разсуждаетъ возвышенно и не отступаетъ отъ Бога, тогда Пророкъ призываетъ небо, какъ нѣчто близкое, и его проситъ вложить слова себѣ въ уши; таково значеніе слова: „внуши“. Когда же народъ сталъ далекъ отъ небеснаго, Пророкъ говоритъ небу, какъ чему-то дальнему: „слыши небо“. То же должно разумѣть и о землѣ. Посему Моисей, по причинѣ преуспѣянія народа, какъ бы близкимъ къ себѣ имѣя небо, говоритъ: „вонми“, или, какъ прочіе толкователи, „внуши небо“. Исаія же, поелику народъ пребывалъ во грѣхахъ и мудрствовалъ земное, повелѣваетъ землѣ, какъ близъ него находящейся, принять въ уши себѣ слово. Ибо сіе значитъ слово: внушить. Или, чрезъ перемѣну именъ, небомъ названы обитающіе на небѣ, какъ городомъ называемъ живущихъ въ городѣ, и землею—всѣхъ пребывающихъ на ней; въ такомъ случаѣ изъ словъ Пророка не извлечемъ повода почитать небо и землю одушевленными. Такъ и престоломъ Божіимъ именуется небо; потому что пренебесныя силы имѣютъ непоколебимо водруженное въ нихъ вѣдѣніе Бога. Такъ и земля называется подножіемъ; потому что живущіи на ней люди едва способны вмѣщать въ себѣ низшія познанія о Богѣ. Посему и сказано: „мужъ хитрый престолъ чувствія“ (Притч. 12, 23); престолъ же безчестія—жена, ненавидящая правду. Какъ человѣкъ чувствительный и мудрый есть престолъ

чувства, такъ уразумѣвшій самое высшее въ сказаніи о Богѣ есть престолъ Божій.

„Яко Господь возглагола“. Страшно быть не внимательнымъ къ словамъ Божіимъ.

„Сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене“. Какое человѣколюбіе! Господь входитъ въ судъ, чтобы, доказавъ права Свои, воздать по достоинству. „Сыны родихъ и возвысихъ“. Человѣкъ составленъ изъ души и тѣла; плоть взята изъ земли, душа же небесна. Итакъ, поелику у человѣка есть сродство съ тѣмъ и другимъ, то Богъ обличаетъ грѣхъ въ томъ, что болѣе всего свойственно человѣку. „Сыны родихъ и возвысихъ“. Рожденіе бываетъ двоякое. Одно есть образованіе по Богу, совершаемое дѣлами и принятіемъ догматовъ: такъ Павелъ раждаетъ благовѣствованіемъ, болѣзнуетъ падшими и преображаетъ ихъ, возсозидая въ благочестіе. Другое рожденіе есть вступленіе въ жизнь; какъ напримѣръ: „сія книга бытія небесе и земли“ (Быт. 2, 4). Посему Богъ указываетъ имъ на оба рожденія, и укоряетъ, что приведенные изъ ничтожества въ бытіе и созданные по образу Божію (ибо сіе означаетъ родить и возвысить) не возблагодарили Его какъ Творца и не уподобились Ему какъ Отцу, но обратившись къ худшему, Бога отринули, отцемъ же своимъ сдѣлали діавола. „Ибо всякъ творяй грѣхъ, отъ діавола“ рожденъ „есть“ (1 Іоан. 3, 8). И Господь говоритъ лукавствующимъ: „вы отца вашего діавола есте“ (Іоан. 8, 44). Велика вина—быть сыномъ, получить тѣлесное рожденіе, и оказаться неблагодарнымъ къ родившему; но нестерпимой ненависти достоинъ тотъ, кто возвышенъ такъ, что сталъ причастникомъ небеснаго, и при всемъ томъ не пребываетъ въ любви къ благодѣтелю.

(3) „Позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна, и людіе Мои не разумѣша“. Съ воломъ и осломъ сравнивается отринувшій Бога, потому что „въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ“ (Псал. 47, 13). А таковы живущіи не по разуму, но по страсти, и по неразумѣнію увлекаемые въ жизнь скотоподобную. Пророкъ взялъ для подобія животныхъ домашнихъ и извѣстныхъ, чтобы пристыдить насъ, которые и ихъ несмысленнѣе, и къ Создателю своему не оказываемъ даже такого благорасположенія, какое сами видимъ отъ безсловесныхъ. Ибо волъ, данный намъ въ сотрудники при земледѣліи, различаетъ голосъ питающаго, и знаетъ того, кто обыкновенно приноситъ ему пищу. Оселъ же самъ собою находитъ дорогу къ привычнымъ мѣстамъ отдыха. Посему, если у безсловесныхъ такая привычка къ имѣющимъ о нихъ попеченіе, то въ какой мѣрѣ требуетъ любви къ Богу разумная природа? Замѣть еще, что волу приписывается большая смышленность, нежели ослу. Ибо одинъ „позна“ самого „стяжавшаго“, а другой—только „ясли“. А симъ показываетъ слово, что оселъ—животное про-

жорливое, знаетъ только мѣсто удовольствія, волъ же имѣетъ нѣкоторое свѣдѣніе даже о добромъ и полезномъ. Посему, такъ какъ сіи животныя не сходны между собою, во Второзаконіи запрещено орать „юнцемъ и ослятемъ вкупѣ“ (Втор. 22, 10), то есть, рьянаго и трудолюбиваго въ душѣ не долженъ ты сопрягать съ сластолюбивымъ и страстнымъ. Ибо „не о волѣхъ радитъ Богъ, насъ же ради всяко написася“ (1 Кор. 9, 9. 10). Но въ другомъ мѣстѣ волъ и оселъ опять сопряжены. Ибо „блаженъ сѣющій при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираетъ“ (Иса. 32, 20), то есть, блаженъ, кто поучительнымъ словомъ возбуждаетъ въ душѣ трудолюбіе, и врачуетъ ея сластолюбіе. Ибо какъ оселъ есть животное вьючное, такъ и вожделѣвательная сила души обременяется тяжестію грѣха.

„И волъ позна стяжавшаго и, Израиль же не позна Мене“, Творца своего. И оселъ распозналъ ясли господина своего; Израиль же не уразумѣлъ Меня. Яслей много; однако же оселъ не ошибается въ ясляхъ господина своего. Но Богъ одинъ, и неблагодарный народъ блуждаетъ въ слѣдъ боговъ, которые не существуютъ. „Мене не разумѣша“,—Меня, возвѣщаемаго небомъ, указываемаго землею и моремъ, открываемаго солнцемъ, луною, звѣздами и всею тварію. Собственно же подъ образомъ вола представляется Израиль, а подъ образомъ осла—простой народъ. Ибо какая разность между воломъ и осломъ, такое же различіе между Израилемъ, который по переводу значитъ видящій Бога, и, такъ называемымъ, простымъ народомъ.

(4) „Увы языкъ грѣшный, людіе исполнени грѣховъ, сѣмя лукавое, сынове беззаконіи“. Слова „языкъ (ἔθνος), и людіе (λαὸς)“, во многихъ мѣстахъ Писанія употребляются совокупно. Напримѣръ: „во мнозѣ языцѣ слава царю: во оскудѣніи же людстѣ сокрушеніе сильному“ (Притч. 14, 28). И еще: вскую шаташася языци и людіе поучишася тщетнымъ“ (Псал. 2, 1)? А теперь начавшіе тѣмъ, что стали языкомъ грѣшнымъ, по умноженіи лукавства, содѣлались людьми исполненными беззаконія. И начавшіе тѣмъ, что стали сѣменемъ лукавымъ, дошли до того, что сдѣлались сынами беззаконными. Ибо какъ преспѣяніе въ добродѣтели отъ меньшаго возрастаетъ до большаго, такъ и распространеніе порока, начинаясь съ незначительнаго, доходитъ до неисцѣлимаго. Между сѣменемъ же и сынами есть тѣсная связь въ самой природѣ вещей. Ибо, изъ сѣмени возникая, дѣлаются сынами, не только въ тѣлесномъ рожденіи, но и въ душевномъ возрастаніи, когда принявшіе наставленія отъ сѣменъ ученія достигаютъ до уподобленія наставникамъ, и потому называются сынами, или сынами царствія, если, пріявъ спасительныя сѣмена, усовершаются сообразно съ ними, или сынами геенны, если, вслѣдствіе худыхъ наставленій, готовятъ себя къ погибели. Но велико обвиненіе — назвать цѣлый языкъ грѣшнымъ, такъ что нѣтъ въ немъ человѣка, который бы дѣлалъ до-

брое, назвать людей исполненными грѣховъ, такъ что совершаются ими всѣ роды беззаконія, открываются въ нихъ даже противоположные одинъ другому пороки, какъ сказано: „исполнени всякія неправды“ (Рим. 1, 29); и еще: „бо исполнишася грѣси Аморреовъ“ (Быт. 15, 16); и какъ сказалъ Спаситель: „и вы исполните мѣру отецъ вашихъ“ (Матѳ. 23, 32).

„Сѣмя лукавое“. Плевелы, всѣянные врагомъ человѣкомъ среди чистой пшеницы, пришедши въ полный возрастъ, стали сыномъ беззаконнымъ, который есть сынъ погибели и сынъ геенны. Посему и признаются достойными слезъ тѣ, которые вмѣсто того, чтобы быть сынами Вышняго, стали сынами беззаконными, и вмѣсто того, чтобы пребывать въ божественномъ рожденіи, содѣлались „сѣменемъ лукавымъ“. А сверхъ сего, обратившееся въ навыкъ лукавство губительно для тѣхъ, которые имѣютъ его въ себѣ первоначально. Ибо лукавство, въ крайней степени, несогласно и само съ собою.

„Остависте Господа, и раздражисте [1]) святаго Израилева“. Какое доказательство злобы сильнѣе сего—оставить Благого! И какой преизбытокъ лукавства—раздражить Благаго и Кроткаго! Но въ томъ же обвиняются Іудеи и у Іереміи; „Мене оставиша, источника воды живы“ (Іер. 2, 13). По мѣрѣ же оставленія, каждый собираетъ себѣ мѣру гнѣва въ день воздаянія. „Отвратишася [2]) вспять“. Сіе прибавлено Ѳеодотіономъ, какъ толкованіе на слово: оставить, то есть отвратиться отъ Бога чрезъ отпаденіе въ худшее. Ибо какъ усовершающійся простирается въ предняя, такъ согрѣшающій отступаетъ назадъ, удаляясь отъ Господа, и чрезъ это губя себя. Ибо сказано: „се удаляющіи себѣ отъ Тебѣ погибнутъ“ (Псал. 72, 27). Посему такъ будемъ жить, чтобы прошедшее никогда не было лучше будущаго, или настоящаго. Сіе запрещаетъ и Екклесіастъ: „да не речеши, яко дніе преждніи бѣша блази паче сихъ; яко не въ мудрости вопросилъ еси о семъ“ (Еккл. 7, 11). Ибо если предъидущіе лучше послѣдующихъ, то намъ будетъ сказано: напрасно вы столько потерпѣли, добрыя дѣла обративъ въ ничто послѣдующимъ нерадѣніемъ. Ибо Іезекіиль говоритъ: „аще совратится праведникъ отъ правды своея, и сотворитъ неправду по всѣмъ беззаконіямъ, яже сотворилъ беззаконникъ, вся правды его, яже сотворилъ есть, не помянутся: въ преступленіи своемъ, имже преступи, и во грѣсѣхъ своихъ, имиже согрѣши, въ нихъ умретъ“ (Іез. 18, 24).

(5) „Что еще уязвляетеся, прилагающее беззаконія“? Смыслъ словъ сихъ таковъ: За грѣхи наши вразумляя васъ, наказывалъ Я бичемъ. Поелику же не покаялись, но еще болѣе согрѣшали; то непрестанно налагалъ Я на васъ новые бичи, такъ что каждая часть тѣла покрылась исправ-

---

[1]) У Седмидесяти и въ Славянскомъ читается: „разгнѣваете“

[2]) Въ Славянскомъ: „отвратистеся“.

тельными ударами. Согрѣшающимъ не неисцѣльно угрожаетъ слово, что „посѣтитъ жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ“ (Псал. 88, 31); а не исцѣлимымъ говоритъ: „что еще уязвляетеся“? Испытавъ на себѣ удары, вы презрѣли всѣ бичи, побуждающіе васъ къ обращенію. Васъ ожидаетъ сокрушеніе. Это голосъ доведеннаго до крайности и отчаявающагося въ исправленіи, какъ у Іезекіиля: „рвеніе Мое отступитъ отъ тебе, и не разгнѣваюся на тебя“ (16, 42). Изъ случающихся же съ нами бѣдствій, иныя постигаютъ въ наказаніе за грѣхи, другія для исправленія нравственности въ искушаемыхъ, и иныя для истребленія безнадежныхъ, какъ было съ Фараономъ. Посему Іудеямъ, какъ безнадежнымъ, Пророкъ угрожаетъ не ударами, не бичами, но истребленіемъ.

„Всякая глава въ болѣзнь и всякое сердце въ печаль. Что еще уязвляетеся“ вы, у которыхъ тѣла и души покрыты ранами, и ни въ чемъ нѣтъ исправленія, но вся глава болѣзнуетъ, и все сердце преогорчено? Безъ сомнѣнія, не тѣлесный членъ называетъ Пророкъ главою, то есть, не въ одной головѣ утвердилась боль, но сказано: „всякая глава“, вмѣсто: каждый человѣкъ, по словоупотребленію Писанія. Напримѣръ „возмите начатки всего сонма сыновъ Израилевыхъ, по сродствомъ ихъ: по сонмомъ ихъ, по домомъ отечества ихъ, по числу именъ ихъ, по главамъ ихъ“ (Числ. 1, 2. 20). Поелику весь языкъ грѣшенъ, и всѣ люди исполнены беззаконій, то за сіе и наказаніе простерлось на всѣхъ, и „всякое сердце“ опечалено; потому что народъ за грѣхи отводится въ плѣнъ.

(6) „Отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости: ни струпъ, ни язва, ни рана палящаяся“. Слово „глава“ Пророкъ взялъ за цѣлаго человѣка. „Отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости: ни струпъ, ни язва, ни рана палящаяся“; потому что за каждый грѣхъ наложены были бичи Промышляющимъ о нихъ. Потомъ, поелику струпъ [1]) есть расторженіе связности въ тѣлѣ отъ пресѣченія соприкосновенія въ какой либо небольшой части, а язва [2]) есть кровавый слѣдъ удара при пораженіи тѣла отъ наносящаго ударъ чѣмъ-нибудь жесткимъ, и онъ производится въ какой-либо части тѣла; воспаленіе же есть соединенная съ жаромъ опухоль, отъ стеченія въ большую часть тѣла влагъ, палящихъ страждущій членъ съ неестественнымъ разгоряченіемъ, — что говоритъ пророческое слово о пораженныхъ недугомъ во всѣхъ частяхъ? Болѣзнь коснулась васъ, говоритъ оно, не какъ струпъ, не какъ язва, не какъ рана палящаяся; напротивъ того зло налегло на васъ соединенными силами, такъ что все слилось вмѣстѣ, и струпъ, и язва, и рана.

„Нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія“. Поелику

---

[1]) Τραῦμα рана.

[2]) Μώλωψ рубецъ.

болѣзнь сильнѣе и струпа, и язвы, и раны палящейся; то „нѣсть пластыря приложити“, какъ къ ранѣ, „ни елеа“, какъ къ струпамъ. Не нужны сіи пособія, говоритъ Пророкъ: припадки такъ велики, что не уступятъ имъ. Итакъ струпъ — расколы въ Церкви; язвы — лживыя сердца; воспаленіе — превозношеніе души, надмевающейся неразумнымъ самомнѣніемъ, и потому „взимающейся на разумъ“ Христовъ. Пластырь же есть слово, которое съ кротостію и тихостію смиряетъ суетное надменіе; а елей есть слово, которое съ милосердіемъ и состраданіемъ смягчаетъ коварство, лживость и жестокость въ лицемѣріи говорящихъ ложь; и „обязаніе“ есть слово, которое сдерживаетъ стремящихся къ раздѣленію.

(7) „Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ, и опустѣ низвращенна отъ людей чуждихъ“. Поелику отчаялся въ исправленіи, то угрожаетъ истребленіемъ. Но сіе совершилось не во времена Исаіи. Напротивъ того пророчеству обычно говорить о будущемъ, какъ уже о бывшемъ. Напримѣръ: „даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя отца“ (Псал. 68, 22). Ибо по увѣренности въ событіи предсказаннаго, какъ не перекаемо имѣющаго исполниться, сочетавается будущее съ прошедшимъ. Случилось же сіе во время плѣненія Вавилонскаго; тогда земля лишена обителей, города сожжены огнемъ, и страна, въ глазахъ оставшихся Іудеевъ, поядена высланными изъ Персіи поселенцами; тогда-то „вся страна“ стала „низвращенна отъ людей чуждихъ“.

Но по высшимъ понятіямъ, по которымъ ветхозавѣтное примѣняется и къ намъ, когда отступаемъ отъ Бога нашего, „воздѣваемъ руки наша къ Богу чуждему“ (Псал. 43, 22), тогда бываемъ преданы чуждымъ, которые опустошаютъ и низвращаютъ насъ. Ибо можно видѣть, что всѣ угрозы исполняются надъ грѣшниками. „Земля ваша пуста“. Землею Писаніе часто называетъ душу, пріемлющую въ себя сѣмена слова, какъ въ Евангеліи научаемся изъ притчи Господней, что иныя сѣмена пали на добрую землю, которая удобно пріемлетъ въ себя Божественныя наставленія и способна къ плодоношенію. А душа пуста, которая не имѣетъ въ себѣ ни мудрости, ни разума, не живетъ по правдѣ, не ходитъ въ истинѣ. „Гради ваши огнемъ пожжени“. Городъ есть собраніе людей, которые, при различныхъ родахъ жизни, связаны въ общежитіе; и онъ, поелику въ дѣлахъ его многое суетно, — дрова, сѣно и солома, — въ день суда пожигается, и общества нечестивыхъ предаются огню. „Страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ“, когда вторгшіеся чуждые помыслы истребляютъ пріобрѣтенное трудами въ прежней жизни при благой дѣятельности, которая наполнила душу духовными плодами — любовію, радостію, миромъ, долготерпѣніемъ, благостію. Но если и въ житейскихъ дѣлахъ дѣятельную силу души предательски предаемъ нечистымъ духамъ, то земля наша бываетъ

„низвращенна чуждыми“; потому что мы „Божіе тяжаніе, Божіе зданіе“ (1 Кор. 3, 9.). Пока мы розги, пребывающія на виноградной лозѣ, приносящія Христу требуемые отъ насъ плоды; дотолѣ Богъ — нашъ „тяжатель“. А если отпадаемъ отъ животворящаго корня, отъ вѣры во Христа; то засыхаемъ, и бываемъ изринуты вонъ и сожжены, и назданіе наше на ученіе, если живемъ неприлично, разрушается. Ибо какъ скоро не утверждаемся на основаніи Апостоловъ, при созиданіи дорогихъ своихъ зданій, какъ не имѣющіе основанія, распадаемся, и паденіе наше бываетъ велико. Тогда какъ бы поядаются цѣломудріе невоздержаніемъ, щедрость въ подаяніи— сребролюбіемъ, и любовь — враждолюбіемъ. Посему сожалѣнія достойно, когда душа, изобилующая плодоношеніемъ добрыхъ дѣлъ, дѣлается снѣдію сопротивныхъ, которые не довольствуются нашимъ опустѣніемъ, пока не низвратятъ совершенно; ибо низвращеніе происходитъ отъ лукавыхъ наставленій, и душа вводимаго въ заблужденіе какъ бы уравнивается съ землею. Опустошеніе же есть отнятіе прежнихъ правъ. И этому легко быть съ человѣческой душею. Посмотри на инаго юношу, который съ дѣтства воспитанъ въ честной жизни, тщательно ходитъ въ домъ молитвенный, не нерадитъ по силамъ дѣлать добро, помнитъ вѣчный судъ, съ любовію пріемлетъ слово ученія; а потомъ поползнулся онъ въ блудъ: какъ въ немъ за утратою цѣломудрія и лишеніемъ плодовъ слѣдуетъ уже совершенное низвращеніе? Лукавая совѣсть не ведетъ уже его въ мѣсто молитвы; потому что онъ не устоялъ въ числѣ вѣрныхъ, но отпалъ. Онъ не становится вмѣстѣ съ плачущими; потому что стыдится. Съ сего времени лѣнивъ онъ къ молитвѣ, выдумываетъ мнимые предлоги въ отвѣтъ спрашивающимъ. Онъ говоритъ: меня понуждаетъ такой-то, не могу ждать Божественной службы, и опять по такой-то причинѣ (какую случилось ему выдумать) уходитъ изъ храма прежде молитвы вѣрныхъ; потомъ отъ постепеннаго навыка раждается мысль объ отступничествѣ, и онъ доходитъ до совершенной погибели. Вообще, лукавымъ силамъ свойственно, какъ скоро лишать насъ плодовъ правды, дотолѣ не удаляться отъ насъ, пока не опутаютъ заблужденіе разума.

(8) „Оставится дщерь Сіоня, яко куща въ винограднѣ, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ“. Воздаянія равнымъ за равное служитъ доказательствомъ Божія правосудія. Поелику оставила Господа дщерь Сіоня, то и она оставится. Но Господь сохраняетъ еще къ ней Свое человѣколюбіе, именуетъ ее дщерію, называя прежнимъ именемъ, какое имѣла до своего отчужденія. „Оставится, яко куща въ винограднѣ“. Для охраненія плодовъ въ виноградникахъ ставятся кущи. Посему, когда виноградникъ изобиленъ свойственными ему плодами; о кущѣ заботятся, и прилагаютъ всякое попеченіе, чтобы сторожъ смотрѣлъ изъ нея, не обираютъ ли винограда проходящіе мимо; когда же виноградникъ безплоденъ, то необходимо

небрегутъ объ охраненіи винограда. Посему Богъ угрожаетъ Израильскому народу оставленіемъ за то, что не приноситъ надлежащихъ плодовъ.

Убоимся и мы стать безплодными, чтобы не остаться безъ Божія призрѣнія! Стражъ нашъ есть Духъ Святый. Когда душа приноситъ плоды достойные вѣчныхъ житницъ; Духъ пребываетъ съ нею, охраняетъ ее и отражаетъ козни „уединеннаго дивія“ (Псал. 79, 14.). Но когда произращаетъ „гроздъ желчи“, и приноситъ „гроздъ горести“ (Втор. 32, 32.); тогда Духъ оставляетъ безплодную душу и она попирается звѣронравными помыслами и скотскими пожеланіями всякаго рода.

Писаніе же не рѣдко въ переносномъ смыслѣ называетъ виноградомъ Израиля; напримѣръ: „виноградъ изъ Египта пренеслъ еси“ (Псал. 79, 9); и: „виноградъ бысть возлюбленному“ (Иса. 5, 1); и: „Азъ же насадихъ тя виноградъ плодоносенъ, весь истиненъ“ (Іер. 2, 21). А ежели Израиль — виноградъ; то куща сего винограда — домъ и, можетъ быть, храмъ. Ибо онъ назывался „селеніемъ славы“ (Сал. 25, 8); и „селеніемъ идѣже вселися въ человѣцѣхъ“ (Псал. 77, 60). Посему, пока виноградъ сей приносилъ многіе плоды, стояла и куща для сбереженія плодовъ. Но поелику Насадившій его ждалъ, „да сотворитъ гроздіе“, и онъ „сотвори терніе“, которымъ увѣнчали Господа, и весь обратился въ горечь, ибо сотворилъ „гроздъ желчи“ и „гроздъ горести“, почему и въ снѣдь Господу дали желчь; то за сіе оставлена куща винограда. Ибо сказано: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“ (Матѳ. 23, 38). Тогда исполнилась сія угроза; ибо Израиль оставленъ, какъ „куща въ виноградѣ; съ тѣхъ поръ уже „заповѣдано и облакамъ, еже не одождити“ на виноградъ (Иса. 5, 6). Поэтому нѣтъ у нихъ пророковъ, нѣтъ небесной благодати; но стали они „лядиной [1])“, годною къ попранію. Разорены огражденія народа сего, то есть, защита святыхъ Силъ; если и по закону что сдѣлаютъ, и то послужитъ имъ въ погибель. Посему нынѣ „объимаютъ мимоходящіи путемъ; и озоба вепрь отъ дубравы, и уединенный дивій поядe“ (Псал. 79, 13. 14); нынѣ попираютъ ихъ невидимыя Силы.

„И яко овощное хранилище въ вертоградѣ“. Для сбереженія овощей строятъ осенью хранилища. Посему „вертоградъ [2])“ есть мѣсто, приносящее плоды временные, скоропропадающіе, служащіе болѣе къ услажденію, нежели въ пользу. Но таковъ и Законъ, который имѣлъ кратковременное употребленіе. Ибо служеніе было временное и процвѣтало не надолго; потомъ предоставило продолженіе жизни пищѣ истинной и болѣе твердой — Евангельскому ученію. Итакъ „оставится Сіонъ“ и „яко овощное хранилище“, мѣсто, въ которомъ хранятся овощи. Но овощи — не твердая и по-

[1]) Пашня, заросшая травой.

[2]) Σκοπήλατον, гряды съ огурцами.

стоянная, а нѣжная и временная пища. А таковъ Законъ, имѣющій въ себѣ подобіе служенія, а не самую истину; почему онъ есть „образъ и стѣнь небесныхъ“ (Евр. 8, 5).

Поелику же и душа каждаго изъ насъ уподобляется винограду, какъ въ Псалмѣ: „жена твоя, яко лоза плодовита“ (Псал. 127, 3), и какъ Господь говоритъ: „Азъ есмь лоза, вы же рождіе“ (Іоан. 15, 5); то да не постигнетъ и насъ сія угроза, если не приносимъ должныхъ плодовъ. Ибо кущу, можетъ быть, означаетъ и тѣло, въ которомъ обитаетъ Святый Духъ. „Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть“ (1 Кор. 6, 19)? Виноградъ же есть душа, отъ которой требуется плодоношеніе достойное первоначальнаго насажденія и Божія воздѣлыванія. Ибо она насаждена, будучи сотворена истинною, по образу истиннаго Бога; воздѣлывается же особенными о каждомъ попеченіями Творца, Который очищаетъ плодоносящее, чтобы приносило большій плодъ. Если посвящаемъ себя чистотѣ жизни; Богъ вспомоществуетъ намъ въ очищеніи себя отъ страстей, усовершая нашу старательность и ревность о добрѣ. Посему, какъ обрѣзывается виноградъ, когда излишніе побѣги останавливаютъ его плодородіе: такъ и мы обсѣкаемъ въ душѣ попеченіе о суетномъ, сберегая всю силу ея къ плодоношенію добрыхъ дѣлъ, чтобы она, разроснись въ тщеславномъ мірѣ, не истощила всей своей силы на человѣкоугодіе, разсѣваемая образами міра сего, какъ бы листьями и молодыми побѣгами. Но душа и окапывается также, чтобы все близкое къ ней могла обращать въ свойственную себѣ пищу, и такимъ образомъ, пріуготовиться къ принятію ученій Духа. Какъ не окопанный виноградъ глохнетъ, и отъ плотности окружающей его земли не участвуетъ въ пользѣ, доставляемой водою: такъ и душа, не свергнувшая съ себя плотскаго и безъ отдыха имъ отягощаемая, будучи сгнетена тяготою вещественнаго, не способна къ плодоношенію, и потому, не пріемля помощи свыше, пребываетъ безплодною. А когда душа безплодна: удаляется отъ нея Духъ Святый; падаютъ огражденія — вспомоществованіе Ангеловъ; вторгаются же мимоходящіе чужеземцы, — это силы, производящія въ ней заблужденія разума; и предварительно посѣлившіяся въ ней страсти оскверняютъ ее, подобно свиньѣ, которая предается неразумнымъ стремленіямъ и валяется въ зловонной тинѣ. И тогда исполняется на таковой душѣ слово: „оставится дщерь Сіоня, яко куща въ винограднѣ, яко овощное хранилище, въ вертоградѣ“. Не приносящіе плодовъ, достойныхъ небесной житницы, но восхищающіеся скоротибнущими плодами міра сего, полагающіеся на богатство, превозносящіеся славою, высоко думающіе о благородствѣ предковъ или о тѣлесномъ здравіи, уподобляются вертограду, потому что производятъ плодъ непитательный, который наполняетъ тщеславнымъ надменіемъ, и суетнымъ обремененіемъ приготовляетъ душу къ напыщенности и надутости. Такихъ плодовъ воз-

желалъ похотливый народъ, и погребенъ въ пустынѣ. Ибо сказано, что они плакали, вспомнивъ объ огурцахъ и дыняхъ, Египетскихъ снѣдяхъ (Числ. 11, 5), которыхъ не сталъ бы вкушать Израильтянинъ, питающійся небеснымъ хлѣбомъ — манною. Но ее пренебрегли тогдашніе Израильтяне, и возжелали „червленаго лука“. Да не постигнетъ сіе и насъ, если жизнь сластолюбивую предпочтемъ жизни разумной. Ибо плотскія удовольствія дѣйствительно подобны луку и чесноку; сообщаютъ много остроты и раздражительности; кто вкусилъ оныхъ, у того изъ внутренности издаютъ они тяжелое и едва истребимое зловоніе, и причиняютъ много слезъ вкусившимъ.

Между угрозами сказано и то, что „оставится яко градъ воюемый“. Насъ осаждаютъ непріятели, подмѣчая, когда разслабѣемъ, чтобы напасть на насъ неосторожныхъ. Какъ въ городѣ, который взятъ приступомъ, по расхищеніи находившагося въ немъ богатства, остаются ворота не запертыми, на стѣнахъ нѣтъ бодрствующихъ стражей: такъ и душа, лишенная находившихся въ ней по Божію дару сокровищъ, остается въ пренебреженіи, какъ недостойная уже Божія охраненія. Посему и сказано: „всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце“ (Притч. 11, 23). Посему не только будемъ бодрствовать и трезвиться, но помолимся, чтобы и намъ за бдительность на стражѣ своей получить, да „не воздремлетъ, ниже уснетъ Храняй Израиля“ (Псал. 120, 4). Ибо „аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій“ (Псал. 126, 1). Когда же за неимѣніе нами добрыхъ дѣлъ оставитъ насъ безъ охраненія; тогда предъ врагами останемся готовыми къ похищенію, плѣненію и отведенію въ рабство.

(9) „И аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобился быхомъ“. Если цѣлый народъ „грѣшенъ“, всѣ „людіе исполнени“ беззаконій, всѣ „сынове беззаконій“; то какое же сѣмя осталось у Израиля, и препятствуетъ ему потерпѣть то же, что потерпѣли Содомъ и Гоморра? Бывшее у Израиля сѣмя было „сѣмя лукавое“; оно не могло служить виною спасенія, но достойно было погибели. Какое же это было сѣмя? Не то ли, о которомъ сказано въ обѣтованіяхъ Аврааму: „тебѣ дамъ и сѣмени твоему“ (Быт. 13, 15)? „Не глаголетъ же“, говорится, „и сѣменемъ, яко о мнозѣхъ, но яко о единомъ, и сѣмени твоему, иже есть Христосъ“ (Гал. 3, 16). Сіе-то Сѣмя своимъ явленіемъ въ міръ остановило казнь тѣхъ, которые по заслугамъ дѣлъ должны были претерпѣть участь Содома и быть истреблены огнемъ и жупеломъ за злобу, пришедшую въ мѣру Содомской. Впрочемъ и послѣ того, какъ согрѣшили они противъ Христа, „останокъ по избранію благодати“ спасенъ; а прочіе ослѣплены и преданы разоренію, какъ говоритъ Амосъ: „разорихъ вы, якоже разори Богъ Содому и Гоморру, и ниже тако обратистеся ко Мнѣ, глаголетъ Господь“ (Амос. 4, 11). Хотя Богъ многократно угрожалъ, и многократно прощалъ; но напослѣдокъ на нераскаянное сердце послалъ

бѣдствія, достойныя дѣлъ. Такъ у одного пророка Богъ устремляется уже отмстить народу за неправду; но медлитъ по свойственному Себѣ человѣколюбію. „Что тя устрою, Ефреме?“ что сотворю тебѣ Іуда? „Якоже Адаму“ положу „тя, и якоже Севоимъ“. Города же сіи принадлежали къ Содомскому пятиградію. Потомъ, по избытку человѣколюбія, тотчасъ присовокупляетъ: „превратися сердце Мое въ немъ, смятеся раскаяніе Мое. Не сотворю по гнѣву ярости Моея“ (Ос. 8, 11). Однако же, когда впали они въ крайнее беззаконіе, тогда храмъ сожженъ, весь городъ преданъ пламени, сами же истреблены голодомъ, заразою, мятежемъ и кознями другъ противъ друга. Изъ всего Израиля спаслось только часть увѣровавшихъ во Христа, потому что избраніе напилось не во многихъ. Сія-то часть, ставъ закваскою для народовъ, содѣлала всѣхъ подобными себѣ; такъ что съ сего времени увѣровавшій изъ язычниковъ называется Израилемъ и народомъ Божіимъ, и есть „иже въ тайнѣ Іудей“ (Рим. 2, 29) и наслѣдникъ обѣтованій духовныхъ.

Поелику же Содомъ въ переводѣ значитъ — уклоненіе, а Гоморра — мятежъ, то толкованіе именъ наводитъ насъ на такую мысль, что, если бы не пришло обѣтованное Сѣмя, то намъ, уклонившимся отъ Бога, ничто не воспрепятствовало бы впасть въ совершенную погибель; и если бы не возсіялъ намъ миръ съ высоты, „превосходяй всякъ умъ“ (Филип. 4, 7), то каждый изъ насъ былъ бы истребленъ отъ собственнаго мятежа и отъ живущей въ немъ брани. Ибо грѣховныя страсти и всѣ неразумныя движенія обыкновенно производятъ въ душахъ неумолкающую молву и неукротимый мятежъ. Посему Церковь, сознавая, сколько благодѣтельно пришествіе Спасителя, Который, какъ малое сѣмя, чрезъ плоть человѣческую вшелъ къ намъ въ міръ, въ видѣ благодаренія говоритъ сіе.

(10) „Услышите слово Господне, князи Содомстіи: внемлите закону Божію, людіе Гоморрстіи“, — дабы показать, что явленіе сѣмени, оставленнаго ей Господомъ Саваоѳомъ, сдѣлалось для нихъ виною спасенія. Поелику они сами по себѣ заслуживали бѣдствія Содомскаго города; то называетъ ихъ князьями Содомскими и народомъ Гоморрскимъ, то есть, болѣе и князей порочными; потому что Содомъ былъ какъ бы столицею нечестія, а сей городъ по преизбытку пороковъ бралъ верхъ и надъ князьями. Но за что же князья Содомскіе? Или за то, что Содомляне, когда справедливо разсуждающій Лотъ старался избавить принятыхъ имъ странниковъ, не послушали его, говоря: „пришелъ еси обитати, еда ли и судъ судити?“ (Быт. 19, 5), такъ и они не послушали правдиваго Судію, вопія: „распни, распни“, истреби Его съ земли. Но здѣсь гораздо большее злодѣяніе. Содомляне нагло поступали съ странниками, ни чѣмъ не оскорбившими ихъ; а они поступили такъ съ Тѣмъ, Кто оказалъ имъ въ преизбыткѣ великія благодѣянія; Содомляне—съ странниками, а они съ Тѣмъ, Кто „во своя

прінде"; Содомляне — съ Ангелами, а они — съ Богомъ. Посему справедливо дается имъ названіе князей Содомскихъ. Впрочемъ благодѣтельствующій имъ Богъ призываетъ ихъ къ слышанію полезныхъ Его глаголовъ, а управляемый ими народъ, который за лукавыя ученія называется: „людіе Гоморрстіи", заставляетъ внимать закону; тѣмъ, которые болѣе смыслены, повелѣваетъ слушать, а неразумнымъ внимать или принимать слухомъ, что преподали другіе.

Какое различіе между словомъ и закономъ, такое же между слушаніемъ и принятіемъ въ слухъ. Законъ есть правило для праведныхъ и неправедныхъ, предписывающее то, что должно дѣлать, и запрещающее то, чего не должно дѣлать; его многіе соблюдаютъ, даже не зная заключающейся въ немъ пользы; а слово представляетъ и причину, почему учреждено что-нибудь. Особливо же наше слово, которое объясняетъ законъ, возвышенно, и духовно, превосходнѣе одного буквальнаго соблюденія закона. Чѣмъ же слушаніе отличается отъ принятія въ слухъ? Тѣмъ, что слушаніе есть дѣло разумѣнія, какъ показываетъ Господь возбуждая къ разумному слышанію того самаго намѣренія, съ какимъ говорится: „имѣяй уши слышати, да слышитъ" (Матѳ. 11, 15); а принять слухомъ значитъ вложить въ уши голый звукъ.

Посему и народъ въ книгѣ Исхода говоритъ: „вся, яже возглаголетъ Господь, сотворимъ и послушаемъ" (Исх. 24, 4); хотя согласнѣе съ разумомъ было бы сказать: послушаемъ и сотворимъ. Но безъ сомнѣнія, человѣку можно и съ самымъ грубымъ разумѣніемъ сотворить; напримѣръ: соблюсти субботу, тѣлесно воздержаться отъ снѣдей, обрѣзать въ осьмый день, и трижды въ годъ явиться въ храмѣ; но проникнуть въ основаніе сихъ постановленій свойственно уже совершенному и далеко простершемуся въ вѣдѣніи.

Говорятъ же, что сія одна причина побудила тогдашнихъ Іудеевъ злоумышлять противъ Пророка. Но князьями Содомскими потому ли названы, что начальствовали надъ людьми лукавыми? или потому, что сами были лукавы? Ибо начальникъ порочныхъ людей можетъ быть самъ свободенъ отъ порока подчиненныхъ. Но если бы умолчано было о народѣ, то, можетъ быть, имѣло бы мѣсто такое недоумѣніе. Теперь же, поелику народъ названъ людьми Гоморрскими, то онъ менѣе достоинъ укоризны, нежели князи его; и Писаніе показываетъ тѣмъ, что Содомъ былъ главный въ пятиградіи, имѣлъ какъ бы первенство въ лукавствѣ, и всякими пороками превзошелъ прочіе города. Собственно же о князьяхъ Содомскихъ Исторія ничего не предала, кромѣ извѣстія о царяхъ побѣжденныхъ (Быт. 14, 10). По причинѣ дерзновенія, съ какимъ Исаія обличаетъ неправды Іудеевъ, Апостолъ говоритъ о немъ: „дерзаетъ и глаголетъ" (Рим. 10, 20). Но кто держится здравыхъ ученій и неукоризненъ по жизни, тотъ можетъ иногда

употреблять такія обличенія противу начальниковъ Церкви, живущихъ беззаконно, и противъ народа, заблуждающагося и ведущаго себя гнусно.

(11) „Что Ми множество жертвъ вашихъ? глаголетъ Господь“. Вотъ одно изъ того, что должно слышать князьями и соблюдать народу! „Что Ми множество жертвъ вашихъ? Жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви“ (Притч. 15, 8). Какъ же посредствомъ жертвъ, приносимыхъ во множествѣ безъ достодолжнаго покаянія, надѣетесь пріобрѣсть избавленіе душамъ своимъ? Богъ умилостивляется не кровію животныхъ, не заколеніями жертвенными, но сердцемъ сокрушеннымъ. Ибо „жертва Богу духъ сокрушенъ“ (Псал. 50, 19). А то же прилично сказать о тѣхъ, которые не щадятъ издержекъ, но не приносятъ покаянія на дѣлѣ. Посему Писаніе отвергаетъ не вообще жертвы, но жертвы Іудейскія. Ибо говоритъ: „что Ми множество жертвъ вашихъ?“ Множества не одобряетъ, а требуетъ одной жертвы. Каждый самъ себя принеси въ жертву Богу, предоставивъ себя „въ жертву живу, благоугодну Богови“, чрезъ „словесное служеніе“ заклавъ Богу жертву хвалы (Рим. 12, 1). Поелику же отринуто множество подзаконныхъ жертвъ, какъ безполезное; то принята единая Жертва, принесенная въ послѣдніе вѣки во оставленіе грѣха. Ибо Агнецъ Божій взялъ на Себя грѣхъ міра, „предавъ Себе приношеніе и жертву въ воню благоуханія“ (Ефес. 5, 2).

„Исполненъ есмь“. Здѣсь хорошо окончить чтеніе, и послѣдующее читать, какъ начало новой мысли. Богу всего наиприличнѣе быть исполненнымъ собственнаго Своего блаженства и въ Себѣ самомъ имѣть преизбытокъ; говорить же о Себѣ, что исполненъ тука всесожженій и крови закланныхъ жертвъ, не достойно Бога. Итакъ исполненъ Тотъ, „отъ исполненія“ Котораго „мы пріяхомъ“ (Іоан. 1, 16), и въ Комъ „живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ“ (Кол. 2, 9). Бѣсамъ, по ихъ любострастію и страстному состоянію, доставляютъ нѣкоторое услажденіе и удовлетвореніе жертвы, когда онѣ сожигаются; потому что кровь во время горѣнія испаряется, и такимъ образомъ утонченная воспріемлется ими въ собственный ихъ составъ. Всецѣло и совершенно напитываются они сами испареніями, не чрезъ вкушеніе и не съ помощію чрева, но подобно волосамъ, ногтямъ животныхъ и всему тому, что въ цѣлую сущность свою принимаетъ пищу. Посему они до жадности любятъ тукъ, и услаждаются дымомъ ладона, какъ годнымъ къ питанію ихъ. И, можетъ быть, въ животныхъ есть нѣкоторое сродство съ отличительными качествами бѣсовскихъ тѣлъ. И постигшіе желанія бѣсовъ приносятъ одно предпочтительно предъ другимъ, какъ болѣе сродное къ питанію. Но Богу приличествуетъ слово: „исполненъ есмь“. Я ничего не желаю, но все Мое. Ибо все стремится ко благу. А благъ въ истинномъ смыслѣ Богъ. Я источникъ исполненія. „Еда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь“ (Іерем. 23, 24). И: „Господня земля, и исполненіе ея“ (Псал. 23, 1). Посему и Самъ Я ни въ чемъ не имѣю нужды,

и къ кому приближаюсь, тѣмъ сообщаю исполненіе. Мною бываютъ исполнены Святые. „Стефанъ исполнь благодати [1]) и силы творяше знаменія и чудеса велія въ людехъ“ (Дѣян. 6, 8). И Павелъ, какъ скоро позналъ Христа, исполненный Духа Святаго возвратился въ Іерусалимъ. Отъ сего исполненія и Авраамъ былъ „старецъ исполненъ дней“ (Быт. 25, 8). И въ людяхъ обращающихся „дніе исполнени обрящутся“ (Псал. 72, 10).

„Всесожженій овнихъ, и тука агнцовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу“. Это также принадлежитъ къ слышанному слову, и къ закону, который должно принять въ слухъ. Вникните, точно ли узаконяется и заповѣдуется сіе вопреки Моисееву закону, и что у Моисея требуется, то здѣсь отвергается? И какимъ же образомъ „іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ“ (Матѳ. 5, 18)? Или, можетъ быть, пророческое слово показываетъ, что духовно, возвышенно и въ высокомъ смыслѣ надлежитъ изъяснить и то, что предписываетъ внѣшняя сторона Закона. Безъ сомнѣнія, говоритъ Богъ, Я не требовалъ овна, то есть животнаго, но требую, чтобы Мнѣ всецѣло былъ посвященъ умъ, то есть владычественное души, умъ не развлекаемый земными заботами, какъ бы очищенный огнемъ и оказавшійся достойнымъ похвалы. Хочу не того, чтобы тукъ агневъ посредствомъ огня обращаемъ былъ въ тончайшіе пары, но чтобы непорочная душа приносила Мнѣ простоту нравовъ; хочу не того, чтобы кровь быковъ и козловъ проливалась на подножіе жертвенника, но чтобы вожделѣвательное и раздражительное въ душѣ истребляемо было многотрудною молитвою и постояннымъ пребываніемъ во святилищѣ.

Замѣть же: не сказалъ, что не хочетъ всякой крови, но крови извѣстныхъ животныхъ. Ибо не сказалъ, что не хощетъ Крови, изліянной въ послѣдніе вѣки въ отпущеніе грѣховъ, которая „лучше“ глаголетъ, „нежели Авелева“ (Евр. 12, 24), но прелагаетъ жертвы на духовное; потому что должно быть премѣненіе и священству (Евр. 7, 1). А если отвергаемъ тѣлесныя жертвы, то отвергаетъ и подзаконнаго первосвященника. Ибо какъ подзаконные первосвященники освятятъ руки, не принося во всесожженіе овна, на котораго они возлагали руки? Какъ окропятся, не окропляемые кровію? Такимъ образомъ то и другое имѣетъ мѣсто: и законъ Моисеевъ, и введеніе лучшаго закона. Посему извергаются первосвященники отъ сѣмени Ааронова, чтобы на ихъ мѣсто вступилъ „Первосвященникъ по чину Мелхиседекову“ (Евр. 5, 10). Нѣтъ уже жертвъ „всегдашнихъ“ (Исх. 29, 42), нѣтъ жертвъ въ день очищенія, нѣтъ пепла юницы, очищающаго „осквернениыя“ (Евр. 9, 13). Ибо одна жертва—Христосъ и мертвость Святыхъ по Христѣ; одно кропленіе—„баня пакибытія“ (Тит. 3,

[1]) Такъ читается въ переводахъ: Сирскомъ, Арабскомъ, Вулгатѣ, а также и въ нѣкоторыхъ Греческихъ спискахъ.

5); одно умилостивленіе за грѣхъ—изліянная за спасеніе міра Кровь. Для того отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе.

(12) „Ниже приходите явитися Ми“. Рѣчь зависитъ отъ того же глагола: „не хощу“. Отмѣняетъ не только законъ о жертвахъ, но и тотъ законъ, по которому „всякъ мужескъ полъ“ долженъ былъ „трикраты въ лѣтѣ“ являться „предъ Господемъ“ (Исх. 23, 17). Поелику они не раскаялись въ томъ, что были неправедны и имѣли стропотныя намѣренія; то Богъ удалилъ ихъ отъ очей Своихъ, ибо „очи Господни на праведныя“ (Псал. 33, 16); и: „правоты видѣ лице Его“ (Псал. 10, 7). Гнѣвъ господина къ служителямъ выражается тѣмъ, что у нихъ отнимается право имѣть къ господину доступъ. А что умозрѣніе о Богѣ простирается до трехъ разъ, это означаетъ познанія Богословія о Троицѣ. По той же причинѣ предпочелъ и мужескій полъ какъ достойный Божіихъ очей; чѣмъ внушается, что слово требуетъ душъ сильныхъ, твердо и мужественно соблюдающихъ повелѣнія, а не слабыхъ, удобопреклонныхъ и изнѣженныхъ. Посему сказано: „трикраты въ лѣтѣ да явится всякъ мужескъ полъ предо Мною“. И сіе-то самое, плотскимъ израилемъ исполняемо тѣлесно, отвергается.

„Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ?“ Пророкъ показалъ уже, что разумѣть подъ словомъ: „сія“; это—внѣшнее Закона, овенъ предаваемый всесожженію, тукъ агнцевъ, кровь тельцовъ и козловъ, прихожденіе тѣломъ во храмъ, какъ будто очамъ Божіимъ для зрѣнія нужно приближеніе, а иначе они не досягаютъ до находящихся вдали. „Сія“—дѣла столь низкія и земныя, говоритъ слово, „кто изыска изъ рукъ вашихъ?“ Видишь, съ какою силою и необходимостью доводитъ до того, чтобы мы намѣреніе Закона понимали сколько-нибудь духовно. Если признано, что отъ Бога даны самыя слова Закона, между тѣмъ говорится, что Богъ не требуетъ совершаемаго нынѣ по Закону: то симъ ясно: и непререкаемо убѣждаетъ насъ Пророкъ возводить умъ къ духовному разумѣнію Закона, почти такъ вопія и свидѣтельствуя: „милости хощу, а не жертвы, и увѣдѣнія Божія паче, нежели всесожженія“ (Осіи 6, 6); и: „аще возвѣстися тебѣ, человѣче, что добро, или чесого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ еже творити судъ, и любити милость, и готову быти, еже ходити съ Господемъ Богомъ твоимъ“ (Мих. 6, 8)? и „пожри Богови жертву хвалы“ (Псал. 49, 14).

Кажется, что все ученіе о жертвахъ и всесожженіяхъ заключается въ ученіи о милости и любви; потому что весь Законъ сокращенно выражается въ словахъ: „возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе (Мате. 19, 19)“. И мѣста, въ которыхъ говорится о праздникахъ, подводятся подъ тотъ же образъ объясненія, такъ что и пасху должны мы праздновать „не въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины“ (1 Кор. 5, 8), во славу закланнаго къ вечеру, то есть при скончаніи вѣка, истиннаго овчати—Христа. Котораго „плоть истинно есть брашно“ (Іоан. 6

56); и жить въ кущахъ должны мы не опредѣленное число дней, но все время пресельничества нашего, въ ожиданіи истиннаго отечества, „емуже художникъ и содѣтель Богъ“ (Евр. 11, 10); и совершать пятидесятницу по исполненіи седьми седмицъ, то есть отрѣшиться отъ жизни, какъ бы находясь при послѣднемъ днѣ.

„Ходити по двору Моему не приложите“. Страшная угроза для разумѣющихъ! Но иные изъ принадлежащихъ къ Церкви не чувствуютъ сего вреда; и которые могутъ съ нимъ еще встрѣтиться, тѣ остаются безпечными, а которые осуждены уже за грѣхи, тѣ пребываютъ равнодушными. Но пророческое слово показываетъ, сколько оскорбительно для церкви вхожденіе въ нее осуждаемыхъ, какъ попирающихъ Святая. Итакъ совершенный проникнетъ въ самое Святая-Святыхъ, внутрь завѣсы, то есть, переступивъ тѣлесное, непокровеннымъ созерцаніемъ приступитъ къ Божественнымъ умопредставленіямъ. А не достигшій совершенства коснется въ дому Божіемъ предалтарія, по причинѣ тѣлеснаго служенія. Кто же недавно введенъ въ благочестіе, тому дозволяется быть только во дворѣ. А исключенный и отсюда находится внѣ обителей благочестія. Посему какая опасность, чтобы не отняли и того, что иной думаетъ имѣть у себя? Святый, паче всего любящій Бога, съ любовію лобызаетъ всѣ символы Божіи, говоря: „желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни“ (Псал. 83, 3). Онъ знаетъ, что невозможно ему иначе процвѣсть и положить началу плодоношенію, какъ только находясь во дворахъ Господнихъ. И Богъ благодѣтельно изгоняетъ ихъ изъ двора Іудейскаго, чтобы прибѣгли во дворъ Христовыхъ овецъ, „да будетъ едино стадо, и единъ Пастырь“ (Іоан. 10, 16).

(13) „Аще принесете Ми семидалъ, всуе: кадило, мерзость Ми есть: (14) новомѣсячій вашихъ, и субботъ вашихъ, и дне великаго не потерплю; поста, и праздности, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя“. Ясно отвергаетъ плотское разумѣніе Божія закона Возвѣстившій его и великими укоризнами Возбудившій князей и народъ къ его соблюденію. Ибо, хотя ничего самъ отъ себя не возвѣщаетъ, однако же изглаждаетъ написанное древле, говоря, что таковъ Божій законъ и таково Божіе постановленіе, чтобы не было ничего совершаемаго нынѣ. „Аще принесете Ми семидалъ, всуе“. При жертвоприношеніяхъ часто употребляется семидалъ [1]), иногда не приготовленный, съ возлитымъ только елеемъ, иногда и безъ елея, какъ въ жертвѣ „ревнованія“ (Числ. 5, 15), въ иныхъ случаяхъ какъ „хлѣбъ елеенъ“, а въ иныхъ какъ опрѣснокъ (Лев. 8, 26), въ иныхъ же какъ тѣсто, сдѣланное изъ семидала съ елеемъ. Назвавшій теперь суетнымъ употребленіе семидала отмѣнилъ и большую часть жертвъ. Итакъ что значитъ

[1]) Пшеничная мука.

сказанное? То, что въ словѣ подразумѣвается другой смыслъ, а вы, оставивъ намѣреніе Законодателя, прилагаете стараніе о суетѣ тѣлесной. Ибо подъ пшеницею надлежало разумѣть слово, которое на подобіе сѣмени влагается въ души ваши, и обнаживъ ее отъ всякаго мірскаго понятія, употреблять такою, какова она сама въ себѣ, въ невещественномъ и чистомъ служеніи Богу. Это и есть семидалъ духовный, слово о Богѣ, отдѣленное отъ тѣлесныхъ понятій. Посему семидалъ, представляемый тѣлесно и приносимый по-іудейски, „всуе“, а кадило—даже мерзость предъ Господомъ. Ибо дѣйствительно мерзостно думать, будто бы Богъ, для услажденія Своего обонянія, установилъ извѣстный составъ ѳиміама, а не представлять, что кадило предъ Господомъ есть освященіе въ тѣлѣ, совершаемое при душевномъ цѣломудріи, когда всѣ части души равносильно и безмятежно соблюдаютъ взаимное одно къ другой отношеніе. Сказано: „возьми себѣ ароматы, стакти, онуха, и халвана благовонна, и ливана чистаго“ (Исх. 30, 34). Четыре сіи благовонія имѣютъ сходство съ четырьмя стихіями, изъ которыхъ слагаются тѣла, именно же: стакти:—съ водою; онухъ по сухости—съ землею; халванъ по теплотѣ—съ огнемъ; ливанъ же по прозрачности—съ воздухомъ. „Все то въ равну мѣру да будетъ“; то есть, отъ несоразмѣрнаго растворенія происходящія стремленія къ безчиннымъ похотямъ обуздывай и уравнивай. „И раздробиши отъ сихъ потонку“ (36), то есть, уничтожая въ душѣ плотскую дебелость и вещественность, старайся содѣлать сіе духовнымъ. „И тако положиши прямо свидѣнію въ скиніи, отонудуже познанъ буду тебѣ тамо“. Ибо когда приближился къ совершенному соединенію и утонченъ, тогда достоинъ быть внесеннымъ во Святая и приблизиться къ познанію о Богѣ. Сказано: „положити сія прямо свидѣнію, отонудуже познанъ буду тебѣ тамо“. Запрещено же, кому бы то ни было, дѣлать подобное для своего услажденія, то есть, себѣ приписывать заслуги; но должно возводить ихъ къ Богу—Винѣ всѣхъ благъ. Такимъ ѳиміамомъ былъ Павелъ сказавшій: „Христово благоуханіе есмы“; и еще: „Богу же благодареніе всегда побѣдители насъ творящему, и воню разума Его являющу въ насъ“ (2 Кор. 2. 14, 15). А ѳиміамъ тѣлесный, входящій въ отверстія ноздрей и возбуждающій ощущеніе, справедливо признанъ мерзостію для Безтѣлеснаго.

Пророческое слово хочетъ также, чтобы разумные и „новомѣсячія“ представляли себѣ сообразными съ лѣтами вѣчными, а не разумѣли одного, совершающагося чрезъ тридцать дней, возврата луны, которая то настигаетъ солнце, то удаляется отъ него. Поелику же „безумный яко луна измѣняется“ (Іис. Сир. 27, 11); то слово сіе требуетъ, чтобы возвращеніе къ свѣту, котораго не было у безумнаго, и возстановленіе въ прежнее состояніе посредствомъ покаянія почиталось праздникомъ для братолюбиваго и сострадательнаго, и чтобы онъ проводилъ новомѣсячіе, какъ бы начало

свѣтлой жизни послѣ того, какъ утратилъ свѣтъ чрезъ измѣненіе на худшее, и чтобы снова востекъ къ свѣту чрезъ обращеніе.

За симъ о ненавистныхъ субботахъ можно было бы сказать, что предписанія „не носити бременъ“ (Іер. 17, 27), и не исходить „отъ мѣста своего“ (Исх. 16, 29), и не возгнетать „огня во всѣхъ домѣхъ“ своихъ (Исх. 35, 3),—которыхъ, какъ само собою сказывается, невозможно соблюсти и исполнить въ точности, дѣлаютъ подлежащимъ проклятію того, кто слушаетъ ихъ тѣлесно. Ибо не трогаться съ мѣста невозможно, и все поднимаемое, хотя бы самое легкое, называется бременемъ, какъ напримѣръ, одежда, или хлѣбъ, или другое что необходимое. Но законъ не повелѣваетъ возгнетать и огня, то есть велитъ не воспламеняться плотскими страстями; онъ предписываетъ „не носити бременъ“, то есть не обременяться тяготою грѣха, не уклоняться отъ пребыванія въ Богѣ, но твердо и непоколебимо стоять въ вѣрѣ. Не такъ совершающихъ субботы, не въ праздности отъ злыхъ дѣлъ, но въ воздержаніи отъ должнаго, справедливо отвращается Богъ, и не терпитъ ихъ, какъ лживыхъ. Ибо таковы субботы, оплакиваемыя Пророкомъ: „лютъ“ вамъ, „приближающіися и прикасающіися субботамъ лживымъ“ (Амос. 6, 3)! Истинныя субботы—это упокоеніе, предназначенное народу Божію; ихъ, потому что онѣ истинны, пріемлетъ Богъ. И сихъ субботъ упокоенія достигаетъ тотъ, въ комъ распялся міръ; достигаетъ по совершенномъ удаленіи отъ мірскаго, и по вступленіи въ собственное мѣсто духовнаго упокоенія, пребывающій въ которомъ не подвигнется „отъ мѣста своего“, по безмолвію и безмятежности сего состоянія. Онъ и огня не возгнететъ въ вѣчной обители, потому что не собираетъ воспламеняющаго огонь вещества, дровъ, сѣна, тростія. Онъ не носитъ и бременъ, потому что не лежитъ на немъ тяжкой ноши беззаконія, но упокоится, проводя подлинно покойную субботу.

Вмѣсто же „дне великаго“ другіе перевели: „нарочитаго“. Такъ Ѳеодотіонъ: „нарочито нареченнаго не терплю“; а Симмахъ: „нарочитаго нареченія не потерплю“. Изъ сего заключаемъ, что говорится не объ одномъ исключительно великомъ, но о всякомъ днѣ, который назывался нарочитымъ. Ибо объ опрѣснокахъ говорится: „первый нарочитъ“, потому что „святъ будетъ вамъ“. И: „день седьмый нарочитъ святъ да будетъ вамъ“. И: въ „день“ седьмый „новыхъ плодовъ, егда принесете Господеви жертву седмицъ, нарочитъ святъ будетъ вамъ“ (Числ. 28, 18. 25. 26). У еще: въ „десятый день седьмаго мѣсяца сего нарочитъ святъ да будетъ вамъ“ (Числ. 29, 7). Посему, кажется, что однимъ словомъ отвергаетъ многіе дни, носившіе одно имя, и почти всѣ значительные по Закону праздники. Итакъ отвергающій дни сіи какой пріемлетъ день? Тотъ, о которомъ сказано: „дню Господню великому“ (Іоил. 2, 31), который не это чувственное солнце произведетъ, но освѣтитъ востокъ Солнце правды; который будетъ единъ

и непрерывенъ, не смѣняемъ ночью, но спротяженъ всему вѣку. Сей день въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ великъ. А плотскій Іудей ищетъ великаго дня между днями, о которыхъ блаженный Іаковъ утвердительно сказалъ, что они „малы и злы“ (Быт. 47, 9).

Въ перечисленномъ у Пророка примѣчаемъ четыре разности: одно изъ совершаемаго по-іудейски суетно; другое мерзко; третье нетерпимо; а четвертое ненавистно: къ послѣднему роду принадлежитъ и постъ Іудейскій. Какъ о прочемъ показано, что въ немъ есть и отметаемое, а есть и пріемлемое Богомъ, такъ должно сказать и о постѣ. Воздержанія отъ пищи, соблюдаемаго на показъ, и не простирающагося далѣе заповѣди: „не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи“ (Кол. 2, 26), ненавидитъ душа Господня: но воздержаніе, употребляемое для порабощенія плотскаго мудрованія, любитъ Господь; потому что оно чрезъ изнуреніе плоти устрояетъ освященіе. Воздержаніе же отъ пищи само по себѣ недостаточно къ тому, чтобы сдѣлать постъ похвальнымъ; а надобно, чтобы и въ прочемъ соотвѣтствовало поведеніе, то есть и рѣчи, и обращенія, и сближеніе должно имѣть съ тѣми, отъ кого можно получить пользу, такъ чтобы воздержаніе отъ пищи было дополненіемъ подвижничества. Посему ревностный много упражняетъ умъ, трудится надъ уловленіемъ истины; рѣдко нисходитъ къ попеченію о тѣлѣ; и потомъ, услуживъ тѣлу въ необходимомъ, безъ хлопотъ напитавъ его, чѣмъ случилось, немедленно оставляетъ занятіе безполезнымъ, и возвращается къ прежней своей жизни. Такой образъ жизни отнимаетъ у плотскаго мудрованія все, чѣмъ оно питается, и не даетъ ему преобладать надъ духомъ, а плоть творить дѣла ей свойственныя: „блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую“ (Кол. 3, 5). Посему, „умертвивъ уды наша, яже на земли“, и словомъ укоризненнымъ, усмиряющимъ страсти, и воздержаніемъ отъ пищи, будемъ поститься постомъ пріятнымъ и благоугоднымъ Господу! Такъ воздержаніе отъ пищи обуздываетъ похотливость чрева и того, что ниже чрева. И трудолюбецъ съ пользою будетъ упражняться въ этомъ, имѣя предъ собою примѣръ въ жизни Иліи, Моисея, Даніила, Іоанна и прочихъ святыхъ, „ихже не бѣ достоинъ міръ,“ иже „проидоша въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени“ (Евр. 11, 37. 38). Но и усиленнаго воздержанія отъ пищи еще недостаточно для совершенства, если душа не будетъ вполнѣ воздерживаться отъ того, что питаетъ грѣхъ. Какъ человѣкъ двойственъ, состоитъ изъ души и тѣла, такъ и пища у него двоякая, и если она сообразна съ составомъ каждой части человѣка, то дѣлаетъ питаемое болѣе сильнымъ къ отправленію свойственныхъ ему дѣйствій. Какъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, твердая пища, принятая борцемъ послѣ приличныхъ упражненій, въ какой мѣрѣ преодолѣвается силою питаемаго, въ такой же и тѣло возводитъ въ большее здравіе, и служитъ къ приращенію его силъ, потому что входитъ въ самый составъ его: такъ и въ подвигѣ благоче-

стія, догматы вѣры и уроки нравственности, постоянно преподаваемые душѣ, обогащая ее постепенными приращеніями, приготовляютъ къ тому, что съ большею силою и съ большимъ трудолюбіемъ приступаетъ она къ изученію важнѣйшаго и совершеннѣйшаго въ догматахъ.

Посему намъ должно остерегаться поста по внутреннему человѣку; о немъ по всей справедливости говорится, что ненавидитъ его Господь; его не желаетъ и Пророкъ говоря: „не убіетъ гладомъ Господь души праведныхъ“ (Притч. 10, 3). Ибо разумѣетъ не тѣлесный голодъ (въ такомъ случаѣ сказалъ бы: тѣла праведныхъ), но голодъ душевный. „Не убіетъ гладомъ души праведныхъ“. Если тѣлеснымъ, то было бы противорѣчіе въ жизни блаженныхъ; такъ какъ Павелъ между прочимъ хвалится и симъ: „въ пощеніихъ многащи“, и: „во алчбѣ и жажди“ (2 Кор. 11, 27); а Пророкъ не желаетъ голода праведныхъ. Но лучше то и другое понимать, держась высшаго понятія о воздержаніи. Таково и слѣдующее изреченіе: „не видѣхъ праведника оставлена ниже сѣмене его просяща хлѣбы“ (Псал. 36, 25). Ибо помнимъ объ Иліи, который просилъ хлѣба у вдовицы Сидонской; да и сѣмя Іакова праведника просило хлѣбовъ въ Египтѣ. А если избѣгнемъ низкаго понятія, то уничтожится и нелѣпость противорѣчія. Итакъ симъ постомъ постились Іудеи, убивая въ себѣ гладомъ внутренняго человѣка, за что и постигла ихъ угроза, въ которой сказано: „се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и наведу гладъ на землю сію, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня“ (Амос. 8, 11). О сихъ-то постахъ Господь говоритъ, что ненавидитъ ихъ, о постахъ тѣхъ, которые изнуряютъ свой умъ не вкушеніемъ спасительныхъ и животворныхъ ученій, утучняютъ же и чрезъ мѣру питаютъ внѣшняго человѣка. Какъ на вѣсахъ, когда обременена одна сторона, противоположная ей поднимается вверхъ; такъ и въ человѣкѣ, какъ всякій можетъ видѣть, происходитъ подобное. Съ приращеніемъ плоти умъ дѣлается иногда нѣсколько слабѣе; и обратно, при благоустройствѣ ума, не рѣдко утончается плоть. И въ семъ-то смыслѣ говоритъ Апостолъ, что сколько „внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ“, столько „внутренній обновляется“ (2 Кор. 4, 16), и еще: „егда немощствую, тогда силенъ есмь“ (2 Кор. 12. 10). Ибо дымныя какія-то испаренія, поднимающіяся изъ обильной и грубой пищи, подобно густому облаку, не допускаютъ до ума нашего нисходящихъ на него озареній Святаго Духа. Посему и Моисей, восходя умомъ къ созерцанію Бога, безъ пищи и питія провелъ сорокъ дней, чтобы владычественное въ себѣ поставить въ невозмущаемомъ состояніи. Подобнымъ образомъ Илія, когда намѣревался взыскать Бога, столько же времени отвращался отъ пищи, чтобы не произошло отъ нея какого либо омраченія въ умѣ. Напротивъ того Господь, воставъ отъ мертвыхъ и восходя на небеса, прикасался къ пищѣ, чтобы удостовѣрить въ естествѣ воскресшаго тѣла, а нисходя къ людямъ, постился, вра-

зумляя тѣмъ, что исходящему на борьбу съ искушеніями необходимо подвижничество. Ибо изнуреніе тѣла какъ бы пріучаетъ насъ къ побѣдѣ. Впрочемъ не такъ должно поступать съ плотію, чтобы естественную ея силу разслабить и привести въ совершенное бездѣйствіе воздержаніемъ, и чтобы отъ чрезмѣрнаго разслабленія дошла она до невозможности слѣдовать за умомъ. Поелику же намъ, пока Женихъ съ нами, повелѣно не поститься постомъ воздержанія отъ слова, такимъ постомъ, въ который бы мы не питались Хлѣбомъ, сшедшимъ съ небесе, и отвращались вкушенія плоти Господней, въ которомъ основаніе жизни; то Господь говоритъ, что ненавидитъ такого поста.

Къ ненавидимому Господомъ принадлежитъ и праздность, недѣланіе того, что должны мы дѣлать. Кажется, что послѣдствіе всякаго праздника есть праздность; потому что о дняхъ нарочитыхъ прибавляется и сіе: „всякаго дѣла работня не сотворите“ (Лев. 23, 7). А поелику увольняющіе себя въ праздники отъ дѣлъ житейскихъ впадаютъ въ несообразности всякаго рода; то справедливо говорится, что они предаются ненавистной праздности. Да и какъ не быть ненавистною праздности, когда она хуже муравья и пчелы дѣлаетъ человѣка, который въ самомъ началѣ по сотвореніи поставленъ въ раю „дѣлати и хранити его“ (Быт. 2, 15)? Посему всего первоначальнѣе и свойственнѣе для человѣка ревность къ дѣлу, и напротивъ какъ бы противуестественна ему праздность, которую ненавидитъ Господь, какъ Самъ говоритъ. Но какого же празднованія требуетъ отъ насъ Богъ? Такого, чтобы мы не дѣлали „брашна гиблющаго“ (Іоан. 6, 27); не возводили очей на суетное, не принимали ушами пустаго слуха, „отрясали руцѣ отъ даровъ“ (Иса. 33, 15), имѣли ногѣ не „скори проліяти кровь“ (Иса. 59, 7), — однимъ словомъ, не прилагали всѣхъ своихъ стараній о тѣлѣ.

„Ктому не стерплю грѣховъ вашихъ“. Это слова приличныя утомившемуся непрестанными возвращеніями ко грѣху облагодѣтельствованнаго имъ. „Ктому не стерплю“. Многократно призывалъ Я васъ къ покаянію. Повидимому, оказывали вы послушаніе, а потомъ снова продолжали идти своимъ путемъ. Не надѣясь на ваше нераскаянное сердце, „ктому не стерплю“, чтобы вы остались безъ должнаго вамъ наказанія. Не тотъ исповѣдуетъ грѣхъ свой, кто сказалъ: согрѣшилъ я, и потомъ остается во грѣхѣ; но тотъ, кто, по слову Псалма, обрѣлъ грѣхъ свой, и возненавидѣлъ (Псал. 35, 3). Какую пользу принесетъ больному попеченіе врача; когда страждущій болѣзнію крѣпко держится того, что разрушительно для жизни? Такъ нѣтъ никакой пользы отъ прощенія неправдъ дѣлающему еще неправду, и отъ извиненія въ распутствѣ,—продолжающему жить распутно.

Но въ какомъ случаѣ отпускаются душевные грѣхи? Когда добродѣтель, возобладавъ душею и всецѣло оградивъ ее своими уроками, произве-

деть въ ней отвращеніе отъ противоположнаго расположенія, такъ что душа, имѣя случай къ любостяжанію, добровольно стремится уважать равенство, и хотя удобно было бы сдѣлать неправду, даже безъ свидѣтелей, избѣгаетъ сего, какъ величайшаго зла. Кто такъ расположенъ, вслѣдствіе своего навыка, тому могутъ быть отпущены прежнія неправды. Подобно сему и цѣломудріе, когда душа пріобрѣтетъ въ немъ навыкъ и постоянство, заглаждаетъ прежнее распутство. Цѣломудреннымъ же называемъ не того, въ комъ невоздержныя пожеланія ослабѣли отъ старости, или отъ болѣзни, или отъ другаго какого либо случая. Ибо въ такомъ человѣкѣ, хотя грѣхъ еще и живетъ, но дѣятельности его препятствуетъ немощь членовъ. А цѣломудріе есть истинная, съ сознаніемъ соединенная сила, глубоко отпечатлѣвшаяся въ душѣ и уничтожающая оставшіеся слѣды срамныхъ движеній. Кто такъ уврачевалъ себя, принявъ расположеніе противное грѣховному, для того полезна и благодать прощенія. А здѣсь пророческое слово тѣмъ, которые отъ многихъ паденій, подъ человѣколюбивымъ руководительствомъ, неоднократно воставали, и потомъ преодолѣны наконецъ немощами, угрожаетъ совершеннымъ оставленіемъ. Здѣсь слово: „не кому“, даетъ намъ разумѣть, что уже неоднократно прежде были имъ прощаемы подобные грѣхи. Ибо невозможно, чтобы кто нибудь безъ Божія прощенія предался добродѣтельной жизни. Посему премудрый Домостроитель нашей жизни хочетъ, чтобы жившій во грѣхахъ, и потомъ дающій обѣтъ востать къ здравой жизни, положилъ конецъ прошедшему, и послѣ содѣянныхъ грѣховъ сдѣлалъ нѣкоторое начало, какъ бы обновившись въ жизни чрезъ покаяніе. А кто непрестанно даетъ обѣщанія и непрестанно нарушаетъ ихъ, того, какъ совершенно отчаяннаго, Онъ лишаетъ Своего человѣколюбія.

(15) „Егда прострете руки, отвращу очи Мои отъ васъ“. Молящіеся наружно, хотя простирають руки, но не получаютъ того, чтобы очи Божіи взирали на молитву ихъ. Но опять это обычный образъ молитвы святыхъ, какъ узнаемъ отъ Давида, который говоритъ: „воздѣхъ къ Тебѣ руцѣ мои“ (Псал. 87, 10); и: „воздѣяніе руку моею жертва вечерняя“ (Псал. 140, 2). А Моисей, когда Израильтяне по захожденіе солнца продолжали сражаться, держалъ руки распростертыми. Сюда же относится и Апостольское наставленіе: „да молитву творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки“ (1 Тим. 2, 8). Но, можетъ быть, пророческое слово имѣетъ какой нибудь болѣе глубокій смыслъ, именно: о томъ, кто совершаетъ дѣла великія, небесныя и возвышенныя, какъ о человѣкѣ, у котораго дѣятельная сила какъ бы устремлена вверхъ, говоритъ, что онъ воздѣваетъ руки; но кто дѣлаетъ что нибудь низкое, земное и подлежащее тлѣнію, тотъ имѣетъ руки клонящіяся и опущенныя книзу. Сіе даетъ разумѣть и повѣствуемое о Моисеѣ, то есть, поелику и дѣла преуспѣвшихъ

не равны между собою, но иногда живутъ они лучше, а иногда впадаютъ въ разслабленіе и дѣйствуютъ съ меньшею силою, то происходившее съ Моисеемъ было символомъ человѣческаго состоянія. Ибо аще „воздвизаше Моисей руцѣ, одолѣваше Израиль; егда же опускаше руцѣ, одолѣваше Амаликъ“ (Исх. 17, 11). То есть, когда ослабѣваетъ наша дѣятельная сила, тогда одолѣваютъ противоборствующіе намъ; но съ возвышеніемъ и устремленіемъ ея горѣ приходитъ въ большую силу наша прозрительность которая и называется Израилемъ. Замѣть, что здѣсь не сказано: когда будете воздѣвать руки, но: „егда прострете“. Ибо воздѣваетъ, кто ищетъ горняго, а простираетъ, кто проситъ помощи на дѣла тѣлесныя. Поелику же простретіе рукъ у младенцевъ къ кормилицамъ и матерямъ бываетъ часто по привязанности къ нимъ: то, желая показать нерасположенность молящихся, не сказалъ: егда прострете ко Мнѣ; но просто говоритъ: „егда прострете руки, отвращу очи Мои“; и присовокупляетъ причину: „руки бо ваша исполнены крове“.

„И аще умножите моленіе, не услышу“. Да слышатъ слова сіи тѣ, которые не сдѣлали въ жизни ничего добраго, но думаютъ оправдаться продолжительностію молитвы. Ибо молитвенныя слова не просто полезны, но когда произносятся съ усерднымъ расположеніемъ. И фарисей, по видимому, „умножалъ“ моленіе. Но что говоритъ слово? „Ставъ же фарисей, сице въ себѣ моляшеся“ (Лук. 18, 11), — „въ себѣ“, а не къ Богу; ибо на себя обращалъ мысль, такъ какъ былъ во грѣхахъ гордыни. Посему и Спаситель говоритъ: „молящеся же не лишше глаголите, якоже язычницы; мнятъ бо, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ: не подобитеся убо имъ“ (Матѳ. 6, 7, 8). И еще сказано: „отъ многословія не избѣжише грѣха“ (Притч. 10, 19). Итакъ надобно просить царствія Божія и правды, а не чего либо тѣлеснаго и земнаго. По этой причинѣ и Псаломъ говоритъ: „едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни“ (Псал. 26, 4).

„Руки бо ваша исполнены крове“. Вотъ причина, по которой очи Божіи отвращаются, когда простираютъ они руки. Сіи самые знаки ихъ моленія служатъ поводомъ къ раздраженію. Если кто, убивъ чьего нибудь любимаго сына, окровавленныя еще послѣ убійства руки станетъ простирать къ разгнѣванному отцу, прося у него правой руки въ знакъ дружбы и умоляя о прощеніи; то кровь сына, видимая на рукѣ убійцы, не къ большему ли еще гнѣву подвигнетъ оскорбленнаго отца? Таковы нынѣ молитвы Іудеевъ: когда простираютъ они руки, напоминаютъ Богу и Отцу грѣхъ противу Единороднаго Сына, и при каждомъ воздѣяніи рукъ своихъ показываютъ, что онѣ наполнены кровію Христовой; ибо, оставаясь въ ожесточеніи, пребываютъ наслѣдниками убійства, сдѣланнаго отцами, по сказанному: „кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ“ (Матѳ. 27, 25).

16) „Измыйтеся, чисти будите“. Пророческое слово сіе, взятое буквально, повидимому, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, и какъ бы обвиняетъ Бога во лжи. Ибо сказалъ: „ктому не стерплю грѣховъ вашихъ“, и: „аще умножите моленіе, не услышу васъ“; а теперь, какъ будто уврачевать не трудно, говоритъ: „измыйтеся, чисти будите“. Но въ предшествовавшихъ словахъ доказывается безсиліе Закона спасти желающихъ жить по закону, а въ послѣднихъ указывается другой путь ко спасенію; тамъ отмѣняется образъ жизни чувственный и по закону Моисееву, а здѣсь показываются начатки жизни Евангельской. „Аще принесете семидалъ, всуе: кадило, мерзость, тука агнцевъ, крове юнцовъ не хощу“. Итакъ что же намъ дѣлать, и что приносить? Не лучше ли, оставивъ вещественное служеніе, обратиться къ праздникамъ и ими служить Богу? „Новомѣсячій вашихъ, и субботъ, и дне великаго не потерплю“. Посему не должно ли намъ поститься? Но „постовъ вашихъ ненавидитъ душа Моя“. Итакъ остается молиться по-іудейски, и возносить законныя молитвы. Но „аще умножите моленіе, не услышу васъ: и егда прострете руки“, не преклонюсь на моленія, но прогнѣваюсь за кровь. Что же намъ дѣлать? Какъ умилостивить Тебя? Какъ смыть съ себя кровь? „Измыйтеся, чисти будите“. Да, говорятъ Іудеи, помнимъ, что сказалъ Моисей объ омовеніи. Онъ говоритъ: коснувшійся чего либо нечистаго и осквернившійся „да исперетъ ризы“, и измыетъ тѣло водою, и чистъ будетъ (Лев. 11, 28. 32. 40). Но Пророкъ не сказалъ: омывайтесь послѣ каждаго осквернѣнія; говоритъ же только: „измыйтеся“. Одно крещеніе, одно очищеніе. Тамъ сказано: „да исперетъ ризы“, да измыетъ тѣло водою; а здѣсь говорится: „отъимите лукавства“, а не грязныя пятна, „отъ души“, а не отъ одеждъ. Не домогайся ни „ливана“, ни „халвана“, ни „ониха“, ни „стакти“ (Исх. 30. 34), не ищи уже юницу совершенно рыжу (Числ. 19, 1 и сл.), которая бы не имѣла никакого другаго цвѣта, и какихъ едва найдено было во все время подзаконнаго служенія. Не постись по-іудейски, не вдавайся въ праздность. Требуется отъ тебя одно простое и краткое, что состоитъ въ полной вашей власти. Что же это такое?

(17) „Научитеся добро творити“. Вотъ правило, которому вы вовсе не покоряетесь, и которому не обучились. А поелику можно доброму научиться, Законъ же васъ не научилъ, потому что его предписанія отринуты, какъ не добрыя: то по всей необходимости должно вамъ, наконецъ, прибѣгнуть къ Евангельскому ученію. Уразумѣй же ясно изъ примѣра способъ домостроительства слова. Представь человѣка роскошнаго и богатаго, у котораго приготовлены различныя снѣди для стола; но все прочее ему не нравится, а есть у него расположеніе къ одному только; и послѣ того, какъ онъ отвергъ по одиночкѣ все неугодное ему, служители необходимо доходятъ до того, чего тайно требуетъ его природа. Такъ и те-

перь, послѣ того, какъ отринуто все подзаконное, необходимо устрояется принятіе Евангелія. „Измыйтеся“. Какая же отъ того польза? Да „чисти будите“. А для чего нужна чистота? Да узрите Бога. Ужели для меня достаточно измыться, и получивъ прощеніе въ прежнихъ дѣлахъ, остаться въ покоѣ? Или нужно и другое что нибудь?

„Отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима“. Ибо очищеніе чрезъ омовеніе зависитъ отъ человѣколюбія Господня, а отложеніе лукавства есть дѣло собственной нашей тщательности. Но чтобы мы, понадѣявшись на одну благодать омовенія, не оставили исполненія заповѣдей, для сего совокупляетъ во едино цѣлый объемъ жизни. „Отъимите лукавства отъ“ сердецъ „вашихъ“, какъ бы искорените лукавыя помышленія во владычественной силѣ души, чтобы не отраждалось ни слова, ни дѣла худаго. „Предъ очима Моима“. Поелику и тѣ, которые внѣ вѣры, хранятъ многія изъ правилъ честной жизни, напримѣръ, воздержность въ супружескомъ обращеніи и въ пріятностяхъ пищи, также постоянство и безмятежность нрава: то не удовольствовался, сказавъ: „отъимите лукавства“, но присовокупилъ: „предъ очима Моима“; потому что ни одно дѣло не можетъ быть совершено надлежащимъ образомъ безъ благочестивой вѣры во Христа. Или, поелику Отецъ „видитъ въ тайнѣ“ (Мате. 6, 6), то слова: „предъ очима Моима“, значитъ: на всякомъ мѣстѣ видимомъ Богу; чтобы мы отъяли лукавство не только въ дѣлахъ, но и въ помышленіяхъ. А сіе пріобрѣтается посредствомъ совершенной любви; потому что „любы“, по слову Павлову, „не мыслитъ зла“ (1 Кор. 13, 5).

„Научитеся добро творити“; потому что нравственное ученіе не ясно и не всякому съ перваго раза бываетъ открыто; а надобно учиться и тому, какъ дѣлать добро. Ибо сказано: „праведнѣ праведное гони“ (Втор. 16, 20), то есть, по законамъ правды совершай праведное дѣло. Какъ можно дѣлать что-нибудь относящееся къ врачеванію, не по способу врачебной науки: такъ можно сдѣлать что нибудь и праведное, но неправедно. Напримѣръ самое употребленіе травы есть нѣчто относящееся къ врачеванію; и оно — по правиламъ врачебной науки, когда принято во вниманіе сила травы и свойство болѣзни, и время, и мѣра и образъ употребленія. Но сдѣланное по наукѣ отлично отъ сдѣланнаго на-удачу. Кто дѣйствуетъ по правиламъ искусства, тотъ всегда будетъ производить одно и тоже, пока держится сего закона. А кто дѣйствуетъ на-удачу, тотъ не всегда достигаетъ полезнаго конца; но если помогъ нынѣ, то въ другое время тѣмъ же самымъ повредитъ. Такъ и упражненіе въ добрѣ, производимое по наукѣ, совершается чинно, пока этотъ внутренній законъ управляетъ каждымъ дѣйствіемъ. Но Пророкъ въ другихъ мѣстахъ показываетъ необходимость учиться тому, что должно дѣлать, говоря: „всякъ, иже не научится правдѣ на земли, истины не сотворитъ“ (Иса. 26, 10). А Давидъ и страхъ Божій

полагаетъ въ числѣ изучаемаго, говоря: „пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ“ (Псал. 33, 12).

„Взыщите суда“, — или суда Христова, которымъ судитъ насъ, и воздаетъ намъ по достоинству Христосъ, Котораго не взыскавъ и не имѣя предъ очами, не можемъ пребыть дѣлающими доброе, потому что наставникомъ въ благочестіи служитъ размышленіе о проповѣданномъ страшномъ для насъ предстояніи на судѣ; или поелику все подвергнется изслѣдованію и суду, такъ какъ ничего не бываетъ безъ разсужденія и случайно; ибо сказано: все „твори“ съ совѣтомъ (Iис. Сир. 32, 26), и: „мысли праведныхъ судьбы“ (Притч. 12, 5): то надобно, чтобы разумъ, какъ судья, занявъ въ насъ самое высшее мѣсто, всякій разъ разсуждалъ и изслѣдовалъ, что должно говорить и что дѣлать, и по тщательномъ разсужденіи соизволялъ на дѣла и уступалъ стремленіямъ души. Сіе-то говоритъ и Павелъ: „аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были“ (1 Кор. 11, 31).

„Избавите обидимаго“. Обиды бываютъ двоякія: инымъ нанесена обида въ тѣлесномъ, напримѣръ въ имѣніи и въ чемъ нибудь другомъ внѣшнемъ, а у другихъ терпитъ обиду самая душа. Но намъ безъ сего различенія повелѣвается избавлять обидимаго. Надобно знать, что мы обязаны имѣть большее попеченіе о тѣхъ, въ которыхъ терпитъ вредъ самое главное. Кто подпалъ власти діавола и держится у него въ плѣну, того должны мы со всѣмъ тщаніемъ освободить отъ діавола, и привести его разумъ въ послушаніе Христово. Но надобно прилагать попеченіе и о томъ, чтобы нуждающихся избавлять отъ тѣлесныхъ обидъ, когда, подпавъ власти хищниковъ и притѣснителей, увлекаются ихъ насиліемъ, какъ потокомъ. А если мы не въ состояніи избавить; то словами утѣшенія подкрѣпимъ въ нихъ терпѣніе къ перенесенію трудностей, не щадя ничего отъ насъ зависящаго. Если же и въ семъ не достигнемъ желаемаго; то по крайней мѣрѣ окажемъ состраданіе по братолюбію.

„Судите сиру“, — потому что возрастъ сиротъ легко пренебрегается, и сиротамъ трудно вести въ судъ обидчиковъ. Посему судите сиротъ, которые лишены защитниковъ; собою восполните имъ то, чего недостаетъ у нихъ по возрасту, чтобы вамъ похвалиться съ Іовомъ: „азъ бѣхъ отецъ немощнымъ“ (Iов. 29, 16). А можетъ быть, смыслъ сего изреченія можно протолковать и болѣе духовно. Поелику Богъ называется отцемъ увѣровавшихъ во Христа и возлюбившихъ жизнь сообразную съ Евангеліемъ; то, если кто чрезъ преступленіе закона сдѣлалъ себя чуждымъ Богу и какъ бы осиротѣлъ, лишившись Его о себѣ промышленія, ты потщись правдивымъ и разумнымъ судомъ снова ввести его въ свойство съ Богомъ, и не снисходя къ нему безразсудно, и не употребляя безжалостнаго отлученія. Но судите ему, предлагая полезныя способы покаянія. И поелику „всякъ

творяй грѣхъ отъ діавола“ рожденъ „есть“ (Іоан. 3, 8): то если кто добровольно отлучилъ себя отъ сего сродства съ лукавымъ отцемъ и приступаетъ къ ученію благочестія, чтобы посредствомъ Евангелія возродиться во Христѣ Іисусѣ, какъ блаженно осиротѣвшій, да будетъ онъ предметомъ особенной попечительности у поставленныхъ домостроителями общихъ всѣмъ благъ. А что есть сиротство полезное, это показываетъ Псаломъ, желающій дѣтямъ Іуды, чтобы они осиротѣли отъ лукаваго. Ибо такимъ образомъ окажется справедливымъ желаніе: „да будутъ сынове его сири“ (Псал. 108, 9), да не имѣютъ лукаваго учителя жизни, за недугъ сребролюбія принявъ на себя укоризненныя имена татя и предателя.

„И оправдите вдовицу“. И это—такое лицо, которое, по немощи во многихъ случаяхъ жизни терпитъ лишенія; потому что вдовство открыто нападеніямъ желающихъ обидѣть. И вы всѣми мѣрами помогайте вдовству, оказывая ему должную справедливость, особливо же, если найдется дѣйствительная вдовица, лишенная человѣческой помощи, всю же надежду имѣющая въ Богѣ и пребывающая въ молитвахъ, такъ что, по своему подвижничеству, и въ сердцѣ своемъ чиста отъ всякой скверны. Поелику же во многихъ мѣстахъ Писанія Богъ говоритъ о душѣ человѣческой, какъ о Своей невѣстѣ; то, если душа стала вдовою, по причинѣ отпаденія отъ Христа, духовно блудодѣйствовала чрезъ идолослуженіе и отлучена отъ союза съ Женихомъ—Словомъ, надобно, чтобы она оправдалась и научилась оправданію чрезъ покаяніе. Или, поелику Израиль по плоти есть вдовствующая Церковь, освободившаяся отъ ига рабства законнаго, такъ что она, безъ нареканія въ прелюбодѣяніи, можетъ принадлежать другому мужу—Христу, обручающему ее Себѣ во спасеніе: надобно, чтобы и она оправдалась, наученная нами Евангельской правдѣ Христовой.

(18) „И пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь. И аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю“. Во многихъ мѣстахъ Писанія находимъ подобныя выраженія, будто бы Богъ нисходитъ на судъ, поставляетъ Себя на одну степень съ человѣками. Таково напримѣръ слѣдующее: „Самъ Господь пріидетъ на судъ со старѣйшины людей Его, съ князи ихъ“ (Иса. 3, 14). То же и у Михея читается такъ: „слышите слово Господне: Господь рече: востани, судися съ горами, яко судъ Господень къ людемъ Его, и съ людьми Его претися имать. Людіе Мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ оскорбихъ васъ? или чимъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми“ (Мих. 6, 1—3). Да и прилично, чтобы судъ Божій былъ не насильственный, а напротивъ того имѣлъ болѣе общаго съ тѣми судами, какіе бываютъ у людей, и подсудимымъ давалъ мѣсто къ оправданію, чтобы человѣкъ, видя дѣло свое приведеннымъ въ ясность, и при наказаніи подтвердилъ неопровержимые суды Божіи, согласившись, что наказаніе положено на него по всей спра-

ведливости, а также и при помиловании усматривалъ, что прощеніе дано ему по закону и въ порядкѣ. Писаніе же представляетъ сіе олицетворенно, не потому что Судія каждому изъ насъ будетъ предлагать вопросы, или давать отвѣты судимому, но чтобы внушить намъ заботливость, и чтобы мы не забыли подумать о своемъ оправданіи. Вѣроятно же, что какою-то несказанною силою, во мгновеніе времени, всѣ дѣла нашей жизни, какъ на картинѣ, напечатлѣются въ памяти нашей души. И такимъ образомъ услышимъ сіе: „нынѣ объидоша ихъ совѣти ихъ; противу лицу Ми быша“ (Осіи 7, 1.). И книги, упоминаемыя у Даніила (Дан. 7, 10.), что иное означаютъ, какъ не возбужденіе Господомъ въ памяти человѣческой образовъ всего содѣяннаго, чтобы каждый вспомнилъ свои дѣла, и чтобы мы видѣли, за что подвергаемся наказанію.

Посему послѣ того, какъ омытъ и очищенъ отъ скверны грѣховной, отъялъ лукавство отъ души предъ очами Божіими, преставъ отъ лукавыхъ дѣлъ, и воспринялъ познаніе дѣлъ добрыхъ; взыскалъ суда, избавилъ обидимаго, судилъ и оправдалъ вдовицу, Израиль призывается на состязаніе, пріемля обѣтованіе, что будетъ убѣленъ или какъ снѣгъ, или какъ волна. Такимъ образомъ омовеніе само по себѣ недостаточно, чтобы омываемаго довести до бѣлизны снѣга или волны, а нужны дѣла и не малая тщательность; такъ что омовеніе производитъ очищеніе отъ скверны; а судъ сиру и оправданіе вдовицы доставляютъ и бѣлизну равную бѣлизнѣ снѣга или волны. Ибо иное и багряное можетъ быть чистымъ, но не удостоиться убѣленія. Поелику же багряное имѣетъ блѣднокрасный цвѣтъ, и червленое—болѣе красный и совершенно красный; то замѣчено отношеніе перваго къ снѣгу, а послѣдняго къ бѣлой волнѣ. Итакъ красному цвѣту уподобляются наши грѣхи, потому что они убійственны для душъ. И какъ не однократно и тщательно погружаемое въ красильный растворъ получаетъ цвѣтъ болѣе прочный и несмываемый, а окрашенное слегка и какъ ни есть, имѣетъ на себѣ цвѣтъ линючій и легко смываемый: такъ и душа, напоенная грѣхомъ и снискавшая навыкъ къ злу, отпечатлѣваетъ въ себѣ невыводимое и какъ бы выжженное грѣховное пятно; а душа, менѣе и какъ бы слегка пребывавшая во злѣ, слабѣе окрашена и запятнана грѣхомъ; потому что соразмѣрно съ грѣхами и цвѣтъ выходитъ сильнѣе, или слабѣе. Но почему для уподобленія изъ бѣлыхъ веществъ избраны снѣгъ и волна? Потому что волна, будучи по природѣ бѣла, еще бѣлѣе дѣлается отъ тщательной обработки. Посему и жизнь человѣческая, естественныя пособія усовершая подвижничествомъ, можетъ гораздо много преуспѣть въ добродѣтели. Такъ и снѣгъ, въ существѣ своемъ будучи вода, отъ привошедшаго воздуха дѣлается бѣлымъ, когда влага, порывами вѣтра сбиваемая въ облакахъ, вслѣдствіе сильнаго движенія надувается въ пѣну, отвердѣвъ же отъ охлажденія въ воздухѣ, и получивъ нѣкоторую связность и тя-

жесть, по естественному влеченію несется внизъ. Подобно и душа, естественныя пособія пріумноживъ собственнымъ подвижничествомъ и содѣйствіемъ Духа, на праведномъ судѣ Божіемъ удостаивается свѣтлости по благодати Божіей, данной святымъ.

(19) „И аще хощете, и послушаете Мене, благая земли снѣсте: (20, аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечъ вы поясть“. Здѣсь особенно показывается свобода человѣческой природы. Ибо думаю, что такой смыслъ согласенъ со всѣмъ предъидущимъ. Пророкъ говоритъ: если вы оставите служеніе по убивающему письмени, если измыетесь и, содѣлавшись чистыми, наконецъ на дѣлѣ покажете предписанный вамъ образъ жизни, пріидете на судъ: то будете изобиловать тѣмъ и другимъ, насладитесь обѣтованнымъ утѣшеніемъ, не сдѣлаетесь пищею карающаго и истребительнаго меча. Слушающимъ съ понятіями низкими наградою послушанія даются земныя обѣтованія, а духовно вслушивающимся въ намѣреніе Писанія говорится о благахъ духовной земли, которую, по сказанному, наслѣдятъ ублажаемые „кротцыи“ (Матѳ. 5, 4.). Подобнымъ образомъ и мечъ разумѣется одушевленный, о которомъ сказано, что онъ упился кровію язвленныхъ (Іерем. 46, 10.) и на небеси поясть плоти (Иса. 34, 5.).

„Уста бо Господня глаголаша сія“. Можетъ быть, устами называется теперь Духъ Святый, содѣйствовавшій къ написанію сего; такъ какъ о Духѣ говорится, что Онъ исшелъ изъ устъ Божіихъ. Чтобы ты не съ пренебреженіемъ слушалъ сіи угрозы; слово Господне засвидѣтельствовало намъ, что не лживыя уста глаголали сіе. Но кто же такъ низокъ и плотянъ умомъ, чтобы подъ благами, какія благій Богъ соблюдаетъ людямъ въ воздаяніе за благопокорность, сталъ разумѣть снѣди, то есть плоды земные, предаваемые разрушенію въ самомъ употребленіи? Но конечно, по Евангельской притчѣ, сѣмя, посѣянное на доброй землѣ, есть доброе и благое сердце, которое слышитъ слово, и держитъ его, и плодъ „творитъ въ терпѣніи“ (Лук. 8, 15.). Посему достойно обѣтованія Божія вкушеніе сладчайшихъ плодовъ сердца. А плоды сердца—это услажденіе при созерцаніи Божіей красоты. Плоды же сіи воздѣлываются изъ посѣяннаго въ Духѣ, пожинаемые въ вѣчную жизнь. Собирающій рукояти ихъ въ веселіи наслаждается „Господеви“, получая отъ Него просимое (Псал. 36, 4). Прежде надобно пожелать, а потомъ услышать, чтобы состоящее въ нашей власти было невынуждено. И опять: „аще не хощете, ниже послушаете Мене“; вслѣдствіе нежеланія и неуслышаніе. Такъ всякое блаженство, а равно и жизнь, проводимая въ наказаніяхъ и скорбяхъ, зависятъ отъ того, что въ вашей власти.

(21) „Како бысть блудница градъ вѣрный, Сіонъ полнъ суда? Въ немже правда почивше, нынѣ же въ немъ убійцы“. Чудный вопросъ, ви-

ражающій сильное изумленіе о необычайности событія; какимъ образомъ градъ вѣрный и полный суда, въ которомъ упокоевалась правда, сталъ блудницею и жилищемъ убійцъ? Ибо не достойно ли горькаго удивленія, что цѣлый городъ, послѣ чистоты вѣры, впалъ въ нечистоту блуда, когда и то странно, если одна душа, утвержденная въ вѣрѣ, совращается въ блудъ невѣрія? Къ какому же времени относится сіе обвиненіе, если не къ тому, когда городъ сей, сдѣлавшись рабомъ лукавымъ и прелюбодѣйнымъ, убилъ приникнувшую съ неба и успокоившуюся въ немъ Правду—Христа, Господа нашего? Удивленіе увеличивается и необычайность дѣлается большею отъ того, что тогда именно, какъ явилась Правда, пріумножилась неправда. И это сдѣлалъ городъ, не познавшій здравыхъ ученій о судѣ, ибо таково значеніе словъ: „полнъ суда“. Надобно же замѣтить, что невѣріе есть матерь блуда. Ибо вѣрующій, что Богъ вездѣ, присутствуетъ при всякомъ событіи, пристоитъ при каждомъ дѣйствіи, видитъ совѣты сердечные, допуститъ ли въ себя дурную мысль, или совершитъ ли злое дѣло? Напротивъ того, въ предположеніи, что Богъ или не взираетъ на нихъ, или не заботится о происходящемъ, люди устремляются къ дѣламъ нечестивымъ. Но иногда о Церкви (да не будетъ только сего сказано о нашей Церкви) говорится: „како бысть блудница градъ вѣрный Сіонъ?“ когда она, отринувъ слово вѣры, которымъ въ-началѣ была уневѣщена по преданію Отцевъ, представившихъ ее единому Мужу дѣву чисту, принимаетъ многія и различныя сѣмена слова отъ осквернившихъ святость таинствъ и отъ всѣявшихъ ученія нечестія на растлѣніе душъ. И о ней справедливо будетъ сказано: „како бысть блудница градъ вѣрный Сіонъ?“ Ибо святые Ангелы, которымъ ввѣрено охраненіе Церквей, зная прежнее и взирая на настоящее, съ удивленіемъ скажутъ о нихъ: „како бысть блудница градъ вѣрный“, своими блудодѣяніями собравшій убійцъ, убійцъ не тѣлъ, но душъ, которые хитростію и обманомъ отнимаютъ жизнь у людей простыхъ, и, какъ бы мечемъ, своимъ словомъ, съ помощію мірской мудрости изощреннымъ до правдоподобія, наносятъ душамъ смертельныя раны?—Послѣ сего излагается причина, по которой градъ прежде вѣрный сталъ блудницею.

(22) „Сребро ваше неискушено“, то есть, слово вѣры не имѣетъ на себѣ яснаго и подлиннаго отпечатка; на немъ не сохранилось точное начертаніе царскаго образа. А что къ такому смыслу ведетъ сіе загадочное выраженіе, и что сребромъ Пророкъ называетъ слова вѣры, это доказывается многими мѣстами, особливо же слѣдующимъ: „словеса Господня, словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли“ (Псал. 11, 7). Итакъ испытайте сокровищницы сердецъ своихъ, все осмотрите въ тайныхъ влагалищахъ, нѣтъ ли гдѣ поддѣланной драхмы, то есть переиначеннаго догмата, котораго не назнаменовалъ Духъ собственными Своими начертаніями истины, какія

дарованы намъ чрезъ Пророковъ и Апостоловъ, но который назнаменованъ людьми злокозненными, по собственному вымыслу, тайно и незамѣтно полагающими свою печать, людьми, чуждые сребренники, имѣющіе на себѣ вражій образъ, вносящими въ царскія сокровищницы, повреждающими великое богатство и дѣлающими, что многіе съ сомнѣніемъ приступаютъ къ выбору. Ибо не много честныхъ торжниковъ; не много такихъ, которые могутъ все подвергнуть испытанію, и доброе удержать при себѣ, отъ всякаго же вида зла воздержаться.

„Корчемницы твои мѣшаютъ вино съ водою“. Выслушайте буквальный смыслъ сего реченія вы, продающіе вино, и не вводите тварь въ обманъ. Это не такое дѣло, которымъ можно шутить, но зло, достойное самаго величайшаго осужденія. Но впрочемъ слово поспѣшаетъ къ духовному смыслу. Есть вино, веселящее сердце человѣка, то есть, умъ и владычественное въ душѣ; это—ученія писаній, чрезъ святыхъ Апостоловъ и Пророковъ преподанныя намъ отъ виночерпія—Духа въ вѣчное веселіе. Многіе, корчемствуя ими, разжижаютъ слово водою, примѣшивая собственную мысль, ко вреду слушающихъ. Ибо, служа ихъ удовольствіямъ и угождая льстивыми рѣчами, питаютъ ихъ страсти, на ихъ же погибель. Ослабляя, что въ Писаніи строго, сильно и съ пользою обуздываетъ, и къ погибели слушающихъ допуская какое-то невѣжественное человѣколюбіе, безразсудное извиненіе грѣховъ и иное подобное, нравящееся многимъ, болѣе и болѣе разслабляютъ они души сластолюбцевъ.

(23) „Князи твои не покоряются“. Мы корчемники, мы и князи, мы первые своею непокорностію и невѣріемъ дѣлаемъ, что вѣрные грады впадаютъ въ блудодѣянія. Ибо по нравамъ властвующихъ, обыкновенно всего чаще, образуются подчиненные; почему, каковы вожди, таковы же по необходимости и водимые ими. Поелику князи вѣрнаго города были нѣкогда непокорны: то и городъ, уподобившись имъ и переставъ быть вѣрнымъ, впалъ въ блудъ. Не будемъ же непокорны мы, и невѣріе наше да не возобладаетъ! „Князи ваши не покаряются“: очевидно, что не покаряются Богу, уклоняясь отъ Него и не пребывая въ заповѣдяхъ Его. А въ числѣ заповѣдей было—и „руцѣ оттрясать отъ даровъ“ (Иса. 33, 15), и не ходить за одно съ татями. Но они по сребролюбію, для гнусной корысти, сдѣлались „общницы татемъ“.

Подъ татями, конечно, разумѣть должно не тѣхъ только, которые подрѣзываютъ карманы, или крадутъ платье въ банѣ, но также и тѣхъ, которые, предводительствуя войскомъ, или принявъ начальство надъ городами и народами, иное отнимаютъ тайно, а другое открыто берутъ съ насиліемъ. А если признаваемый начальствующимъ въ Церкви беретъ что-нибудь у подобныхъ людей, или для собственнаго своего употребленія, подъ предлогомъ подобающей ему по предстоятельству почести, или подъ видомъ снаб-

женія бѣдныхъ въ Церкви: то и онъ бываетъ общникомъ татьбы. Ибо, когда надлежало обличить, усовѣстить, отклонить крадущихъ отъ несправедливости, онъ охотно простираетъ руку за подаркомъ, и ублажаетъ крадущаго. Кого надлежало тѣмъ болѣе ненавидѣть, чѣмъ болѣе крадетъ, того готовъ онъ хвалить, ухаживая за нимъ, сопровождая его, не отходя отъ его дверей, и касаясь тѣхъ рукъ, которыми расхищалъ онъ все, какъ наединѣ, такъ и всенародно. Поступая такимъ образомъ, по всей справедливости называемся „общницы татемъ“. Намъ надлежало бы попрать безпорядки цѣлаго міра и его призраковъ, когда видимъ, что въ судилищахъ большіе тати наказываютъ малыхъ, а мы, за что ненавидимъ рабовъ, въ томъ имъ удивляемся; первыхъ убѣгаемъ, потому что они тати, а на послѣднихъ взираемъ съ изумленіемъ, потому что они чрезъ татьбу разбогатѣли. Въ чемъ еще обвиняются князи?

„Любяще дары“. Весьма отчетливо сказано: „любяще дары“, а не: „пріемлюще дары“. Ибо въ послѣднемъ случаѣ охуждалось бы и то, что при житейскихъ взаимностяхъ дается правильно. Но: „любяще дары“, то есть преданные пожеланію брать. Вина же князей въ томъ, что священную любовь расточаютъ на тлѣнное и земное. Ибо Господа Бога любить должно всею силою, какую имѣемъ для любви, а также должно любить ближняго, любить и враговъ, чтобы сдѣлаться намъ совершенными, подражая въ благости небесному Отцу, Который „солнце Свое сіяетъ на злыя и благія“ (Матѳ. 5, 45). А на иное расточать силу любви не позволено. Если же худо—любить что-нибудь кромѣ сказаннаго; то любить сребро такъ, какъ обязанъ человѣкъ любить Господа Бога, то есть „всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею и всею мыслію своею“ (Матѳ. 22, 37), значитъ не Богу работать, но работать мамонѣ, воздавая сребру ту мѣру любви, какою обязаны мы Богу. Посему-то любостяжаніе дѣлается идолослуженіемъ; ибо Господу Богу приносимые дары приноситъ оно земному. Итакъ намъ заповѣдано не любить даровъ, чтобы мы ради ихъ приходящимъ съ дарами не стали дозволять многое изъ запрещеннаго. Вообще же пророческое слово не позволяетъ намъ ни любить такихъ даровъ, ни имѣть къ нимъ страстной привязанности, и напротивъ дозволяетъ допускать ихъ приношеніе, какъ необходимость. Ибо требованіе—любить всѣмъ сердцемъ, дѣлаетъ невозможнымъ удѣленіе любви на другой предметъ. Какъ въ сосудѣ, наполненномъ какою-нибудь жидкостію, сколько вытекаетъ вонъ, сколько по необходимости не достаетъ до полноты; такъ и въ душѣ, сколько расточается любви, къ чему не должно, столько по необходимости оказывается недостатка въ любви къ Богу. Ибо кто однажды началъ любить сребро, тотъ изливаетъ на сіе всю любовь свою. Ибо „любяй сребро не насытится сребра“ (Еккл. 5, 9).

„Гоняще воздаяніе“. Самая важная вина князя, если онъ скоръ на

отмщеніе, и придумываетъ всѣ способы, огорчившимъ его воздать равнымъ. Ибо какъ научитъ онъ другаго не воздавать никому зломъ за зло, когда самъ употребляетъ всѣ мѣры, чтобы отомстить и нанести огорченіе причинившимъ вредъ, не подражая въ кротости Давиду, который говоритъ: „аще воздахъ, воздающимъ ми зла“ (Псал. 7, 5); не помня сказаннаго у Іереміи: „благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей; сядетъ наединѣ, и умолкнетъ, яко воздвигне на ся; подастъ ланиту свою біющему, насытится укоризнъ“ (Плач. 3, 27. 28. 30)? Что же сказать о заповѣдяхъ Господа? Сколько пренебрегутъ ихъ „гонящіе воздаяніе?“ Господь говоритъ: „аще кто ударитъ тя въ одесную ланиту, обрати ему и другую “ (Матѳ. 5. 39). Итакъ виновенъ всякой „гонящій воздаяніе“, а тѣмъ паче если кто дѣлаетъ это по начальнической власти. Онъ долженъ на самомъ дѣлѣ быть для народа учителемъ касательно благъ терпѣнія. Какое подлинно величественное, дивное и едва не превышающее человѣческую природу зрѣлище, если человѣкъ, много злословимый, а иногда вытерпѣвшій ударъ въ ланиту, перенесшій много другихъ оскорбленій отъ тѣхъ, которые словомъ и дѣломъ хотятъ довести его до крайняго безчестія, не воскипаетъ гнѣвомъ, не востаетъ на отмщеніе, но, ставъ кротко и безъ гнѣва, молится за обидчика, чтобы прощенъ былъ ему всякой прежній грѣхъ, чтобы и впослѣдствіи удостоился онъ надлежащаго Божія попеченія и пересталъ быть наглымъ! А нынѣ мы начальствующіе, сверхъ прочихъ грѣховъ, погрѣшаемъ и въ этомъ, „гоняще воздаянія“; не только воздаемъ равною мѣрою, но отомщаемъ съ преизбыткомъ; раздражаемся, не только, когда насъ оскорбляютъ, но и когда не оказываютъ намъ чести; почитаемъ врагами тѣхъ, которые намъ воздаютъ менѣе чести, нежели сколько сами признаемъ себя достойными.

„Сирымъ не судящіи, и суду вдовицъ не внимающіи“. Прочее о сиротахъ и вдовицахъ сказано уже выше. А здѣсь обрати вниманіе на слово: „не внимающіи“. Какое высокомѣріе выражаетъ оно въ начальникѣ, представляя, что онъ превосходитъ жестокостію и „судію неправды“ (Лук. 10, 3)! Тотъ, сколько ни былъ въ другихъ случаяхъ несострадателенъ, хотя послѣ многихъ просьбъ, однако же, по неотступности вдовы, внялъ суду, избѣгая того, чтобы она не стала утруждать его больше. А о сихъ князьяхъ говорится, что они во всякомъ случаѣ не хотятъ внять суду вдовицы.

(24) „Сего ради тако глаголетъ Владыка Господь Савао҃ѳъ: горе, крѣпкіе во Израили“. Это особенность Писанія въ словосочиненіи: вмѣсто того, чтобы сказать горе крѣпкимъ, сказано: „горе, крѣпкіе“. Симъ выражается, что восклицаніе, произносимое въ скорбяхъ, едва выносимыхъ, прилично тѣмъ, которые вскорѣ будутъ находиться въ нестерпимой мукѣ. „Крѣпкіе во Израили“. И это не по догадкѣ сказано Пророкомъ, но по опредѣленію, вышедшему изъ устъ нелживыхъ. А подъ крѣпкими должно разу-

мѣть однихъ и тѣхъ же съ князьями, которые, кромѣ того, что „не покаряются Богу, любятъ дары и гонятъ воздаянія“, дѣлаютъ и все прочее въ чемъ они обвиняются. Горе крѣпкимъ и непокаряющимся, потому что немощному, можетъ быть, есть и извиненіе. Ибо: „малый достоинъ есть милости: сильніи же сильнѣ истязани будутъ“ (Прем. Солом. 16, 6); и „емуже предаша множайше, множайше истяжутъ отъ него“ (Лук. 12, 48). Посему горе и богатымъ; потому что, имѣя возможность утѣшать бѣдныхъ, силу богатства не употребили на то, для чего получили его. И если кто быстрѣе кого умомъ, и не употребляетъ естественной своей крѣпости къ изслѣдованію истинъ Божественныхъ; то горе и ему, когда истяжется дѣло по мѣрѣ данныхъ ему дарованій. А если иные, получивъ предстоятельство въ Церкви, не украшаютъ дѣла своего жизнію, приличествующею проповѣди, то и имъ горе.

„Не престанетъ бо ярость Моя на противныя“. Противники Богу—противоборствующіе Его заповѣдямъ. И доколѣ они противники, „не престанетъ“ на нихъ, упоминаемая Пророкомъ, „ярость Божія“. Ибо, пребывая въ лукавствѣ, мы прилагаемъ грѣхи свои, какъ сгараемое вещество въ огонь, и воспламеняемъ противъ себя ярость Божію, по сказанному: „огнь возгорится отъ ярости Моея“ (Втор. 32, 22). А какъ скоро престали мы отъ грѣха, Господь говоритъ: „судъ врагомъ Моимъ сотворю“. Сказано: „вѣруяй“ въ Мя „нѣсть осужденъ: а не вѣруяй уже осужденъ есть“ (Іоан. 3, 18). Посему виновники суда—враги, по сказанному: „сихъ ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя“ (Ефес. 5, 6). Но изъ сказаннаго: „не престанетъ ярость Моя на противныя“, не должны мы заключать, будто бы гнѣвъ Божій на раздражающихъ Бога не разсудителенъ. Хотя и раздражаюсь на противниковъ, однако же не безразсудно наложу на нихъ наказаніе, но разсудивъ достоинство и мѣру преступленій; сіе значатъ слова: „судъ врагомъ Моимъ сотворю“. А враги Богу—дѣлающіе неправду. Благому враждебно лукавство; Праведному враждебна неправда, Святому—нечистота, Истинѣ—ложь. Посему на таковыхъ „не престанетъ ярость“, доколѣ будутъ они противниками, и наказаніе на нихъ, какъ сказано, наложено будетъ не безъ суда.

(25) „И наведу руку Мою на тя, и разжегу“ тя „въ чистоту“. Вотъ благій конецъ праведнаго суда и по суду налагаемыхъ наказаній! „Не престанетъ ярость Моя, судъ сотворю, наведу руку, разжегу“. И для чего? Чтобы показать тебя чистымъ. Такъ гнѣвается Богъ, чтобы сдѣлать благодѣяніе грѣшникамъ. Не для истребленія наказываетъ, но вразумляетъ для исправленія. Наводитъ сей огнь для истребленія того, что ввергнуто огненными стрѣлами діавола въ душу, не имѣющую щита вѣры. Сей божественный огнь, впадая въ душу, погашаетъ стрѣлы лукаваго, и дѣлается очищеніемъ другаго огня, который возжигаетъ въ насъ „похоти несмы-

сленны и вреждающія“ (1 Тим. 6, 9). Посему-то говоритъ Самъ Господь: „входитъ яко огнь горнила и яко мыло [1]) перущихъ, и сядетъ разваряя и очищая, яко сребро, и яко злато“. Какая же отъ сего польза? Сказано: „и будутъ Господеви приносяще жертву въ правдѣ“ (Малах. 3, 2. 3).

„И отъиму всѣхъ беззаконныхъ отъ тебе“. Великое благодѣяніе душѣ, которая, по винѣ худо начальствующихъ, впала въ отчужденіе отъ Бога, что отъемлются отъ нея беззаконные! Посему и церковные уставы обличенныхъ въ тяжкихъ грѣхопаденіяхъ отлучаютъ отъ прочаго тѣла, да не „малъ квасъ все смѣшеніе“ повредитъ (1 Кор. 5, 6). Посему согласно съ волею благаго Бога — отнимать беззаконныхъ отъ народа. Ибо беззаконные не войдутъ со святыми во Святая, потому что „лопата въ рукѣ Господней“ (Матѳ. 3, 12). Но тѣ, которые нынѣ, какъ беззаконные, отлучены отъ народа, спокойно переносятъ съ ними случившееся, не помышляя, что это есть образъ того, что постигнетъ ихъ на страшномъ судѣ Божіемъ. А сколько вредно — не отдѣлять беззаконныхъ отъ общенія со святыми членами Христовыми, сіе выразилъ Апостолъ, укоряя Коринѳянъ за то, что не плакали, „да изметься отъ среды ихъ содѣявый таковое“ (1 Кор. 5, 2).

(26) „И приставлю суди твои якоже прежде“. Почему, миновавъ царей, Пророкъ упомянулъ о судіяхъ, хотя и между царями были нѣкоторые, съ похвалою начальствовавшіе надъ народомъ? Или потому, что правленіе судей было свободнѣе, сообразовалось съ природою, и народъ жилъ тогда по своимъ законамъ, признавая царемъ одного Бога; а цари поставлены впослѣдствіи по собственному ихъ неразумію. Почему надлежало, чтобы облагодѣтельствованные возвратились въ блаженное состояніе. И поэтому Богъ, даруя имъ свободу, обѣщалъ приставить не царей, а судей. Ибо „не бяше царя во Израили, но кійждо, еже право предъ очима его, творяше“ (Суд. 17, 6). Или, поелику, по пришествіи истиннаго Царя, не царей уже было время: то обѣщалъ дать судей, подобныхъ прежнимъ, то есть, учениковъ Господа, о которыхъ сказано: „сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома“ (Матѳ. 19, 28).

„И совѣтники твоя, яко отъ начала“. Опять и здѣсь, сохраняя имъ свободу, говоритъ, что дастъ имъ не повелителя, но совѣтника. Ибо царю свойственно давать приказы подчиненнымъ, а совѣтнику посредствомъ совѣта убѣждать въ полезномъ. Ибо не всякій имѣетъ достаточныя силы самъ собою найдти, что нужно. Посему благодѣющій Богъ даетъ совѣтниковъ, а не властителей. А поэтому и изъ насъ каждый да почитаетъ себя не начальникомъ, но совѣтникомъ, даннымъ народу отъ Господа. Такъ

---

[1]) Пόа трава, или, какъ въ Слав. перев. у Іереміи гл. 2 ст. 22 „трава бориѳова“, то есть мыльная трава.

всѣ пророки, которые внушали полезное, были совѣтники, преимущественно же таковъ прежде всѣхъ — Моисей. И посему Господь, благодѣтельствуя народу, обѣщаетъ возставить совѣтниковъ, подобныхъ бывшимъ отъ начала, то есть Апостоловъ и Евангелистовъ; каковымъ совѣтникомъ былъ Павелъ, служитель Новаго Завѣта, который говоритъ: „совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа“ (1 Кор. 7, 25). Великое благодѣяніе — появленіе благоразумнаго и благорасположеннаго совѣтника, который восполняетъ недостатокъ благоразумія въ требующихъ совѣта! А какая польза отъ совѣта, всего болѣе доказываетъ это собою Моисей, который „наказанъ бысть всей премудрости Египетстѣй“ (Дѣян. 7, 22), и бесѣдовалъ съ Богомъ, „якоже аще бы кто другъ возглаголалъ къ другу“ (Исх. 33, 11) Но и онъ принялъ совѣтъ отъ тестя своего, Іоѳора, поставить „тысяченачальники, и стоначальники, и десятоначальники, да судятъ людей“ (Исх. 18, 21, 22). И Давидъ пользовался совѣтникомъ Хусіемъ, съ помощію котораго разорилъ воинскій совѣтъ Ахитофеловъ (2 Цар. 17, 14). И вообще, совѣтъ есть священное какое-то дѣло, единеніе воли, плодъ любви, доказательство смиренномудрія. Ибо страшное киченіе — думать, что ни въ комъ не имѣешь нужды, но внимать только себѣ самому, какъ единственно способному присовѣтовать лучшее. А мы медлимъ предаться тѣмъ, которые преподаютъ, что нужно, и стыдимся признаться, что они благоразумнѣе насъ въ жизни. Притомъ, кто въ ожиданіи совѣтника даетъ мѣсто и собственнымъ разсужденіямъ, тотъ въ продолжительнѣйшее время, съ трудомъ только и вниманіемъ, нападаетъ на слѣдъ того, что нужно.

„И по сихъ наречешися градъ правды, мати градовомъ, вѣрный Сіонъ“. Пророкъ показалъ, какой конецъ имѣютъ частныя благодѣянія. Ибо вмѣсто града убійцъ—градъ правды, и вмѣсто града блудницы—„мати градовомъ“, то есть, и другимъ городамъ подастъ примѣръ цѣломудрія. И опять градъ вѣрный, какимъ былъ до осквернѣнія блудомъ. Такъ украшенная приличными ей украшеніями, то есть, совѣтниками и судіями, Церковь во Христѣ можетъ быть названа „мати градовомъ“; потому что она какъ бы высылаетъ отъ себя какія-то поселенія для жизни по Богу.

(27) „Съ судомъ спасется плѣненіе его и съ милостынею“. Пророкъ, ничего не сказавъ выше ни о чувственныхъ врагахъ, ни о плѣненныхъ, возстановленіе же города называя освобожденіемъ изъ плѣна, наводитъ насъ на мысль, что, поелику каждый изъ насъ находится подъ грѣхомъ, то подъ владычествомъ врага мы бываемъ какъ бы узниками грѣха, и отводимся лукавымъ въ плѣнъ для того, чтобы представить „уды наша рабы беззаконію въ беззаконіе“ (Рим. 6, 19). Для сего судіи, спасители, защитники народа, избавители отъ враговъ, каковы Варакъ, Самсонъ, Гедеонъ и Іефѳай; для сего совѣтники, путеводствующіе ко спасенію, чтобы плѣнники сего града сдѣлались достойными получить спасеніе. Ибо сіе

значитъ „спастися съ судомъ“, то есть, по суду и изслѣдованію. Потомъ, поелику „аще беззаконіе назритъ“, никто „не постоитъ“ (Псал. 129, 3), Пророкъ присоединилъ къ суду и „милостыню“, чтобы строгость суда смягчалась срастворенiемъ милости. Такимъ образомъ, по суду городъ преданъ плѣненію, а по милости возвращенъ изъ плѣна.

(28) „И сокрушатся беззаконніи и грѣшницы квупѣ“. Послѣ того, какъ достойные возстановленія въ первоначальное состояніе спасены съ судомъ и съ милостью, совершенно беззаконные и пребывающіе во грѣхѣ „сокрушатся вкупѣ“, и одни за то, что „осуетишася помышленіи своими“ (Рим. 1, 21), а другіе за то, что „преступленіемъ закона Бога безчествуютъ“ (Рим. 2, 23). Беззаконны же тѣ, которые не покоряются Божіимъ законамъ, потому что или отступили отъ нихъ, или и не начинали ихъ исполнять; а грѣшники тѣ, которые „волею согрѣшаютъ по пріятіи разума истины“ (Евр. 10, 26).

Но можетъ быть, Богъ и въ тѣхъ, которымъ благодѣтельствуетъ, сокрушаетъ ветхаго ихъ человѣка, чтобы они ходили во обновленіи жизни. Посему „жертва Богу духъ сокрушенъ“ (Пс. 50, 19). Ибо сокрушается духъ міра сего, произведшій грѣхъ, да „духъ правъ обновится во утробѣ“. Сокрушается также „мышца грѣшника“ (Псал. 36, 17), то есть, дѣятельная сила грѣха, да „взыщется грѣхъ его, и не обрящется“ (Псал. 9, 37). Подобно и слѣдующее мѣсто: „Азъ убію, и жити сотворю: поражу, и Азъ исцѣлю“ (Втор. 32, 39). Ибо убіетъ худо живущаго, чтобы, по очищеніи худой жизни, даровать ему новую. Для того „сокрушатся беззаконніи и грѣшницы вкупѣ“, чтобы они перестали быть не подчиняющимися и преслушными.

„И оставившіи Господа скончаются“; то есть, не будетъ болѣе совершаемъ этотъ грѣхъ — оставлять Господа. Подобно сему сказано въ Псалмѣ: „да скончается злоба грѣшныхъ“ (Псал. 7, 10); какъ если бы кто приглашалъ врача прекратить болѣзнь у недужныхъ, или искусствомъ своимъ остановить распространеніе гнилости. Но скончаніе это вовсе не означаетъ совершеннаго уничтоженія, останавливаетъ же только извѣстное дѣйствованіе въ дѣйствующихъ. Ибо Павелъ, пророчествуя Ѳессалоникійцамъ о сынѣ погибели, сказалъ: „его же Господь Іисусъ Христосъ убіетъ [1]) духомъ устъ Своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего“ (2 Солун. 2, 8). Если убіеніе (ἀνάλωσις) есть совершенное уничтоженіе, то какъ же упразднится уже не существующій? Но очевидно, что ложь въ беззаконникѣ уничтожится духомъ устъ истины, и такимъ образомъ, упразднится онъ явленіемъ пришествія Христова. Многократно уже замѣчали мы, что истребляются пороки, а не самыя существа, въ кото-

[1]) Ἀναλώσει въ Русск. перев. „сразитъ“.

рыхъ они были, какъ видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: „и путь грѣшныхъ погубитъ“ (Псал. 145, 9), „и путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Псал. 1, 6).

(29) „Зане же постыдятся о идолѣхъ своихъ, ихже сами восхотѣша“. Великое благодѣяніе — даже быть постыженнымъ въ такомъ дѣлѣ, которымъ прежде человѣкъ хвалился, потому что не былъ въ состояніи видѣть что въ дѣлѣ гнусно, но находилъ славу въ самомъ стыдѣ. Посему постыженіе „о идолѣхъ“ производится ко благу постыждаемыхъ. А сіе бываетъ тогда только, когда служившіе дотолѣ идоламъ приходятъ въ познаніе истиннаго Бога. Ибо тогда приходитъ въ сознаніе несообразности и покрывается стыдомъ молившійся бездушнымъ вещамъ, какъ будто бы онѣ имѣютъ силу спасти. Но и всякій сластолюбецъ, чему бы изъ запрещеннаго порабощенъ ни былъ, обоготворивъ это, какъ идола, ставитъ въ скверномъ храмѣ, то есть, въ сердцѣ своемъ, неотступно пребываетъ при немъ своею мыслію и носитъ въ себѣ образы вождѣлеваемаго. Такъ богатолюбецъ, тамъ имѣя сердце, гдѣ его сокровище, служитъ идолу любостяжательности; чревоугодникъ, порабощенный вожделѣніями снѣдей, имѣетъ богомъ чрево свое. Но „проклятъ человѣкъ, иже сотворитъ изваніе или сліяніе мерзость Господеви“ (Втор. 27, 15). Блаженны же тѣ, которые, по совѣту Іакова, повергаютъ „боги чуждыя“ и измѣняютъ „ризы, восходя въ Вефиль“, то есть, въ домъ Божій, „сотворити тамо жертвенникъ Богу“ (Быт. 35, 23). Итакъ отвергнемъ чуждыхъ Богу идоловъ, и измѣнимъ ризы, совлекшись ветхаго человѣка, и еще прежде отринемъ „усерязи яже во ушесѣхъ“ нашихъ, то есть, ветхія ученія, которыми мы услаждались. Сіе сказано нами на слова: „постыдятся о идолѣхъ своихъ, ихже сами восхотѣша“. Ибо не противъ желанія имѣли этихъ идоловъ, какіе предъ симъ описаны; потому что, сами вожделѣвъ страстей, боготворимъ ихъ.

„И посрамятся о садѣхъ, ихже возжелѣша“. Находимъ, что слово: садъ (κῆπος), берется въ ту и другую сторону. Напримѣръ: въ книгѣ Бытія, по переводу Аквилы: „и насади Господь Богъ садъ во Едемѣ“ (Быт. 2, 8). Но опять Египетская земля въ укоризну названа: „вертоградъ“ (κῆπος) „зелейный“ (Втор. 11, 10). И еще укоризненное упоминаніе о садѣ, когда Ахаавъ пожелалъ наслѣдство Израильтянина Навуѳея сдѣлать „вертоградомъ зелій“ (3 Цар. 21, 2). Съ похвалою упоминаетъ о садѣ Екклесіастъ, говоря: сотворихъ ми верторагды и сады (κῆπους καὶ παραδείσους) (Еккл. 2, 5). Но благословенъ тотъ садъ, въ которомъ былъ гробъ, принявшій въ себя временное домостроительство смерти въ тѣлѣ Господнемъ! Впрочемъ здѣсь охуждается садъ; потому что причиняетъ стыдъ вожделѣвшимъ. И кажется, что Пророкъ разумѣетъ теперь рощи, какія насаждались обольщенными въ честь идоламъ; а подъ рощами разумѣть должно погрѣшительныя направленія и наружное благообразіе, которымъ при-

крываемъ свои страсти; напримѣръ: если кто погруженный въ удовольствія показываетъ видъ честности, или если кто порабощенный скупости старается показаться щедрымъ. Въ семъ-то „пострамятся“ вожделѣвшіе, когда откроются сердечные наши совѣты.

(30) „Будутъ бо яко теревинеъ отметувшій листвія, и яко вертоградъ не имый воды“. Въ буквальномъ смыслѣ Пророкъ, повидимому, говоритъ о садахъ, вожделѣнныхъ идолослужителямъ, что они будутъ непріятнѣе обнаженнаго отъ листьевъ теревинеа и вертограда засохшаго отъ безводія. Нравственный смыслъ тотъ, что уловляющіе внѣшнимъ благообразіемъ человѣческую славу, по обнаруженіи тайнаго, когда будетъ „вся нага и объявлена, и ни едина тварь не явлена“ (Евр. 4, 13), съ уничтоженіемъ окружающаго ихъ нынѣ обольщенія, представятъ собою неблагообразное зрѣлище; почему они и уподобятся дубу. Ибо такъ иные [1]) перевели слово: теревинеъ; и изъ книги Бытія знаемъ, что дубъ и теревинеъ — одно и то же (Быт. 12, 6. Слич. 35, 4). Итакъ они будутъ подобны теревинеу или дубу, который, по опаденіи листьевъ, обнаруживаетъ то, что прежде было закрыто зеленью. Ибо дубъ украшенъ густою зеленью, и доброцвѣтностію ихъ удобно затѣняетъ неуклюжесть своихъ сучьевъ. Пророкъ говоритъ, что они будутъ безобразнѣе и сего дуба, по обличеніи прошедшей ихъ жизни. „И яко вертоградъ не имый воды“. Таковъ будетъ и Израиль, подобно дубу имѣющій листья, то есть, сѣнь законную, которую скинетъ съ себя при исполненіи временъ. Онъ — какъ вертоградъ, насажденный Господомъ по первоначальному сотворенію, но засохшій, потому что утратилъ, что было животворнаго въ догматахъ. Посему должно стараться истинно вѣровать во Христа, чтобы изъ чрева нашего истекали духовные потоки, и не допускали насъ сдѣлаться неблагообразными и безплодными.

(31) „И будетъ крѣпость ихъ яко стебль изгребія, и дѣланія ихъ яко искры огненныя“. Изъ сего явствуетъ, что для каждаго будутъ дѣла его причиною мучительности наказанія; потому что сами себя пріуготовляемъ къ тому, чтобы стать годными къ сожженію, и какъ искры огненныя, возгнетаемъ въ себѣ душевныя страсти для возгорѣнія геенскаго пламени, какъ и палимый жаждою въ пламени богатый (Лук. 16, 19—31.) томимъ былъ за собственныя свои удовольствія. Ибо по мѣрѣ пріемлемыхъ нами въ себя стрѣлъ лукаваго, подвергаемся большему или меньшему жженію.

„И сожгутся беззаконницы и грѣшницы вкупѣ, и не будетъ угашаяй“. Въ другой уже разъ въ пророчествѣ поставлены вмѣстѣ беззаконники и грѣшники. Выше: „и сокрушатся беззаконніи и грѣшницы“; а здѣсь: „и сожгутся“... Никто не обольщай себя невѣжественными словами: „хотя я

---

[1]) Симмахъ.

и грѣшникъ, но христіанинъ; потому не впаду въ геенну, гдѣ идолослужители. Мнѣ поможетъ самое имя христіанина, если и преступилъ я Христовы заповѣди". Ибо слышишь: „сожгутся беззаконницы и грѣшницы вкупѣ". Для тѣхъ и другихъ одна причина сожженія; въ тѣхъ и другихъ— „стебель изгребія", то есть, жизнь удобно возгарающаяся и легко пріемлющая въ себя пламень; въ томъ и другомъ по праву зажигаетъ душу искра, которая теперь какъ бы таится еще въ пеплѣ, поколику закрыта оболочками плоти, но возгорится отъ Божія суда въ день отмщенія, раздуваемая и воспламеняемая обличеніями.

Глава 2.

(1) „Слово бывшее ко Исаіи сыну Амосову о Іудеи, и о Іерусалимѣ". По описаніи перваго видѣнія было слово сіе къ Исаіи, сыну Амосову. Почему же тамъ „видѣніе", а здѣсь „слово?" Потому что, хотя сила Божія, по благодати Духа святымъ Божіимъ даруемая, одна, и она есть вѣдѣніе невѣдомаго, сообщаемое сердцамъ святыхъ чрезъ откровеніе и озареніе; однако же, по различію предметовъ вѣдѣнія, открываемое называется или видѣніемъ, или словомъ. Тамъ было показано настоящее: пороки народа, отчужденіе его отъ Бога, неблагодарность къ Благодѣтелю; здѣсь предвѣщается будущее; поэтому — слово о томъ, что „будетъ въ послѣдняя дни". Но и тамъ, не посредствомъ зрѣнія видѣніе, и здѣсь не посредствомъ слуха познаніе, но озареніе въ сердцѣ отъ Духа, Который показываетъ настоящее и предвозвѣщаетъ будущее. И здѣсь опять рѣчь объ Іудеи и объ Іерусалимѣ. Хотя будетъ говорено и о другихъ народахъ; ибо не „Іудеевъ токмо Богъ", но „и языковъ; понеже единъ Богъ, Иже оправдитъ обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою" (Рим. 3, 29. 30.): однако же предварительно и въ первомъ мѣстѣ упоминается о Своемъ наслѣдіи. Но спросишь: не съ особенною ли мыслію, требующею объясненія, иногда о словѣ прилагается: „Господне", иногда нѣтъ сего приложенія: „Господне?" Напримѣръ: „слово Господне, еже бысть ко Осіи сыну Веиріину" (Ос. 1, 1.); а здѣсь: „слово бывшее ко Исаіи". И о видѣніи говорится у Іезекіиля: „и отверзошася небеса, и видѣхъ видѣніе Божіе" (1. 1); а у Исаіи: „видѣніе, еже видѣ Исаія (1. 1). Также у Іереміи: „слово, еже бысть ко Іереміи" (Іер. 25, 1.). — Поелику пророки говорили народу непокорному, прекающему, вовсе отступившему отъ Бога: то умолчаніемъ имени Господня надѣялись достигнуть, чтобы были приняты слова ихъ. Въ той мысли, что Богъ не печется о дѣлахъ человѣческихъ, Іудеи осмѣивали говорившихъ имъ отъ лица Господня, какъ даетъ разумѣть Іеремія, говоря: „быхъ въ посмѣхъ весь день" (20, 7).

(2) „Яко будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня, и домъ

Божій на версѣ горъ". Послѣдними днями называются дни, приближающіеся къ окончанію сего времени. Ибо къ тлѣнному міру сему принаровлена и природа протекающаго времени. Оно имѣетъ свойство и сродство съ видимыми предметами, отходитъ вмѣстѣ съ разрушающимися вещами, настаетъ вмѣстѣ съ приходящими въ бытіе, есть нѣчто ожидаемое и чаемое вмѣстѣ съ имѣющими еще быть. Поелику дни и ночи, мѣсяцы и годы, всѣ разстоянія времени имѣютъ начало отъ солнца, луны и движенія тверди: то съ разрушеніемъ послѣднихъ необходимо послѣдуетъ и конецъ времени. Итакъ предъ окончаніемъ сего міра „явлена будетъ гора Господня, и домъ Божій на версѣ горъ". И кто не раболѣпствуетъ однимъ реченіямъ, не держится голой буквы, тотъ найдется вынужденнымъ не останавливаться на чувственномъ. Ибо какъ явится тогда „гора Господня"? какъ „на версѣ горъ" созиждется „домъ Божій?" Плотскій Израиль не ожидаетъ въ будущемъ и явленія другой горы, и устроенія на другихъ вершинахъ втораго дома; а гора Сіонъ и храмъ были уже явлены во времена пророчества Исаіина. Что же значитъ сказанное? Не то, что въ послѣдніе дни явлены будутъ и гора и домъ; но что въ послѣдніе дни откроется, въ оставленіи грѣха, великое и высокое домостроительство о спасеніи человѣковъ. Ибо „тайна сокровенная отъ вѣкъ, явися" (Кол. 1, 26.) при скончаніи временъ. Горѣ же уподоблено сошествіе Господа на землю потому, что гора есть земная возвышенность. Но и плоть Господня, по общей нашей природѣ будучи землею, возвышена чрезъ соединеніе съ Богомъ. А домъ Божій „на версѣ горъ", по слову Апостола, есть Церковь. Ибо говоритъ: „увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива" (1 Тим. 3, 15). Ея основанія на горахъ святыхъ; ибо наздана „на основаніи Апостолъ и Пророкъ" (Еф. 2, 20). Одною изъ таковыхъ горъ былъ и Петръ; и Господь далъ обѣтованіе — на семъ камнѣ создать Церковь Свою. Ибо мудрствованія высокія и превыспреннія, ставшія превыше земнаго, справедливо называются горами. А душа блаженнаго Петра наименована высокимъ камнемъ; потому что она твердо укоренилась въ вѣрѣ, была непоколебима и неослабна при всѣхъ прираженіяхъ искушеній. Посему всѣ пріобрѣтающіе вѣдѣніе Божества, по величію ума и умныхъ дѣлъ усовершившись въ здравой жизни, суть „верси горъ", на которыхъ созидается домъ Божій.

„И возвысится превыше холмовъ". Холмы суть какіе-то земные горбы, имѣющіе посредственную возвышенность надъ землею; они выше мѣстъ низкихъ, но не достигаютъ до самыхъ высокихъ. Итакъ, поелику превосходство Господа по человѣчеству несравнимо со всѣми вмѣстѣ взятыми превосходствами, являемыми въ какихъ бы то ни было заслугахъ: то посему и сказано, что гора Господня будетъ явлена „превыше холмовъ. Множайшей бо славѣ паче Моисея сподобися, елико множайшую честь имать

паче дому Сотворивый его“ (Евр. 3, 3). Сколько же выше Авраама? Сказано: „Авраамъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день“ вочеловѣченія: „и видѣ, и возрадовася“ (Іоан. 8, 56). И Авраамъ далъ Мелхиседеку десятину; а Мелхиседекъ былъ образомъ Господа. Сіе говорю, чтобы показать плотское превосходство Господа. Искать же славы Божества въ превосходствѣ предъ рабами и да не дерзнемъ! Домостроительство человѣчества превыше праведниковъ между человѣками; ибо Единъ „грѣха не сотвори“ (1 Петр. 2, 22); а велелѣпіе Божества превознесено превыше небесъ.

„И пріидутъ къ ней вси языцы“. Продолженіе слова яснѣе открываетъ смыслъ пророчества, изображая будущее стеченіе язычниковъ къ познанію Христову. Ибо пріидутъ къ вѣрѣ всѣ народы, призванные проповѣдію; потому что „проповѣстся Евангеліе сіе во всемъ мірѣ“ (Матѳ. 24, 14) и „во всю землю изыде“ Евангельское „вѣщаніе Апостоловъ“ (Псал. 18, 5).

(3) „И пойдутъ“, говоритъ Пророкъ, „языцы мнози“. Не оставь безъ вниманія точности въ словахъ. Тамъ сказано: „пріидутъ вси“, а здѣсь: „пойдутъ“, не „вси“, а „мнози“, потому что слово: „пріидутъ“. относится къ вѣрѣ, а слово: „пойдутъ“ (πορεύσονται) — къ образу жизни. Итакъ, поелику всѣ исповѣдуемъ вѣру, но не всѣ живемъ по заповѣдямъ; то „пріидутъ вси языцы“, а пойдутъ „мнози“. Слово же: „ходить“ (πορεύειν), берется въ значеніи жизни сообразной съ закономъ. Сказано: „блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни“ (Псал. 118, 1). Но какъ же — Господь говоритъ, что „мала есть, иже обрѣтаютъ путь“ (Матѳ. 7, 14), а мы говоримъ: „пойдутъ языцы мнози“? Это потому, что всѣ народы, относительно къ собственному числу народовъ, могутъ быть изочтены; но число людей въ каждомъ народѣ велико. Посему Пророкъ говоритъ здѣсь, что многіе (но не всѣ) народы ведутъ жизнь по Евангелію, хотя всѣ называютъ себя по имени Христову. Но ежели исчисляются многіе народы, то еще не слѣдуютъ необходимо въ это число всѣ до одного изъ заключающихся подъ общимъ именемъ каждаго народа. Исчисливъ народы: Каппадокіянъ и Галатовъ, Армянъ, или Сиріянъ, или Египтянъ, можно сказать, что сіи народы суть „ходящіи въ законѣ Господни“, между тѣмъ какъ не всѣ входящіе въ составъ каждаго народа согласно стремятся къ цѣли жизни. Посему, относительно къ семидесяти двумъ народамъ, или сколько ихъ ни начтется въ цѣлой вселенной, многіе ходятъ путемъ жизни: относительно же къ цѣлому числу людей, живущихъ на землѣ, не много спасаемыхъ. Такимъ образомъ и Евангеліе истинно, и пророчество не противорѣчитъ ему. „Вси языцы поработаютъ Ему“ (Псал. 41, 11); но „поклонятся“ изъ многихъ не многіе; сказано: „вси царіе земстіи. И Софонія говоритъ: „пріидутъ работати Ему подъ игомъ единѣмъ“ (Соф. 3, 9).

„И рекутъ: пріидите, и взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Іаковля“. Преуспѣвающіе въ вѣдѣніи, какъ бы восшедши на высоту, призываются къ одинаковому съ собою восхожденію и тѣхъ, которые останавливаются еще на дольнемъ и проводятъ жизнь въ низкихъ житейскихъ попеченіяхъ. Кто совоскресъ „съ Христомъ, и вышнихъ ищетъ“, тотъ да призываетъ мудрствующихъ „земная“ (Кол. 3, 1. 2), и да руководствуетъ помышленія ихъ въ горнее. Поелику положеніе тѣла относительно къ горѣ бываетъ двоякое: одно съ подгорья восходящихъ на вершину, а другое съ вершины сходящихъ къ подошвѣ горы, по различію и въ положеніи самаго тѣла и въ дѣйствіи различно нами совершаемомъ: то можетъ быть, двоякое сіе представленіе удобоприлагаемо и къ строительству вочеловѣченія, такъ что вочеловѣченіе можемъ представлять себѣ горою; и здѣсь какъ плоть чрезъ соединеніе съ Божествомъ возносится на небо, такъ Божество чрезъ общеніе съ человѣчествомъ снисходитъ къ земному.

„Пріидите, и взыдемъ“. Приступимъ къ высотѣ Богословія, начавъ съ страданія. „И въ домъ Бога Іаковля“. Выше говорится просто „домъ Божій“; а здѣсь: „домъ Бога Іаковля“. Какая сему причина? Или тамъ недостаетъ слова, или здѣсь оно лишнее. Но что отъ Духа, въ томъ нѣтъ ничего напраснаго. Слово показываетъ, что первое согласіе на истину производится по общимъ понятіямъ о Богѣ; несомнѣнность же вѣры получаетъ совершенство по уясненіи уже свойствъ Божіихъ въ сердцѣ преуспѣвающихъ въ вѣдѣніи. Посему вводимымъ только въ вѣдѣніе сказано просто: „домъ Божій“, а выслушавшимъ уже начатки ученія сказано, какой Божій домъ, именно: „Бога Іаковля“; потому что Іакову даровано быть въ свойствѣ съ Богомъ. Сказано: „Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль: сіе Мое есть имя вѣчное“ (Исх. 3, 6. 15). Чтобы честь святыхъ содѣлать приснопамятною, Богъ присоединилъ къ Своему имени имена рабовъ; такъ что всякій разъ, когда воспоминается о Богѣ, присоединяется воспоминаніе и о нихъ. Посему тѣмъ, которые приступили уже, Пророкъ присовокупилъ какъ бы отличительный признакъ Божій, сказавъ: „и въ домъ Бога Іаковля“. Но поелику у Іакова есть еще имя запинателя и борца (запинателемъ называется онъ за борьбу съ сопротивными; напослѣдокъ же послѣ доброй побѣды, получилъ имя Израиля); то болѣе и болѣе преуспѣвающій сначала узнаетъ домъ Бога Іаковля, то есть низшее и доступное ему, а напослѣдокъ со временемъ познаетъ и Бога Израилева, сообразно съ ходомъ и порядкомъ сообщаемыхъ ему совершеннѣйшихъ преданій.

„И возвѣститъ намъ путь Свой, и пойдемъ по нему“. Если не взойдемъ на гору, не возвѣститъ намъ пути Своего. А если не возвѣститъ намъ, какъ пойдемъ? То есть, если не пріимемъ Евангелія, какъ будемъ жить по-Евангельски? А старающіеся узнать путь, очевидно, не знали его.

Посему, какъ же взойдемъ на гору, не зная пути? Конечно, слова: „пріидите и взыдемъ“ означаютъ готовность и ревность поспѣвающихъ, но не показываютъ полученія желаемаго. Представимъ, что и нынѣ иные изъ поспѣшающихъ къ вѣрѣ приглашаютъ и поощряютъ другъ друга: станемъ дальше отъ пресмыкающихся по землѣ, будемъ мудрствовать о небесномъ, „взыдемъ въ домъ Божій“; тамъ узнаемъ путь, по которому чрезъ совершенство достигнемъ предназначеннаго всѣмъ вообще конца.

„Отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима“. Спроси человѣка „отъ обрѣзанія“, плотскаго Іудея, о какомъ законѣ и о какомъ словѣ говоритъ Пророкъ? О законѣ ли, данномъ чрезъ Моисея? Но пусть покажутъ, какъ онъ исходилъ отъ Сіона. Ибо Моисей не взошелъ въ „землю одержанія“ (Лев. 25, 24), а Сіонъ въ Іудеѣ. Итакъ, по ихъ мнѣнію, погрѣшило Писаніе, вмѣсто одного слова употребивъ другое, вмѣсто Синая, или Хорива, наименовало Сіонъ. Но Пророкъ говоритъ о святомъ законѣ. О какомъ же? когда данномъ? гдѣ написанномъ? „И слово изъ Іерусалима“. Это говоритъ о словѣ пророческомъ? Но оно было по всей Іудеѣ, а не въ одномъ Іерусалимѣ, даже и въ Израилѣ, даже въ землѣ плѣненія, въ Ниневіи и во многихъ странахъ. Итакъ да заградятъ себѣ уста предъ истиною; и да пріимутъ законъ Господа, исшедшій съ стражбища, отъ Богоносной плоти, съ которой призрѣлъ Онъ на дѣла человѣческія. „И слово Господне изъ Іерусалима. Ибо оттолѣ начавшаяся проповѣдь разсѣяна по всему міру.

(4) „И судите будетъ посредѣ языкъ. Богъ“, ставъ „въ сонмѣ боговъ, боги разсудитъ“ (Пс. 81, 1), а язычниковъ „судите будетъ посредѣ языкъ“. Святыхъ прилично разсудить по дознанному ихъ достоинству; а жившихъ въ суетѣ должно судить. Но, можетъ быть, здѣсь показывается, что наказаніе народамъ чуждымъ благочестія различно, а не одно и то же. Поколику они утратили познаніе о Богѣ; всѣ достойны мученій и казней. Поколику же есть разность въ образѣ ихъ жизни, „въ страстяхъ безчестія“ (Рим. 1, 6) и въ лукавствѣ противъ ближняго; потребенъ судъ надъ язычниками для разобранія грѣховъ ихъ противъ ближнихъ.

„И изобличитъ люди многи“. Чтобы показать намъ справедливость и непререкаемость праведнаго суда, Пророкъ присовокупилъ: „и изобличитъ люди многи“. Ибо сказано: „обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ“ (Пс. 49, 21). Здѣсь обвинитель представляетъ свидѣтелей въ обличеніе преступленій обвиняемаго; но въ судилищѣ тайныхъ дѣлъ нашихъ предстанутъ предъ нами самыя дѣла въ ихъ собственномъ видѣ, и представится согрѣшившимъ каждый ихъ грѣхъ. Тамъ обличеніе употребляется для подтвержденія справедливаго суда, здѣсь для исправленія обличаемаго въ томъ, въ чемъ обличается. Посему Апостолъ совѣтуетъ Тимоѳею пользоваться обличеніемъ (2 Тим. 4, 2). Всякое обличеніе, ощутительно

уязвляя обличаемаго, сильно мучитъ его, представляя позоръ грѣха, а чрезъ сіе весьма благотворно для не чувствующаго собственныхъ своихъ паденій; потому что приводитъ его въ сознаніе и истинное раскаяніе. Какая тѣлесная рана производитъ такую же боль, каково мученіе, производимое въ душѣ разящимъ словомъ, которое чувствительно для совѣсти подвергшихся стыду худыхъ дѣлъ?

„И раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы“. Таковъ доброполезный конецъ обличеній—людей браннолюбивыхъ и мятежныхъ приводитъ въ мирное состояніе. Для всякаго же очевидно, что законъ Христовъ и слово Христово, будучи мирными и умиряющими, проповѣдали миръ и дальнимъ и ближнимъ. И потому Іудеи и язычники отложили бранныя оружія, какъ употребляемыя для пораженія вблизи, въ рукопашныхъ бояхъ, и названныя у Пророка „мечемъ“, такъ и приготовляемыя для дѣйствованія издали и у Пророка именуемыя „копіями“. „Слово“ же „изъ Іерусалима“ передѣлываетъ ихъ въ земледѣльческія орудія; такъ что губительный мечъ служитъ приготовительнымъ орудіемъ для животворныхъ сѣмянъ, всѣваемыхъ мудростію въ разумныя души; потому что обращенный въ плугъ смягчаетъ ожестѣвшее, вырываетъ тернія, дѣлаетъ души хранилищами небесной благодати. А копіе, бросаемое и поражающее издали, обращается въ нѣчто собирающее вблизи и приводящее въ общеніе; ибо таковы серпы: они собираютъ разсѣянное и соединяютъ колосья въ общеніе рукояти. Посему есть и словесная жатва, для которой нужны потребныя орудія, и о которой сказано: „возведите очи ваша, и видите, яко нивы плавы суть“ (Іоан. 4, 35). Ни одинъ изъ строителей браней не способенъ къ сей жатвѣ. Но Господь послалъ на жатву сію собственныхъ учениковъ Своихъ, о которыхъ и сказалъ: „жатва убо многа, дѣлателей же мало“ (Лук. 10, 2). Симъ то жателямъ, какъ не имѣющимъ въ сердцахъ браннаго оружія, далъ Онъ власть, въ какой домъ ни войдутъ, вносить въ него миръ.

„И не возметъ языкъ на языкъ меча“. Пока во всей силѣ дѣйствовало слово мірской мудрости, народы возставали другъ на друга, грозя другъ другу мечемъ слова, который былъ весьма изощренъ размышленіемъ и очищенъ вѣроятностію. Но когда пришелъ Миръ нашъ, и возвѣщена „слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ“, тогда всякая ложь умолкла вдругъ предъ истиною, какъ мгновенно умолкаетъ крикъ говорливыхъ птицъ, ежели откуда-нибудь является надъ ними орелъ. Уже не опровергаютъ другъ у друга ученій, не говорятъ—одинъ, что вовсе нѣтъ Промысла, другой, что онъ простирается только до луны; не доказываютъ о душѣ — одинъ, что она смертна, а другой, что безсмертна; о судьбѣ,— одинъ, что она надъ всѣмъ владычествуетъ, а другой, что ея вовсе нѣтъ. Но поелику пришло „буйство проповѣди“, славится Распятый, вѣруютъ

въ воскресенье, чаютъ суда; то народы, прекративъ междоусобную брань, соблюдаютъ безмолвіе. Боюсь только, чтобы они наконецъ не сдѣлались зрителями нашей брани. И поелику прежде всего вся жизнь у нихъ проходила въ изученіи пустыхъ словъ, такъ какъ діалектика есть наука сражаться на словахъ; то Пророкъ говоритъ: „не навыкнуть къ тому ратоватися“; что значитъ, не будутъ проводить времени съ наставниками словопренія.

(5) „И нынѣ, доме Іаковль, пріидите, и пойдемъ свѣтомъ Господнимъ“. Второе призваніе, приглашающее облагодѣтельствованныхъ къ совершеннѣйшему. Ибо кто взошелъ на гору Господню, простеръ взоръ выше земнаго, тотъ, какъ бы пріобщившись чистѣйшаго озаренія, можетъ срѣтить Божій свѣтъ, просвѣщающій душевныя очи къ созерцанію блаженныхъ и мысленныхъ видѣній и Божественныхъ умозреній. Подобное сему сказано у Псалмопѣвца: „приступите къ нему, и просвѣтитися, и лица ваша не постыдятся“ (Псал. 33, 6): ибо не постыдятся тѣ, на которыхъ „знаменася свѣтъ лица Господня“ (Псал. 4, 7). А „дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта“ (Іоан. 3, 20). Но поелику домъ Іаковль обученіе Закона почиталъ достаточнымъ свѣтомъ, и себя въ самообольщеніи признавалъ „вожду быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ“ (Рим. 2, 19); то пророческое слово, исправляя ихъ невѣдѣніе, говоритъ: „пріидите и пойдемъ“ не свѣтомъ Закона и Пророковъ, но „свѣтомъ Господнимъ“. Полезны и свѣтильники, но до солнца; пріятны звѣзды, но только ночью. А если смѣшонъ, кто при солнечномъ свѣтѣ зажигаетъ предъ собою свѣтильникъ: то гораздо смѣшнѣе, кто при Евангельской проповѣди остается въ законной сѣни.

(6) „Остави бо люди своя домъ Іаковль“. Самое тяжкое наказаніе—быть оставленнымъ отъ Бога. Представь, что кто-нибудь, послѣ крѣпкаго сжатія рукъ, разогнувъ персты, которыми дотолѣ сжималъ держимую вещь, лишаетъ ее своей поддержки, и даетъ ей упасть; такимъ изображается народъ не поддерживаемый уже Богомъ. За какія же вины выпускается кто-либо изъ рукъ Божіихъ, сіе показываютъ слѣдующія слова: „зане якоже изначала наполнися страна ихъ волхвованій, якоже иноплеменниковъ“. Видишь, какое зло—волхвовать! Внѣ попеченія Божія поставляетъ оно предающагося ему. А многимъ изъ христіанъ кажется дѣломъ безвреднымъ склонять къ нему слухъ, собирать примѣры, слушать истолкователей примѣтъ. Чихнулъ кто на словѣ, говорятъ: и это имѣетъ значеніе. Кто-нибудь сзади назвалъ меня по имени, нога поскользнулась при выходѣ, зацѣпилась одежда; все это помѣха. И люди весьма знаменитые, ожидающіе Судію съ небесъ, хладнокровно впадаютъ въ сей вредный порокъ. Но слушай: отверженъ народъ предавшійся сему. Еще древле, по закону Моисееву, чарованія, волхвованія, ворожба, птицегаданія отринуты какъ

изобрѣтенія демоновъ. Сказано: „не вражите, и ни сряща смотрите отъ птицъ“ (Лев. 19, 26); „языцы бо“, которыхъ „Господь Богъ потребитъ отъ лица Его, сіи чарованій и волхвованій послушаютъ: тебѣ же не тако даде Господь Богъ твой“ (Второз. 18, 12. 14). Кто можетъ совѣтоваться съ оправданіями Божіими, тому при разсужденіи, чего не должно дѣлать, не прилично брать себѣ въ совѣтники, даже не въ совѣтники, но въ учители и законодатели, существа неразумныя. Птица не знаетъ собственной своей опасности, которая уже передъ глазами; а тебѣ предвѣщаетъ она будущее. Вылетѣвъ изъ гнѣзда, чтобы принести птенцамъ пищу, не рѣдко возвращалась она ни съ чѣмъ; а для тебя стала она нелживымъ предвѣщаніемъ, и напрасное движеніе птицы обратилось въ откровеніе будущаго! Ежели, по дѣйствію демоновъ, птицы летаютъ для твоего обольщенія; то не сиди и не смотри съ отверстымъ ртомъ на демонскія обаянія, и не отдавай себя подъ вліяніе діавола. Онъ, если однажды уловитъ душу, легко увлекаемую въ погибель, не выпуститъ ее изъ рукъ, а употребитъ ее на всякое злое дѣло. Но и каркающій воронъ, кружающійся орелъ, по недостатку лова, приводятъ въ страхъ суевѣрное сердце. Врагъ до того издѣвается надъ человѣкомъ, что, если показалась кошка, выглянула собака, или утромъ встрѣтился человѣкъ, хотя самый благорасположенный, но съ поврежденнымъ правымъ глазомъ или бедромъ, онъ отскочитъ, отворотится, не разъ зажмуритъ глаза. Что бѣдственнѣе такой жизни—все подозрѣвать, во всемъ видѣть препятствіе, когда все должно возводить душу его къ Богу? Когда видишь птицъ летящихъ по воздуху, не полетъ ихъ замѣчай, описываютъ ли круги надъ нашею головою, или летятъ на встрѣчу, или налетаютъ сзади, или поперекъ пересѣкаютъ путь. Оставивъ это, дивись въ нихъ премудрости и распоряженіямъ Творца: какимъ образомъ такая тяжесть носится по воздуху; какъ нѣжное естество воздуха стало колесницею для крылъ; какъ чрезъ распростертіе крыльевъ плаваютъ по воздуху, а хвостомъ, какъ кормиломъ, направляютъ свой полетъ; какъ у птицъ, неспособныхъ ходить, крылья замѣняютъ ноги; птицы ночныя и хищныя имѣютъ устройство тѣла, приличное ихъ образу жизни: у однѣхъ орудія хищничества—когти, у другихъ, какъ бы весла, перепонки на ногахъ, чтобы при движеніи широтою ступни удобнѣе отталкивать воду. Все исполнено премудрости Божіей; потому что „вся премудростію сотворилъ“ есть (Пс. 103, 24). Но человѣкъ мелочный, занятый низкими мыслями, въ движеніяхъ безсловесныхъ тварей усиливается найдти соотвѣтствіе съ собственною своею цѣлію, и, оставивъ Бога, предаетъ самъ себя во власть злокозненнымъ демонамъ, которые, владычествуя въ воздухѣ, ухищряются направлять полетъ птицъ туда и сюда, и безумныхъ людей держать въ неисцѣльномъ обольщеніи. Ежели говоря сіе, отдалился я отъ предмета: то слово не безъ пользы, остановившись на пророческомъ

изреченіи, употребило его къ уврачеванію неразумныхъ. Должно же замѣтить, что въ Писаніи волхвованіе называется собственно занятіемъ Филистимлянъ, то есть жителей Палестины; ибо ихъ однихъ Писаніе имѣетъ обычай именовать иноплеменниками. Какъ Халдеи устроили себѣ предсказанія по днямъ рожденія, Египтяне врачевства и наговоры, Критяне ворожбу, такъ сіи иноплеменники—волхвованіе. Посему „страна“ эта возвратилась къ собственному своему злу, ставъ „якоже изначала“.

„И чада многа иноплеменнича родишася въ ней“. Когда городъ, принявъ дурные нравы, избралъ сообразную съ ними жизнь, тогда грѣхъ отцевъ обратился уже какъ бы въ законъ, и съ самаго рожденія они уже „чада иноплеменнича“, за порочную жизнь отчужденныя отъ народа Божія. Поелику же и плоды душевные часто называются чадами; то и о человѣкѣ, который, вопреки намѣренію Божественнаго Писанія, собираетъ у внѣшнихъ нездравыя ученія благочестія и принимаетъ оныя, иной, можетъ сказать, что онъ раждаетъ „чада иноплеменнича“.

(7) „Наполнися бо страна ихъ сребра и злата, и не бяше числа сокровищъ ихъ“. Таковъ грѣхъ богатолюбія, что поставленъ въ спискѣ столь важныхъ грѣховъ! На ряду съ волхвованіемъ и чадами иноплеменничами, рожденными во Израили, можетъ быть, отъ умноженія блуда, считается и наполненіе страны сребромъ и златомъ. Ибо душѣ благочестивой богатство служитъ средствомъ дѣлать добро чрезъ любообщительность, а душѣ сластолюбивой и плотолюбивой обращается оно въ пособіе роскоши. Нищета—наставница благочестію; и богатство—поводъ къ наглости. Если же излишество имущества поставляется въ вину цѣлому народу; то да размыслятъ обогащающіеся, чѣмъ они оправдаются въ избыткѣ собственныхъ своихъ имуществъ. А если думаетъ кто, что обогащающійся по какому-либо предлогу, почитаемому благовиднымъ, не грѣшитъ, тотъ пусть вспомнитъ Евангельскую заповѣдь, которая ясно воспрещаетъ собирать себѣ сокровища на землѣ (Матѳ. 6, 19).

„И наполнися земля коней, и не бяше числа колесницъ ихъ“. Вездѣ видимъ, что святые гнушались употребленіемъ коней, какъ въ дѣлахъ ратныхъ, такъ и въ другихъ житейскихъ нуждахъ. Почему и здѣсь къ прочимъ обвиненіямъ причисляется и употребленіе коней. Богу угодно было, чтобы Іудеи зависѣли отъ Его помощи, а не надѣялись въ войнѣ на собственныя свои приуготовленія; а потому повелѣваетъ: „да не умножиши себѣ коней“ (Второз. 17, 18). Обвиняемые же Пророкомъ пріобрѣли себѣ такое множество коней, что не было имъ числа. Но должны мы или принять сіе за преувеличеніе, или заключить, что слова: „не бяше числа колесницъ“, сказаны по обычаю Писанія не исчислять что худо, или почему-либо не стоитъ уваженія. Ибо замѣть, что въ книгѣ Числъ не перечисляются ни жены, какъ немощныя, ни дѣти, какъ малозначительныя,

кромѣ первородныхъ и сыновъ Левитскихъ, ни рабы, какъ не стоющіе уваженія, ни рожденные отъ смѣшенія съ иноплеменниками, какъ чуждые. Такъ, думаю, и колесницы, какъ худое пріобрѣтеніе, поставляются внѣ числа.

(8) „И наполнися земля мерзостей дѣлъ рукъ ихъ“. Языческіе обычаи, начавшіеся волхвованіями, усилившіеся отъ сребролюбія и привязанности къ конямъ, довели до идолослуженія. Оттого что не хотѣли просить совѣтовъ у Бога, а стали внимать волхвованіямъ, оттого что надѣялись на множество коней, которые „ложь во спасеніе“ (Пс. 32, 17.), а не на Могущаго сокрушить брани, естественнымъ образомъ дошли они до того, что земля ихъ наполнилась мерзостей. Посему всякій поступокъ, противный здравому разуму, мерзость предъ Богомъ. Какъ слабые желудкомъ и склонные къ позыву на рвоту не терпятъ гнусныхъ зрѣлищъ; напримѣръ, изверженія излишествъ, зловонныхъ струповъ и тому подобнаго: такъ и дѣла нечистоты—мерзость Святому. Поелику въ собственномъ смыслѣ идоловъ обычно Писанію называть мерзостію; то и всякія негодныя представленія, на подобіе живописныхъ картинъ, напечатлѣваемыя въ душѣ, суть мерзости, наполняющія страну, то есть, всю область разумной части въ душѣ.

„И поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ“. О верхъ безумія—признавать Богомъ, что сдѣлалъ самъ человѣкъ, и не видѣть нелѣпости такого дѣла! Ежели дивишься веществу, то почему не кланяешься не обработанной мѣди, или камню? А если дивишься ему по причинѣ искусства: то кланяйся рукамъ своимъ, которыя дали веществу образъ, или тѣмъ орудіямъ, которыми ты обдѣлывалъ. Какое же неразуміе—и въ то продолженіе времени, въ которое былъ вырѣзанъ или отлитъ кумиръ, не взять на размышленіе того, что дѣлаешь! Ибо сіе означаютъ слова: „и поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ“. Послѣ этого человѣкъ принужденъ будетъ выбрать одно изъ двухъ,—или не имѣть у себя Бога, пока не сдѣлаетъ его самъ, или сказать, что прежній состарѣлся, почему и нуженъ сталъ другой. Но „проклятъ всякъ человѣкъ, иже сотворитъ изваяніе, или сліяніе, дѣло рукъ художника“ (Второз. 27, 15).

(9) „И преклонися человѣкъ, и смирися мужъ“. Думаю, что Пророкъ сказалъ сіе изъ сожалѣнія, не терпя въ людяхъ униженія ихъ достоинства. Онъ говоритъ: „преклонися“ для поклоненія идолу „человѣкъ“—досточестнѣйшій изъ животныхъ и земныхъ, вчиненный между разумными существами, почтенный послѣ Ангеловъ образомъ Божіимъ, силою ума своего изобрѣтшій искусства. Кто позналъ все земное, силы растеній, корней и плодовъ, не убоялся моря, изучилъ естество воздуха, происхожденіе вѣтровъ, положеніе звѣздъ, ихъ движенія, разстоянія, времена соединеній, устройство примѣчаемое на землѣ, общество, законы, ратное дѣло, искус-

ства необходимыя для жизни и служащія къ украшенію и на показъ; тотъ повергся предъ идоломъ, какъ будто требуетъ отъ него спасенія,—одушевленный отъ бездушнаго, разумный отъ безчувственнаго. Кому подручны звѣри, подчинены для служенія всѣ безсловесныя твари Самимъ покорившимъ ихъ намъ Богомъ, Который даровалъ намъ Свой образъ, въ томъ и состоящій, чтобы господствовать надъ животными, живущими въ водѣ и на сушѣ, тотъ не съ какимъ-либо безсловеснымъ, превосходящимъ его силою, но съ подобіемъ одного изъ безсловесныхъ животныхъ, или какой-нибудь безобразной жены, или самаго гнуснаго мущины, не смѣетъ стать наровнѣ, но со страхомъ склоняется предъ нимъ къ землѣ, не достойный воззрѣти на небо, за грѣхъ противъ неба.

„И преклонися человѣкъ, и смирися мужъ“. Новое приращеніе зла, что мужъ—первенствующій въ родѣ, совершеннѣйшій по разумѣнію, могущественнѣйшій въ дѣятельности, забылъ собственное свое достоинство и смиряется предъ идоломъ; тотъ, кто—образъ и слава Божія, имѣетъ главою своею Христа, „смирися“ предъ идоломъ. Вотъ что значитъ слово: „мужъ“. И это въ бѣдствіи самое тягостное. Если бы смирились отрокъ или жена; то извинительно было бы сіе, одному по возрасту, а другой по естественной немощи. А теперь „смирися мужъ“, что превышаетъ всякую мѣру стыда. „И не претерплю имъ“. Какая угроза! Уже не о вѣчномъ ли наказаніи сказано сіе: „не претерплю имъ“? Ибо пока волховали, пока умножали себѣ чадъ иноплеменничьихъ, пока были пристрастны къ сребру, привязаны къ конямъ; оставались еще надежда и ожиданіе прощенія. Но поелику впали въ крайнее зло—въ идолослуженіе, и не сознавая собственнаго своего достоинства, воздаютъ идолу божескую честь; то „не претерплю“. И въ этомъ Благій поступаетъ благодѣтельно. Поелику прощеніе служитъ поводомъ къ разврату; то „не претерплю имъ“, чтобы скорбь довела ихъ до необходимости вспомнить о Богѣ. Такимъ образомъ то, что Богъ не потерпитъ, есть не гибельная угроза, но спасительное вразумленіе. Ибо сказано: „не отступлю отъ тебе, ниже оставлю“ (Второз. 31, 8).

(10) „И нынѣ внидите въ каменія, и скрыйтеся въ землю отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда возстанетъ сокрушити землю“. Это—новое воззваніе къ дому Іаковлеву, призывающее къ полезному. Какъ было сказано: „пріидите, и взыдемъ на гору Господню; пріидите пойдемъ свѣтомъ Господнимъ“: такъ и теперь говорится: „внидите въ каменія, и скрыйтеся въ землю отъ лица страха Господня“. Ужели найдется клеветникъ на Писаніе, который подумаетъ, что здѣсь совѣтуется кому-либо бѣжать „отъ лица страха Господня“, и скрыться въ разсѣлины каменныя? Но сказано: „камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси“ (Псал. 138, 7. 8.). И еще говоритъ Господь: „аще скрыются“ на Кармилѣ, и „оттуду возму

я"; „аще убѣгуть въ море, „и тамо повелю зміеви, и угрызеть я" (Амос. 9, 3.). Какъ же Пророкъ присовѣтовалъ употребить камень покровомъ „отъ лица страха Господня?" Но, можетъ быть, онъ разумѣетъ, что единственное избавленіе отъ золъ, какія исчислилъ выше,— войдти подъ покровъ скалы, то есть, въ твердыни вѣры во Христа, гдѣ положенъ былъ и Моисей, когда долженъ былъ видѣть Бога (Исх. 33, 22.). Туда, говоритъ Пророкъ, „внидите, и скрыйтеся въ землю", то есть, погребите сами себя. Для чего же? Да, спогребшись Ему крещеніемъ и съ Нимъ умерши, „во обновленіи жизни ходити" начнете, умерши грѣху (Рим. 6, 4. 10.). Но сличи мѣста Писанія, гдѣ говорится о камнѣ, чтобы уяснить себѣ настоящее мѣсто. „На камень вознесль мя еси" (Пс. 60, 3.). Изъ камня пилъ народъ (Числ. 20, 11.), и даже имѣлъ „медъ изъ камене" (Второз. 32, 13.). А Псалмопѣвецъ говоритъ: „камень прибѣжище заяцемъ" (Пс. 103, 18.). Чистую воду для сытости и елей для помазанія доставлялъ имъ твердый камень, по словамъ пѣсни Моисеевой (Второз. 32, 13). Посему, если войдете въ камень, то возможете избѣжать страха Господня, „егда возстанетъ сокрушити землю", когда будетъ истреблять земное и истреблять перстное, чтобы духовному даровать безпрепятственную жизнь. И такъ надобно пріуготовиться къ Его возстанію, которое будетъ со славою и крѣпостію, и такимъ образомъ попещись о себѣ самихъ.

(11) „Очи бо Господни высоцы, человѣкъ же смиренъ". Чтобы не подумалъ ты, будто бы Пророкъ совѣтуетъ тебѣ, какъ ни есть тѣлесно удалиться отъ Бога, онъ присовокупилъ: „очи бо Господни высоцы, человѣкъ же смиренъ". Для Назирающаго съ высоты ничто дольнее не сокрыто: потому что все у Него предъ взорами, и ничто не омрачаетъ Его очей. „Смиренъ же человѣкъ",—или какъ почитающій себя за ничто, по сравненію съ велелѣпіемъ Божіимъ, или какъ по умѣренности отложившій кичливое самомнѣніе, или какъ чрезъ грѣхъ низринувшійся съ прежней высоты.

„И смирится высота человѣческая". Выше человѣкъ самъ смирилъ высоту, и сталъ достоинъ осужденія. „Преклонися человѣкъ, и смирися мужъ". А здѣсь смиреніе полезно; потому что отложеніе суетнаго мудрованія, отъ превозношенія, отъ надмевающей высоты, отъ пустаго самомнѣнія возвращеніе къ свойственному себѣ достоинству, есть похвальное смиреніе. Въ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ камню, и въ землю слагаютъ тѣло свое, въ надеждѣ воскресенія со Христомъ, падаетъ неразумное превозношеніе и суетное мнѣніе о самихъ себѣ; единому же Богу восписуется ими высота.

„И вознесется Господь единъ въ день оный". Пророческое слово отсылаетъ насъ къ извѣстному и всѣми исповѣдуемому дню. „Въ день оный",—то есть, въ послѣдній изъ всѣхъ дней, котораго не пресѣкаетъ

ночь, не ограничиваетъ время, которому не полагаетъ начала и конца вещественный свѣтъ. Это день единственный, себѣ самому подобный, неподвижный, невечерній, непреемственный. Итакъ „въ день оный вознесется Господь единъ“, когда падетъ всякое горделивое мудрованіе. Вся же свѣтлость блаженныхъ силъ, хотя бы это былъ Пророкъ, или Апостолъ, хотя бы это были святыя премірныя Силы, исчезнетъ предъ избыткомъ сіяній оной Славы; потому что, по явленіи истинной высоты, все будетъ признано низкимъ. Представь сказанное по какому-либо примѣру изъ встрѣчающагося въ жизни. Пусть будетъ городъ, населенный ремесленниками, которые дневною работою едва снискиваютъ необходимое для жизни: здѣсь есть нѣсколько людей, которые достаточнѣе убогихъ до преизбытка, и бѣдные пока ихъ ублажаютъ и дивятся имъ; потомъ приходитъ въ городъ царь, богатѣйшій изъ всѣхъ царей, у котораго много золота, много серебра, много камней драгоцѣнныхъ, частію помѣщенныхъ въ царскомъ уборѣ, а частію выставленныхъ на показъ, красота и множество одеждъ безпримѣрны, множество слугъ и копьеносцевъ превышаетъ всякое число, расходы неописанны, неисчислимы верблюды и мулы, на которыхъ перевозится богатство, кони, употребляемые для услуги и для торжественныхъ шествій, убраны золотомъ и багряными покровами. Что почувствуетъ при этомъ зрѣлищѣ бѣдный тотъ народъ, который дотолѣ удивлялся преимуществовавшимъ въ немногомъ? Не устыдится ли собственнаго своего сужденія? Не станетъ ли, при сравненіи съ превосходнымъ, всѣхъ презирать, свидѣтельствовать же о славѣ и богатствѣ одного истинно богатаго? Такъ пока сокрыты высота и величіе премудрости и силы Божіей, постановленнымъ въ крайней нищетѣ многое кажется высокимъ и великимъ. Но когда явится истая премудрость и истинное могущество; тогда никто не будетъ признанъ премудрымъ и сильнымъ. Такъ нѣкогда и Моисей признавалъ себя „худогласнымъ и косноязычнымъ“ (Исх. 4, 10), потому что слышалъ говорящаго съ нимъ Бога. И Авраамъ, когда увидѣлъ Бога, исповѣдалъ о себѣ, что онъ „земля и пепелъ“ (Быт. 18, 27). Посему никто, удостоившійся взирать на благость и премудрость Божію, не станетъ себѣ или другому приписывать премудрости или силы: ибо всѣ святые подобны свѣту свѣтильниковъ, въ полный полдень затмѣваемому солнцемъ.

(12) „День бо Господа на всякаго досадителя и горделиваго“. Можетъ быть, первый грѣхъ есть досажденіе[1]) и гордыня; потому что діаволъ, сдѣлавшись досадителемъ отъ пресыщенія дарованными ему благами, отступилъ отъ Бога и отторгнулъ съ собою сопротивныя силы, говоря: „выше звѣздъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ вы-

[1]) Ὕβρις, что можно перевести также и словомъ: „превосрдство“.

сокихъ, яже къ сѣверу: взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему (Иса. 14, 13. 14). Поэтому съ сего же начинается и отмщеніе. И если кто „разгордѣвся, въ судъ“ впалъ „діаволь“ (1 Тим. 3, 6); то и осужденъ будетъ вмѣстѣ съ началовождемъ и какъ бы зиждителемъ гордыни; ибо Господь „гордымъ противится“ (1 Петр. 5, 5). Началомъ гордыни бываетъ обыкновенно презорство. Кто презираетъ и считаетъ за ничто другихъ, и однихъ признаетъ бѣдными, другихъ людьми низкаго происхожденія, иныхъ же невѣждами, тотъ вслѣдствіе такого презорства, доходитъ до того, что почитаетъ себя одного мудрымъ, благоразумнымъ, благороднымъ, богатымъ, сильнымъ; и презрѣніе служитъ для него началомъ гордыни. Ибо гордиться значитъ прилагать усиліе стать выше другихъ; а чтобы достигнуть сего, человѣкъ уничижаетъ ближняго, превозноситъ же себя самого. И презорство есть начало гордыни, и гордыня—злое порожденіе презорства. Посему и отмщеніе „на всякаго досадителя и горделиваго“; потому что сродные грѣхи и наказываются подобнымъ образомъ. Итакъ славный день Господень принесетъ съ собою отмщеніе „на всякаго досадителя и горделиваго“. Но мы бѣдные, каждый день предаваясь симъ порокамъ, и не разумѣемъ, какъ злогрѣшимъ. „Досадители [1]) царствія Божія не наслѣдятъ“ (1 Кор. 6, 10). А мы предаемся злорѣчію и злословію, не разумѣемъ, что слова, которыя теперь произношу, станутъ противъ меня въ день суда, пресѣкутъ мнѣ путь, и сдѣлаются какъ бы стѣною, чрезъ которую нельзя перейдти. Кто изъ насъ не превозноситъ самъ себя? Кто не презираетъ ближняго? Но презорство важнѣе злорѣчія. Ибо послѣднее есть безчестіе, наносимое только словомъ; а презорство имѣетъ въ виду пристыдить оскорбляемаго самымъ дѣломъ. Конечно, возможно высокому нынѣ, если захочетъ, снизойдти до смиренія смиренныхъ; и есть опасность, что смиренный нынѣ будетъ приведенъ въ возношеніе гордыхъ. Ибо самая мысль о себѣ, что дошелъ до высоты смиренія, служитъ поводомъ къ возношенію, и превозноситься надъ тѣмъ, кто, повидимому, великій грѣшникъ, есть уже страшная гордыня, какую допустилъ въ себѣ фарисей предъ мытаремъ.

„И на всякаго высокаго, и величаваго“. Тѣмъ же порокомъ одержимы „высокій и величавый“ (μετέωρος), отличаются же отъ досадителя и горделиваго только своимъ положеніемъ. Послѣдній оказываетъ презорство и гордыню предъ другими; а первый, когда и одинъ, превозноситъ самъ себя, величается и возвышаетъ себя по суетности ума. И чтобы тебѣ въ точности представить „величаваго“, вспомни, каковъ самъ ты былъ въ суетной своей юности, какъ иногда самъ съ собою составлялъ предначертанія о своей жизни и занятіяхъ, съ какимъ удобствомъ въ представленіяхъ ума восходилъ отъ чина къ чину, отъ одной начальнической должности къ другой,

[1]) Λοίδοροι, злорѣчивые.

осыпалъ себя богатствомъ, строилъ домы, откладывалъ золото и серебро, собиралъ имѣніе, которое бы въ годъ приносило столько и столько талантовъ дохода, имѣлъ у себя тысячи слугъ, всякаго рода искусства, прибыль отъ нихъ, табуны коней, стада овецъ и воловъ, выручаемыя за нихъ деньги, жену, дѣтей, внуковъ, благодѣтельствовалъ друзьямъ, мстилъ врагамъ, управлялъ городами, народами, а наконецъ и царствовалъ. Видишь, какъ, по легкомыслію, такой умъ „высокъ и величавъ“! Ни на чемъ не останавливается, но несется выше невозможнаго, выше природы. Посему и величавымъ угрожаетъ страхъ онаго дня. Сказано, что величавость есть грѣхъ. Ибо слушай, что говоритъ Господь: „и не возноситеся [1])“ (Лук. 1,2 29). И блаженный Давидъ въ числѣ добрыхъ дѣлъ поставляетъ—не величаться и не возноситься. Ибо говоритъ: „Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостѣся очи мои“ (Пс. 130, 1). Но возможно возноситься и похвальнымъ образомъ, когда ты не мелоченъ, не заботишься о низкомъ, но возвышенъ въ мысляхъ, съ великой душею и съ высокимъ умомъ украшаешься высотою добродѣтели. Та высота воли достойна одобренія, когда не унижаешься въ скорбяхъ, и презираешь земное. Такой человѣкъ имѣетъ жительство на небесахъ; его сердце горитъ любовію къ тамошнимъ сокровищамъ. И такая высота духа обыкновенно столько же различна отъ кичливаго надменія, какъ истинное здоровье отъ опухлости тѣла въ водяной болѣзни: тѣло надмевается, но не имѣетъ въ себѣ плотности и больно.

(13) „И на всякъ кедръ Ливанскій высокихъ и превознесенныхъ“. Скажутъ: что за порокъ въ кедрѣ? за что и его высота, какую имѣетъ по природѣ, подвергается взысканію? И вообще, за что слово угрожаетъ симъ днемъ кедрамъ Ливанскимъ? Никто не будетъ спорить что рѣчь идетъ объ одушевленныхъ тваряхъ, которыя надмеваются и до безумія превозносятся. Но почему же они кедры? И почему Ливанскіе? Кедры суть растенія, которыя приносятъ малополезные плоды, растутъ весьма высоко, съ теченіемъ времени непрестанно прибываютъ, не скоро старѣются и не легко загниваютъ. А Ливанъ былъ въ древности горою идолослуженія. Посему, чтобы указать намъ на обитающія тамъ погибельныя силы, Пророкъ назвалъ кедрами Ливанскими и возношенія лукавства, „взимающіяся на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 5), о которыхъ и Псалмопѣвецъ говоритъ, что „стрыетъ Господь кедры Ливанскія“ (Пс. 28, 5). Но можно разумѣть подъ кедрами тщеславные нравы въ людяхъ, превозносящихся безъ всякой достаточной причины къ надменію. Ибо и въ киченіи, или есть какая-либо правдоподобная причина, производящая превозношеніе, или оно вовсе неосновательно; напримѣръ, иной о себѣ высоко думаетъ по причинѣ воздержанія, другой—по причинѣ цѣломудрія, а иной—по причинѣ постояннаго

[1]) Μὴ μετεωρίζεσθε.

пребыванія въ молитвахъ. Худо таковый дѣлаетъ, думая о себѣ выше надлежащаго; однако же его возношеніе имѣетъ для себя основаніе. Таковый есть высокое дерево, но плодовитое. Но кто безъ всякаго добраго дѣла превозносится, или ради богатства, или знатнаго рода, или ради тѣлесной крѣпости, тотъ кедръ, гордящійся безплодною и безполезною жизнію. Но почему же онъ—кедръ Ливанскій? Потому что, какъ растенія, стоящія на горахъ, пользуются чужою высотою, такъ опирающіеся на богатство, или силу, или славу предковъ, въ предлогъ къ собственному своему превозношенію употребляютъ ни мало имъ не принадлежащее. Впрочемъ есть и похваляемые кедры. „Насытятся древа Господни [1]), кедры Ливанстіи, ихже насади“ (Пс. 103, 16). И къ славословію пріобщаются „древа плодоносна и вси кедри“ (Пс. 148, 9), въ доказательство, что по природѣ ничто не лукаво и не отчуждено Богомъ; напротивъ того, каждая тварь, по собственной волѣ, или отдаляется отъ Бога, или приближается къ Нему. Посему и на построеніе храма употребленные кедры привезены были съ Ливана; чѣмъ исторія показываетъ, что возможно отъ идолослуженія перейдти къ святынѣ. По симъ причинамъ сокрушаетъ кедръ, то, когда не отлученъ онъ отъ Ливана, то, когда оставивъ древнее, дѣлается достойнымъ освященія. Вообще же и нравы животныхъ и виды растеній берутся къ означенію различнаго произволенія въ людяхъ.

„И на всяко древо желудя Васанска“. Вотъ упоминаніе о другомъ растеніи, въ показаніе, что жизни человѣческой угрожаетъ опасность подпасть суду. Нравы жестокіе и непреклонные, на все отвѣчающіе упорствомъ и противленіемъ, и общее словоупотребленіе уподобляетъ дубу. Это дерево приноситъ и плодъ, но годный въ пищу свиньямъ. Почему Пророкъ назвалъ его деревомъ студа; потому что Васанъ берется въ значеніи студа. Посему, у кого слава плодоношенія есть стыдъ, на тѣхъ пріидетъ „день Господа“. Находимъ еще, что и идолослуженіе называется студомъ, какъ въ третьей книгѣ Царствъ. Илія говоритъ Ахаву: „и нынѣ посли, и собери ко мнѣ всего Израиля на гору Кармильскую, и пророки студные, и пророковъ дубравныхъ, четыреста мужей ядущихъ трапезу Іезавелину“ (3 Цар. 18, 19). Итакъ, поелику, „всякое древо, не творящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается“ (Матѳ. 3, 10), день Господа, какъ страшный, угрожаетъ и древамъ студа. Посему и царь Васанскій называется Огомъ; а Огъ толкуется преграда: такъ какъ студныя дѣла преграждаютъ намъ путь ко спасенію; ибо блудники, прелюбодѣи, женоподобные, мужеложники и всѣ дѣлатели студа имѣютъ надъ собою царемъ Ога, который производитъ отлученіе отъ Бога. Господь сокрушитъ его для освобожденія содержимыхъ въ его власти. „Исповѣдайтеся Господеви, яко благъ; пора-

[1]) У седмидесяти и въ Славян. пер. „польская“.

зившему цари велія, и убившему цари крѣпкія, Сіона и Ога“ (Пс. 135, 1. 17. 20).

(14) „И на всякую гору, и на всякій холмъ и на всякій столпъ высокій“. Какъ горы отличаются отъ холмовъ величиною, а во всемъ прочемъ сходны они между собою: такъ и сопротивныя силы подобны одна другой произволеніемъ, но различаются великостію неправдъ. Посему справедливо и на нихъ пріидетъ „день Господа Саваоѳа“. Что же значитъ это: „и на всякій столпъ?“ Столпъ есть высокое зданіе, пригодное для городской стражи и для узнаваній непріятельскихъ нашествій. На сей конецъ дарованъ намъ умъ—стеречь блага и предусматривать козни враговъ. Ему не нужно, ни въ себѣ самомъ, ни изъ вещей земныхъ, устроять входа на небо. Ибо Господь снисходитъ къ нему—падшему долу по причинѣ высокаго о себѣ мнѣнія, благодѣтельно и спасительно расторгаетъ его согласіе со зломъ. Для его-то построенія Господь повелѣваетъ намъ сѣсть и расчислить, „аще имамы, еже есть на совершеніе“ (Лук. 12, 28), какъ показываетъ самый образъ выраженія въ Евангеліи. Посему пророческое слово требуетъ, чтобы умъ высокомудренный, надменный, унижающій всѣхъ и ублажающій только себя, убоялся дня Господня.

„И на всякую стѣну высокую“. Опять и стѣна есть ограда, построенная для охраненія города и для отраженія непріятельскихъ нападеній. Подобнымъ образомъ есть нѣкоторыя науки, которыми ополчаетъ насъ сама истина, чтобы спасительные догматы соблюлись неодолимыми; а есть также науки, изобрѣтенныя внѣшними и годныя для огражденія лжи и охраненія суетности. Ибо сила діалектики есть стѣна для догматовъ, и не дозволяетъ расхищать и брать ихъ въ плѣнъ всякому, кто хочетъ. Посему-то стѣны Іерусалима написаны на рукахъ Господнихъ (Иса. 49, 16); а стѣны Іерихонскія ниспровергнуты Іисусомъ, разрушаемыя однимъ гласомъ (І. Нав. 6, 9). Выше осуждается только высокое, а здѣсь и то, что при высотѣ имѣетъ крѣпость. Правдоподобіе, въ доказательныхъ способахъ ученія слишкомъ усиленное и возвышенное, Пророкъ въ переносномъ смыслѣ называетъ высокою стѣною, и утвердительно говоритъ, что оно будетъ низложено въ день Господень.

(16) „И на всякій корабль морскій“. Это—загадки, предложенныя для упражненія нашего ума, чтобы мы не напрасно слушали Писаніе, и не поникали умомъ къ землѣ. Сказавъ объ умѣ высокомудрствующемъ и не увлекающемся предметами низкими, Пророкъ, сообразно съ симъ, въ томъ же видѣ прикровенной рѣчи разсуждаетъ и о тѣлахъ. Ибо день Господень страшенъ не кораблямъ неодушевленнымъ, но тѣмъ, которые чрезъ тѣло обуреваются солеными волнами сей жизни. Какъ обремененные грузомъ корабли съ трудомъ плаваютъ и легко подвергаются кораблекрушеніямъ: такъ и тѣла, которыя отъ многихъ и обильныхъ наслажденій отягощены

тучностію, и сластолюбіемъ вовлечены въ бездну погибели, называются „кораблями морскими“. Есть и достойные похвалы корабли, которые служатъ „сходящимъ въ море“ творити „дѣланія на водахъ многихъ“ (Пс. 106, 23). О нихъ въ псалмѣ славословія сказано: „тамо корабли преплаваютъ“ (Пс. 103, 26). Ибо похваляются корабли, переплывающіе море, но не остающіеся въ немъ, и не погружающіеся въ волнахъ. И живущіе во плоти, но не по плоти воинствующіе, попирая волну жизни и будучи ея выше, творятъ, „дѣланія на водахъ многихъ“, если нисходятъ въ жизнь, чтобы пріобрѣсть нѣкоторыхъ изъ погрязшихъ. За сіе они „видятъ дѣла Господня“, въ награду за свое дѣланіе пріобрѣтая разумѣніе дѣлъ Господнихъ и „чудесъ во глубинѣ“ (Пс. 106, 24).

„И на всяко видѣніе доброты кораблей“. Да слышатъ сіе заботящіеся объ украшеніи тѣла, и съ любопытствомъ предающіеся охотѣ смотрѣть на тѣло. Ибо не кораблей видѣніе вредно, но разсматриваніе тѣла, возбуждающаго похотѣніе. Посему грядетъ день Господа „на всяко видѣніе доброты кораблей“; потому что воззрѣвшій „на жену, ко еже вожделѣти ея, любодѣйствова въ сердцѣ своемъ“ (Матѳ. 5, 28); равно и жена, наряжающаяся для того, чтобы возбудить къ себѣ вожделѣніе невоздержныхъ, уже „любодѣйствова въ сердцѣ своемъ“.

(17) „И смирится всякій человѣкъ“. Симъ пророческое слово показало, что все предъидущее загадочно и прикровенно говорено было о человѣкахъ. Послѣ сказаннаго о досадителѣ и горделивомъ, о высокомъ и величавомъ, о всякомъ кедрѣ Ливанскомъ, о всякомъ древѣ желудя Васанска, о всякомъ столпѣ высокомъ, о всякой стѣнѣ высокой, о всякомъ видѣніи доброты кораблей, Пророкъ говоритъ наконецъ: „смирится всякій человѣкъ“, то есть, падутъ всѣ роды пороковъ въ людяхъ. Мы человѣки введены въ міръ сей, какъ бы въ общее училище; намъ, получившимъ умъ, имѣющимъ глаза для наблюденія, повелѣно, какъ бы по нѣкоторымъ письменамъ, по устройству и управленію вселенной, познавать Бога, чтобы желающіе заняться изъисканіемъ истины, достаточно снабженные, откуда занять для себя пособія, удостоились лицомъ къ лицу зрѣть прекрасно ими изъисканное, а далеко уклонившіеся отъ истины, самою истиною были постыждены во лжи; „занеже, разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша“ (Рим. 1, 21). Ибо умъ святыхъ не только видитъ, но и слышитъ тварь повѣдающую о славѣ Божіей. Ибо сказано: „небеса повѣдаютъ славу Божію“ (Пс. 18, 1). А не разумѣющіе ничего, кромѣ видимаго, „осуетишася, и почтоша и послужиша твари паче Творца“ (Рим. 1, 21. 25).

„И вознесется Господь единъ въ день оный“. Съ явленіемъ свѣта исчезаетъ тма, съ возвращеніемъ здоровья прекращаются мученія болѣзни: и съ показаніемъ истины природа лжи обличается. Когда познано истинно

высокое, которое выше всякаго ума высокаго и величаваго, когда постигнуто всякое умозрѣніе истины; тогда казавшееся прежде высокимъ и величавымъ представляется удобопрезираемымъ. Посему всякою разумною природою одному Богу воспишутся истинная высота и истинное величіе, и находившіеся дотолѣ въ обольщеніи отринуть ложныя мнѣнія о каждомъ предметѣ.

(18) „И рукотворенная вся скрыють, (19) внесше въ пещеры, и въ разсѣлины камней, и въ вертепы земныя, отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда возстанетъ сокрушити землю“. Поелику Писаніе нерѣдко говоритъ одинаково и о пришествіи Христовомъ во плоти и о пришествіи на судъ, а иногда о томъ и о другомъ явленіи возвѣщаетъ нераздѣльно: то думаемъ, что сказанное теперь говорится о вочеловѣченіи, хотя смыслъ настоящихъ словъ можетъ быть приложенъ къ будущему и ожидаемому; потому что по пришествіи Христовомъ отринуто попеченіе о рукотворенныхъ. Ваятели кумировъ уже не въ чести,—и что въ древности уважалось, не возбуждаетъ равнаго усердія, побросано въ пещеры, въ норы, въ самыя малоизвѣстныя мѣста. Ибо какъ скоро возсіялъ свѣтъ: увидѣли сокрывавшееся дотолѣ во тмѣ невѣдѣнія, увидѣли дерево древомъ, камень камнемъ, уже не обольщаясь наложенными на нихъ чертами, но признавая въ нихъ то, что они по природѣ. Страшно для демоновъ спасительное для цѣлаго міра пришествіе Христово; и они оставили нынѣ пресловутыя мѣста, на которыхъ производилось обольщеніе: нѣтъ уже Дельфъ, нѣтъ прорицалищъ; молчитъ прорицатель; Кастальскую воду пьютъ, и остаются цѣломудренными; бѣжалъ Амфіарей; не стало Амфилоха, исчезли кумирницы; и невидимыя силы удалились „отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его“.

Съ того времени, какъ именуется крестъ, обращены въ бѣгство идолы. Но идолъ есть также и всякое напечатлѣваемое въ душѣ представленіе понимаемаго ложно—о Богѣ ли то, или о чемъ-нибудь познаваемомъ. И доколѣ не уразумѣваются дѣйствія и явленія истины, дотолѣ каждый чтитъ собственные свои кумиры. Но когда явились высота и превосходство дѣйствительно истиннаго; тогда каждый, осудивъ свои мнѣнія, какъ порожденія души ложно представлявшей, старается истребить ложныя понятія, какъ бы скрывъ ихъ въ пещерахъ и вертепахъ; наконецъ, изъ самаго дѣйствія усматриваетъ, что страшенъ Богъ, и что по истребленіи всего вещественнаго и какъ бы по сокрушеніи земнаго, дабы открылось духовное, долженъ истребиться и образъ перстнаго, да явится образъ Небеснаго. Почему и тѣ, которые имѣютъ ложныя понятія о Богѣ, идолотворя въ себѣ какое-то мысленное идолослуженіе, не существующее почитаютъ существующимъ, и они дѣлаются повинны клятвѣ, въ которой сказано: „проклятъ всякъ человѣкъ, иже сотворитъ изваяніе и сліяніе, мер-

зость Господеви, дѣло рукъ художника, и положитъ е въ сокровенїи“ (Второз. 27, 15).

(20) „Въ день бо оный изринетъ человѣкъ мерзости своя сребряныя и златыя, яже сотвориша, да покланяются суетнымъ и нетопыремъ, (21) Еже внити въ вертепы твердаго камене, и въ разсѣлины камней, отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости Его, егда востанетъ сокрушити землю“. Въ предъидущихъ словахъ Пророкъ говоритъ, что идолы скрыты, а теперь говоритъ, что они изринуты; потому что сперва должно устыдиться лжи, а потомъ изринуть ее изъ сердца. Посему серебряныхъ идоловъ извергаетъ тотъ, кто въ сокровенностяхъ ума истребляетъ понятія со всѣмъ правдоподобіемъ устрояющія ложь; а золотыхъ извергаетъ тотъ, кто уничтожаетъ въ мысли составившіяся отпечатлѣнія лжи. Нетопырямъ же покланяется, кто боготворитъ пребывающую во тмѣ сродную демонамъ силу: ибо нетопырь есть животное, которое любитъ ночь, живетъ во тмѣ, не терпитъ солнечнаго сіянія, населяетъ мѣста пустынныя. Но каковы демоны? Не таковы же ли? Не виновники ли опустѣнія, не бѣгаютъ ли истиннаго свѣта, просвѣщающаго весь міръ? Нетопырь — изъ рода пернатыхъ, и однако же не имѣетъ крыльевъ, но летаетъ по воздуху съ помощію плотяной перепонки. Таковы и демоны: они безплотны, но не окриляются Божественнымъ желаніемъ, а какъ бы оплотянѣли, прилѣпившись къ вещественнымъ вожделѣніямъ. Нетопырь—вмѣстѣ птица и четвероногое, но не можетъ надежно стоять на ногахъ, и не имѣетъ твердаго полета. Таковы и демоны: они не Ангелы и не человѣки; Ангельскій чинъ погубили, а человѣческой природы не имѣютъ. Нетопыри имѣютъ и зубы, которыхъ нѣтъ у птицъ. И демоны мстительны, чего не дѣлаютъ Ангелы. Нетопыри не несутъ яицъ, какъ птицы, но родятъ прямо живыхъ дѣтей. Таковы и демоны,—тотчасъ же, съ великою скоростію, совершаютъ лукавыя дѣла. Посему о поклоняющихся демонамъ въ переносномъ смыслѣ сказано, что они покланяются „нетопыремъ“. Но когда человѣкъ отвергнетъ суету идольскую и перестанетъ покланяться нетопырямъ; тогда постарается „внити въ вертепы твердаго камене, и въ разсѣлины каменей“. Думаю, что вертепы суть многія обители, какія назначаются каждому по мѣрѣ вѣры во Христа. А разсѣлины каменей—страданія Христова тѣла, гдѣ желаютъ найдти прибѣжище спасаемые, чтобы укрыться подъ покровомъ Христовымъ.

„Оставите человѣка, емуже есть дыханіе въ ноздряхъ его: яко въ чемъ вмѣнися имъ [1])? Въ спискахъ извѣстнаго изданія сего не полагается, но положено въ Еврейскомъ, и внесено изъ другихъ. Смыслъ словъ таковъ: пощадите человѣка, не вступайте съ нимъ въ борьбу и не ополчайтесь противъ него: онъ такого и столько слабаго устройства, что жизненное дыха-

[1]) Αὐτοῖς ; у Седм. чит. οὗτος (сей).

ніе имѣетъ въ ноздряхъ; и если немного удержать его, человѣкъ лишается жизни. Кажется, что Пророкъ тѣмъ силамъ, которыя въ переносномъ смыслѣ назвалъ онъ нетопырями, повелѣваетъ прекратить, наконецъ, свои козни противъ человѣковъ, которые немощны по плоти, но драгоцѣнными почитаются у Бога; почему никакое покушеніе противъ нихъ не остается безъ взысканія.

Глава 3.

„Се Владыка Господь Савао̀ѳъ отъиметъ отъ Іудеи и отъ Іерусалима крѣпкаго и крѣпкую“ (1); послѣ того, какъ Іудейскій народъ совѣщалъ лукавый совѣтъ противъ Господа, Который распятъ ими „отъ немощи“ плотской, оживъ же „отъ силы“ Бога Отца (2 Кор. 13, 4), оставилъ имъ немощь; ибо сказалъ: „умрете во грѣсѣхъ вашихъ“ (Іоан. 8, 24); а намъ даровалъ силу воскресенія; ибо сказалъ: „вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ“ (Іоан. 11, 25). Невѣрные изнемогаютъ невѣріемъ по причинѣ креста; а праведные съ увѣренностію говорятъ: „вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ“ (Филип. 4, 13). Посему не имѣющій Христа—Божія силы, не имѣетъ крѣпости. Поэтому „Господь отниметъ отъ Іерусалима и отъ Іудеи крѣпкаго и крѣпкую“—какова была Сарра укрѣпляющаяся и начальствующая даже надъ Авраамомъ, по заповѣди Господа, Который говоритъ: „вся елика аще речетъ тебѣ Сарра, слушай гласа ея“ (Быт. 21, 12); каковы: Ревекка, по страннолюбію почерпающая воду и укрѣпляющаяся по добродѣтели; Деввора предводительствующая войсками; Іаиль мужающаяся, Анна услышанная и Елисавета пророчествующая. Нѣтъ уже ни крѣпкихъ мужей, ни крѣпкихъ женъ. Присовокуплена и причина немощи; потому что нѣтъ у нихъ „ни крѣпости хлѣба, ни крѣпости воды“. Какъ тѣла наши укрѣпляются сродными имъ яствами, такъ и для души есть нѣчто питательное, и доставляетъ ей силу на доброе. Что же это такое? То, о чемъ Господь сказалъ: „плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво“ (Іоан. 6. 55). У кого нѣтъ этого, у того нѣтъ „крѣпости хлѣба и крѣпости воды“; а гдѣ яства слабы, тамъ по необходимости таковы же должны быть и питаемые ими.

Но да не будетъ того, чтобы Церковь страдала грѣхами Іерусалима, и чтобы у ней отняты были крѣпкій во всякомъ дѣлѣ благомъ и въ словѣ за истину, крѣпкій въ постахъ, крѣпкій въ молитвахъ, крѣпкій въ искушеніяхъ, крѣпкій въ терпѣніи, въ смиренномудріи, и въ главизнѣ заповѣдей — въ любви, а равнымъ образомъ и крѣпкая въ нерастлѣніи, въ честности, въ милостынѣ, въ неусыпности молитвъ, въ трудахъ бдѣнія. Да не отнимется у ней „крѣпость хлѣба и воды“, пособіе самой питательной силы слова, какъ у Іудеевъ оскудѣла крѣпость духа пророческаго, и они томятся жаждою слова, желая слова Божія, и не имѣя его; потому что Гос-

подь отнялъ у нихъ „крѣпость хлѣба и крѣпость воды“. Есть и у насъ нѣкоторая пища, которая не сообщаетъ крѣпости, но не допускаетъ и умереть и какую Павелъ предлагаетъ еще младенцамъ о Христѣ, Коринеянамъ. Есть „зелія“ — пища немощныхъ (Рим. 14, 2); есть и твердая пища, пригодная совершеннымъ, „имущимъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла“ (Евр. 5, 14). И если когда Церковь не имѣетъ преподающихъ ученія твердыя, сильныя и исполненныя ума Божія; это признакъ, что у ней отнята „крѣпость хлѣба“. Но есть и въ водѣ крѣпость и немощь, по слову Господа: „всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки: піяй же отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки“ (Іоан. 4, 13). Какъ предварительно принимаемъ твердую пищу, а жидкая служитъ для сухой какъ бы колесницею, и ведетъ ее къ раздробленію; такъ бываетъ и съ душевною пищею. Мысль есть первая и самая свойственная душѣ пища, и слово дѣйствительностію своею пролагаетъ путь наставленіямъ, производитъ усвоеніе мысли. Должно же отверсть очи, чтобы насытиться сего хлѣба и воды. Ибо сказано: „отверзи очи твои, и насыщайся хлѣба“ (Притч. 20, 13). И въ книгѣ Бытія говорится, что отверзлись очи Агари, и увидѣла воду (Быт. 21, 19).

(2) „Исполина, и крѣпкаго, и человѣка ратника, и судію“. Наименованіе: исполинъ, находимъ здѣсь взятымъ въ добромъ значеніи, что развѣ рѣдко гдѣ еще встрѣчается; какъ напримѣръ: „возрадуется яко исполинъ тещи путь“ (Пс. 18, 6). Итакъ отниметъ „исполина“. „Исполинами“, какъ думаю, называются тѣ, которые отъ природы имѣютъ нѣкоторыя преимущества, и по тѣлесному устройству многихъ превосходятъ въ усвоеніи себѣ познанія или въ подвигѣ добродѣтели; „крѣпкими“ же именуются тѣ, которые собственнымъ своимъ стараніемъ и размышленіемъ усовершили въ себѣ природныя дарованія. У Іудеевъ нѣтъ „ратниковъ“, потому что ихъ не вносятъ въ воинскіе списки; у нихъ нѣтъ „судіи“, потому что они преданы судіямъ, плѣнившимъ ихъ, и оскудѣлъ вождь отъ Іуды. Впрочемъ все, что угрожало имъ за невѣрность Господу, можетъ случиться и съ нами, если будемъ не покорны. И у насъ оскудѣютъ „ратники“, воспріемлющіе на себя всеоружіе Господне и мужественно противостоящіе кознямъ діавольскимъ, когда возобладаетъ нами невѣріе, и предадимся противникамъ. Но будемъ молить Господа, да не отнимается у насъ „ратникъ“, мужъ оградившійся бронею вѣры, возложившій на себя шлемъ спасенія, чтобы покрыть главную часть своего тѣла, укрѣпившій ноги свои во уготованіе благовѣствованія; „ратникъ“, у котораго готовъ обнаженный мечъ наказать всякое преслушаніе, который вообще, „яко добръ воинъ Христовъ, злопострадалъ за Евангеліе, не обязавшись куплями житейскими, да Воеводѣ угоденъ будетъ“ (2 Тим. 2, 3. 4).

Но Церковь имѣетъ и „судей“, которые могутъ примирять брата съ

братомъ, которые судятъ міръ, и будутъ судить Ангеловъ (1 Кор. 6, 2. 3). Если же когда умножатся „суесловцы и умомъ прельщени, учащіи, яже не подобаетъ, развращающіи вся домы, сквернаго ради прибытка“ (Тит. 1, 10. 11), а въ Церкви нѣтъ никого, кто заграждалъ бы таковымъ уста, и низложилъ ихъ „возношенія, взимающіяся на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 5); то должно знать, что она оставлена за умноженіе ея преслушанія. И если „нѣсть мудръ ни единъ, иже можетъ разсудити между братій“, но, по недостатку святыхъ, судятся „предъ невѣрными“ (1 Кор. 6, 5); и это есть признакъ оставленія, ибо отнялъ Господь и „судію“.

„И пророка, и смотрѣливаго“. Всякое пророчество у Іудеевъ — до Іоанна; а съ Іоанна оно оскудѣло, и у нихъ нѣтъ духовно постигающаго намѣреніе Закона, „по ослѣпленію“, которое „бысть Израилеви“ (Рим. 11, 25). Но и въ Церкви есть дарованіе пророческое ради Положившаго въ Церкви „первѣе Апостоловъ, второе Пророковъ“ (1 Кор. 12, 28). Посему, если когда войдутъ въ нее невѣрные и невѣжды, и не будутъ обличены и испытаны; и это есть признакъ оставленія. Ибо сказано: „аще пророчествуете, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми, истязуется отъ всѣхъ, тайная сердца его явлена бываютъ“ (1 Кор. 14, 24). Итакъ тотъ „пророкъ“, кто по откровенію Духа предсказываетъ будущее; а тотъ „смотрѣливый, кто, съ помощію своего разумѣнія, изъ сличенія подобнаго, основываясь на опытѣ временъ предшествовавшихъ, заключаетъ о будущемъ, разсуждая такъ: если будемъ дѣлать дѣла Содомскія, то потерпимъ наказаніе подобно Содомскому; или „если покаемся, какъ Ниневитяне, то подобно имъ будемъ помилованы.

„И старца“. Въ числѣ угрозъ находится и отнятіе „старца“; такъ какъ присутствіе его доставляетъ не малую пользу; будетъ ли симъ старцемъ человѣкъ удостоенный какого ни есть начальства и сопричисленный къ пресвитерству, или и носящій на себѣ образъ старца неукоризненно, особенно же не прикасавшійся къ женѣ. Но если кто, по закону Господню, дѣйствительно „единыя жены мужъ, чада имый вѣрна, не во укорении блуда, или непокорива, не себѣ угождающъ, не гнѣвливъ, не піяница, не сверностяжателенъ, но страннолюбивъ, благолюбецъ, цѣломудренъ, преподобенъ, праведенъ, воздержен, держащійся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати во здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличати“ (Тит. 1, 6—9); то онъ—„старецъ“, котораго Господь отнимаетъ у грѣшнаго народа; отнимаетъ какъ „крѣпкаго и крѣпкую“, какъ „крѣпость хлѣба и крѣпость воды“, какъ „человѣка ратника“, какъ „судію“, такъ и „старца“. Посему когда увидишь, что иные достойны сопричисленія къ „старцамъ“, но скрываются, или пренебрежены, а вмѣсто ихъ возведены недостойные; знай, что у этого народа Господь отнялъ „старца“. А какой потребенъ торжникъ, чтобы не укрылся отъ него искусный въ этомъ, Богъ

показалъ сіе великому рабу Своему Моисею, довѣривъ ему избраніе таковыхъ „старцевъ“. Ибо говоритъ: „собери Ми седмьдесятъ мужей отъ старецъ Израилевыхъ, ихже ты самъ вѣси, яко тіи суть старцы людстіи: и да приведши ихъ ко скиніи свидѣнія, и да станутъ тамо съ тобою. И уйму отъ духа, иже въ тебѣ, и возложу на ня: да подъимутъ съ тобою устроеніе людей сихъ, и не будеши водити ихъ ты единъ“ (Числ. 11, 16). Надобно же, чтобы они были преклонны возрастомъ, съ теченіемъ жизни искусились во многомъ, и въ цвѣтѣ своей сѣдины показали твердость нравовъ, ибо „слава старымъ сѣдины“ (Притч. 20, 29). Если же и въ юномъ возрастѣ найдется старческій образъ мыслей; не должно презирать дара, но вѣрить тому, кто говоритъ: „сѣдина есть мудрость человѣкомъ“ (Премудр. 4, 9); потому что дѣйствительно „старцемъ“ дѣлаетъ не столько бѣлизна волосъ, сколько старческій образъ мыслей. А можетъ быть, того же требуетъ и Писаніе: „предъ лицемъ сѣдаго востани, и почти лице старчо“ (Лев. 19, 32). Ибо если кто, подобно мудрому Даніилу, юнъ тѣломъ, но старъ умомъ, то справедливѣе — предпочесть его тѣмъ, которые, какъ Вавилонскіе старцы, „обетшалые злыми денми“ (Дан. 13, 52), имѣютъ развратное изволеніе при тѣлесной сѣдинѣ. Посему на Даніила, который былъ отрокъ и весьма юнъ по чувственному возрасту, но имѣлъ по образу мыслей духовную сѣдину, снисшло дарованіе старчества; ибо не солгали говорившіе: „гряди, сяди посредѣ насъ, яко тебѣ даде Богъ старѣйшинство“ (50). Такимъ образомъ случается иногда, что юные оказываются достойными большей чести, нежели старцы, живущіе нерадиво и безпечно. Посему Іудейскіе старцы лжеименны. Ибо отнялъ Господь отъ народа ихъ, какъ „человѣка ратника и пророка“, такъ „и старца“. Церковь да молится, чтобы не былъ у нея отнятъ „старецъ“, достойный сего именованія. А какъ это важно, видимъ на Авраамѣ. Хотя въ предшествовавшихъ родахъ считаются многіе жившіе долѣе его: „поживе“ Адамъ „девятьсотъ и тридесятъ лѣтъ“ (Быт. 5, 5), и „поживе“ Маѳусалъ „девятьсотъ и седмьдесятъ [1]) лѣтъ, и умре“ (Быт. 5, 27), и поживе Ной девятьсотъ [2]) лѣтъ; но ни одинъ изъ нихъ не названъ старцемъ, а Авраамъ „старецъ“, по свидѣтельству Сарры, которая говоритъ: „не у было ми убо доселѣ, господинъ же мой старъ“ (Быт. 18, 19). И онъ былъ старъ, потому что душу его покрыла сѣдинами добродѣтель.

(3) „И пятьдесятоначальника“. Господь Саваоѳъ угрожаетъ отнять у Іудеевъ вмѣстѣ съ прочими и „пятьдесятоначальника“. Что подъ симъ разумѣя? Подъ частію разумѣя цѣлое, говоритъ, что допуститъ прійдти у нихъ въ безпорядокъ всему благоустройству и управленію; потому что ты-

---

[1]) По славянскому переводу „девятьсотъ и шестьдесятъ девять лѣтъ“.

[2]) По Сл. пер. „девятьсотъ пятьдесятъ (Быт. 9, 29).

сященачальники, стоначальники, пятьдесятоначальники и десятоначальники поставлены были Моисеемъ по совѣту Іофора, чтобы на себѣ несли попеченіе о народѣ, и приняли на себя меньшіе суды для имѣющихъ нужду въ судѣ. И Іудеямъ изречена угроза, что такой порядокъ управленія будетъ у нихъ отнятъ. Посему Пророкъ угрожаетъ, что отнимется у нихъ „пятьдесятоначальникъ“, какъ и „человѣкъ ратникъ“, и „судія“, и „смотрѣливый“, и „пророкъ“, и „старецъ“.

„И дивнаго совѣтника“. Въ жизни человѣческой весьма нуженъ и полезенъ совѣтъ, потому что никто не можетъ самъ одинъ удовлетворить себѣ во всемъ, но имѣетъ нужду въ помощникахъ, еще болѣе при избраніи полезнаго, чѣмъ при отправленіи тѣлесныхъ дѣйствій, такъ что человѣкъ не имѣющій совѣтника подобенъ кораблю безъ кормчаго, предоставленному на произволъ туда и сюда порывающихъ вѣтровъ. Если же при разсмотрѣніи чего либо маловажнаго беремъ совѣтниковъ; то какъ не искать намъ „дивныхъ совѣтниковъ“, когда идетъ дѣло о душѣ и о полезномъ для души? Посему, какъ скоро Іудеи составили лукавый совѣтъ, какъ бы имъ предать Господа, Господь отнялъ у нихъ „дивнаго Совѣтника“, совѣтамъ Котораго дивились (ибо „дивляхуся о ученіи Его“, Матѳ. 22, 33), но не слѣдовали наставленіямъ. Какъ же не дивенъ „Совѣтникъ“, Который вмѣсто закона: „око за око“, совѣтуетъ, если кто „ударитъ въ десную ланиту, обратить“ ему „и другую“ (Матѳ. 5, 39), также не гнѣваться, не судиться, не имѣть вожделѣнія къ гнусному, никого не почитать врагомъ, но любить ненавидящихъ, не заботиться о тлѣнномъ, не превозноситься умомъ, не просить у Бога маловажнаго, имѣть сердце на небеси, туда перенеся свои сокровища, пребывать съ Богомъ, быть братолюбивымъ, сострадательнымъ, общительнымъ въ томъ, что имѣетъ у себя, нечистоту поставлять не въ пищѣ, но въ сердцѣ и въ произволеніи? Сего-то „Совѣтника“, подающаго такіе Божественные и дивные совѣты, отнялъ у нихъ Господь за то, что не приняли Его. Посему нѣтъ у нихъ „дивнаго совѣтника“. Будемъ же молиться, чтобы и сія Церковь не лишена была „дивнаго совѣтника“, и если кому представится случай искать совѣта въ дѣлѣ нужномъ, пришедши въ въ домъ сей—общее мѣсто совѣщаній о душахъ, да найдетъ слово утѣшенія, производящее въ душахъ какъ бы нѣкій свѣтъ для отысканія нужнаго. Кто, при благомъ свѣтѣ, ходитъ по волѣ суетнаго сердца своего, тотъ подобенъ Ровоаму, который, не уваживъ спасительнаго мнѣнія старѣйшихъ, послѣдовалъ совѣту юныхъ своихъ совоспитанниковъ, и чрезъ нихъ лишился царской власти надъ десятью колѣнами.

„И премудраго архитектона“. Послѣ того, какъ у Іудеевъ отнято право пользоваться „дивнымъ совѣтникомъ“, который, какъ оказалось, есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, отнятъ у нихъ и премудрый „архитектонъ“, и сталъ Апостоломъ языковъ сей „Евреинъ отъ Еврей, по закону фарисей“

(Фил. 3, 5), — Павелъ, содѣлавшійся рабомъ Іисуса Христа, Котораго гналъ. Гдѣ же доказательство его архитектонскаго знанія? Самъ онъ говоритъ: „яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ“ (1 Кор. 3, 10), Думаю также, что и Духъ Святый архитектонствуетъ въ Церкви Божіей, по слову того же Павла, который говоритъ: „созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ“, и снабдѣваемые Духомъ „созидаетеся и растете въ церковь святую о Господѣ“ (Еф. 2, 21. 22). Итакъ отвергшихъ „дивнаго“ Совѣтника, Бога-Слово, Господь лишилъ мудраго „Архитектона“ — Духа Святаго. Посему, не имѣя „Составляющаго“ и „Счинѣвающаго“ ихъ, они отрѣшены и отдѣлены другъ отъ друга, и не могутъ чрезъ духовное созиданіе содѣлаться церковію Божіею. Будемъ же молиться, чтобы Церковь снабдѣвалась Духомъ, чтобы у насъ поставляемы были духовные „архитектоны“, каковъ Веселеилъ, котораго Богъ „наполнилъ Духомъ Божіимъ“, духомъ „смышленія и вѣдѣнія архитектонствовати во всякомъ дѣлѣ архитектонства“ (Исх. 31, 3. 4).

„И разумнаго послушателя“. Если, по слову Соломонову, „слово многоцѣнно, во ухо благопослушно“ (Притч. 25, 12); то гдѣ нѣтъ слова, тамъ нѣтъ нужды и въ слухѣ. Итакъ, поелику отнятъ „чудный совѣтникъ“, то вслѣдствіе сего отнятъ вмѣстѣ и „разумный послушатель“. Ибо гдѣ нѣтъ серебра, тамъ безъ дѣла остается и торжникъ. Но прискорбно видѣть, что, когда слово полно мыслей и разсуждаетъ объ обязанностяхъ, нѣтъ разумно сознающаго слово; потому что не имѣютъ душевнаго уха, какого требуетъ Господь для слушанія словъ Его, говоря: „имѣяй уши слышати, да слышитъ“ (Матѳ. 11, 15).

(4) „И поставлю юноши князи ихъ, и ругатели господствовати будутъ ими“. Двойное наказаніе — быть лишену благъ, и быть преданну въ худшее. Ибо послѣ того, какъ Владыка Господь отнялъ у Іудеи и Іерусалима „крѣпость хлѣба“ и „крѣпость воды, исполина“ и „крѣпкаго человѣка ратника“, и „судію“, и „смотрѣливаго“, и „пятьдесятоначальника, и „дивнаго совѣтника“, и „мудраго архитектона“ и „разумнаго послушателя“, пророческое слово угрожаетъ имъ, что насланы будутъ „юноши князи“. Такъ оно признало самымъ тяжкимъ наказаніемъ для города быть подъ начальствомъ и управленіемъ юношей, потому что юность легкомысленна и удобоподвижна на худое. Необузданныя вождѣленія, звѣрскій гнѣвъ, опрометчивость, наглость, высокомѣріе и надменность суть страсти неразлучныя съ юностію; ей свойственны зависть къ превосходному, неосновательное мнѣніе о своемъ собственномъ; безчисленный рой золъ сопряженъ съ юностію; и подчиненные по необходимости должны вкусить всѣхъ этихъ золъ, потому что пороки начальниковъ служатъ бѣдствіемъ для подчиненныхъ. „Поставлю юноши князи ихъ“. Блага возвѣщены въ единственномъ числѣ: „крѣпкаго“ и „крѣпкую, человѣка ратника, судію, пророка, смотрѣливаго,

пятьдесятоначальника, дивнаго совѣтника, архитектона“ и „разумнаго послушателя“; а угроза бѣдствіями возрасла до множества; „князи юноши“, и: „ругатели будутъ господствовати вами“. Подразумѣвается же не юный возрастомъ, но незрѣлый по нравамъ; ибо не тотъ во всякомъ случаѣ достоинъ порицанія, кому не много лѣтъ, но тотъ, у кого жизнь проводится въ страстяхъ, каковъ былъ Ровоамъ, о которомъ написано: „Ровоамъ былъ юнѣйшій и сердцемъ страшливъ“ (2 Пар. 13, 7). Посему и Екклезіастъ говоритъ: „горе тебѣ, граде, въ немже царь твой юнъ, и князи твои рано ядятъ“ (Еккл. 10, 16). И здѣсь называется юнымъ не тотъ, кто юнъ возрастомъ, но кто несовершенъ по душѣ. А что юность возраста не препятствіе желающему жить добродѣтельно, сіе далъ уразумѣть Господь въ словахъ къ Іереміи, говоря „не глаголати, яко отрокъ азъ есмь“ (Іерем. 1, 7). Господь не отрицаетъ, что онъ юнъ, но говоритъ, что юность для него не препятствіе, по причинѣ совершенства души, ибо „ко всѣмъ, къ нимже послю тя, пойдеши“; потому что Я, Который вижу досточестность сокровенной сѣдины, усмотрѣлъ, что ты старъ по образу мыслей.

„Ругатели же будутъ господствовать“ надъ тѣми, которые представили себя рабами грѣху. Ибо если общій всѣхъ врагъ содѣлываетъ ихъ господиномъ; не какъ собственными своими пользуется онъ, но пренебрегаетъ какъ чужими. Общій нашъ противникъ уловленнаго въ сѣти грѣха предаетъ позору, издѣваясь и превозносясь надъ нами; даже не надъ нами только, но и надъ Господомъ нашимъ, отъ Котораго сдѣлалъ насъ отступниками, и обнаруживая нашу гнусность, не перестаетъ водить за собою въ торжествѣ плѣнниковъ и ругаться надъ покорившимися. Поелику самъ онъ созданъ на поруганіе; сказано: „сіе есть начало созданія Господня: сотворенъ поруганъ быти Ангелы Его“ (Іов. 40, 14); и Псаломъ говоритъ: „змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему“ (Псал. 103, 26); то, обративъ противъ насъ, что долженъ терпѣть самъ, господствуетъ надъ нами ругаясь. Посему сознавшій въ себѣ грѣхъ, внушенный ему діаволомъ, говоритъ: „яко ляджія моя наполнишася поруганій (Псал. 37, 8). И почти какъ Самсонъ, чрезъ блудъ сдѣлавшійся добычею иноплеменниковъ и ослѣпленный ими, доведенъ былъ до поруганія; такъ и всякій, кого ослѣпитъ грѣхъ, бываетъ поруганъ чуждыми. О сихъ „ругателяхъ“ Господь не угрожаетъ, что Самъ поставитъ ихъ, какъ „юноши князи“, но говоритъ, что они сами собою будутъ господствовать, что каждый своими дѣлами навлечетъ на себя ихъ господство. Посему, можетъ быть, за то, что распинатели будутъ ругаться надъ Господомъ при крестѣ, Іудеи преданы были новому владычеству, владычеству Римлянъ, и надъ ними стали господствовать „ругатели“, не имѣющіе у себя истины. Если увидишь, что въ Церкви управляютъ злонамѣренно искажающіе ученіе и лицемѣрные лжецы; то знай, что надъ нею

„господствуютъ ругатели“, которые „благими словесы“ и правдоподобными рѣчами обольщаютъ простосердечныхъ.

(5) „И нападати имутъ людіе, человѣкъ на человѣка, и человѣкъ на ближняго своего“. Явно, что Пророкъ говоритъ о событіяхъ, предшествовавшихъ послѣднему взятію Іерусалима, послѣ котораго Іудеи разсѣяны. Не въ пророческихъ гаданіяхъ предлагаетъ слово, но открыто и ясно описываетъ сіи событія, когда, нападая другъ на друга, наполнили они городъ мятежемъ и убійствомъ, когда самые враги, обложившіе городъ, не побудили ихъ къ необходимому единомыслію, но, находясь въ крайности, такъ что городъ почти уже былъ взятъ, стѣны разрушены, враги вторгались, по любоначалію и желанію первенствовать они наступали другъ на друга. И подверглись сему отъ того, что у нихъ отняты были „пророкъ“, и смотрѣливый“, и „старецъ, и дивный совѣтникъ“, поставлены же „юноши князи“, и „господствовали надъ ними ругатели“.

„И приразится отроча къ старцу и безчестный къ честному“. Пророкъ описываетъ отличительныя свойства смятенія; ибо мятежу свойственно, что ничего не различаютъ, и дитя негодуетъ на старца, и нападаетъ на его правила, и безчестный, опозоривъ себя страстію безчестія, желаетъ, чтобы его почитали болѣе достойнымъ уваженія, нежели честнаго. Но боюсь, не простирается ли это и на насъ; не о настоящемъ ли времени сіи пророчества, когда дѣти, юныя возрастомъ, и еще болѣе юныя нравами, „приражаются“ къ пресвитерамъ церковнымъ, не допуская ихъ до священнодѣйствій и не сохраняя подобающаго церковнаго благочинія. А когда жившіе порочно вооружаются противъ добрыхъ правителей, тогда безчестные возстаютъ на честныхъ. И не ежедневно ли видимъ людей, которые выходятъ изъ мѣстъ піянства, чревоугодія, разврата, и начинаютъ разсуждать о Богѣ и судить досточестныхъ въ народѣ?

(6) „Яко имется человѣкъ брата своего или домашняго отца своего, глаголя: ризу имати, началовождь намъ буди, и брашно мое подъ тобою да будетъ“. Ясно, что и это относится ко времени Іудейскаго порабощенія, когда томимые голодомъ до того, что стали поядать другъ друга, покарялись они тѣмъ, которые, по ихъ мнѣнію, имѣли изобиліе, прося ихъ быть начальниками. „Ризу имаши, началовождь намъ буди“. Истинный начальникъ познается не по внѣшнимъ знакамъ, каковы: порфира, хламида и діадима, но по тому, имѣетъ ли онъ начальническія доблести. Ибо подчинившійся сластолюбію, водимый различными вождѣленіями, какъ рабъ грѣха, не способенъ начальствовать. Здѣсь во свидѣтельство способности начальствовать берутся не душевныя украшенія, но облекающая одежда. Но будемъ молиться, чтобы начальники церквей и вожди народные имѣли о себѣ свидѣтельство не во внѣшнемъ одѣяніи, и не въ наружномъ видѣ, но въ самой истинѣ. и мы могли бы сказать: не потому что внѣш-

ность твоя украшена, и удалось тебѣ достаточно прикрыть себя личиною благочестія, но потому что Богъ облекъ душу твою „въ ризу спасенія и одежду веселія“ и возвеличилъ тебя всякимъ богатствомъ, „началовождь намъ буди“, чтобы отъ обилія въ словѣ, мудрости и дѣлахъ благихъ при твоемъ служеніи могли мы обрѣсти себѣ богатство духовныхъ наслажденій. „И брашно мое подъ тобою будетъ“, то есть, „житомѣріе“ въ твоей будетъ власти.

(7) „И отвѣщавъ въ день оный речетъ: не буду твой началовождь, нѣсть бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы“. Пророческое слово еще намекаетъ на случившееся, какъ извѣстно изъ исторіи, во время мятежа, и изображаетъ крайній упадокъ народа, такъ что у нихъ насильно возводятся въ начальники не имѣющіе у себя и одной ризы. А сіе показываетъ смутное положеніе дѣлъ во время мятежа, такъ что не по согласію и единодушію всѣ устремляются на избраніе способнаго начальствовать надъ ними, но каждый берется за перваго встрѣчнаго, и избираетъ не достойнаго, но близкаго себѣ, не того, кто въ состояніи спасти, но кто превосходитъ его родомъ. Ибо сказано: „имется человѣкъ брата своего, или домашняго отца своего“. Да не будетъ сего въ разсужденіи начальствъ церковныхъ, чтобы встрѣчный бралъ встрѣчнаго, хотя бы онъ не имѣлъ брачнаго одѣянія, былъ лишенъ приличнаго украшенія, бѣденъ духовными брашнами, и въ домѣ своемъ, то есть, въ сокровенности сердца своего, не имѣлъ истиннаго и живаго хлѣба, который можетъ укрѣпить сердце человѣка. А теперь боюсь, что, какъ во время Іудейскаго мятежа были люди, по сознанію своей нищеты почитавшіе себя недостойными начальствовать надъ другими, такъ напротивъ въ настоящее время иные, и не облекшіеся во Христа и „во утробы щедроты“, по Апостолу (Кол. 3, 12), если кто возмется за нихъ, не откажутся, а если и никто не возмется, во множествѣ будутъ втѣсняться, и окажется много самопоставленныхъ соискателей власти, гоняющихся за настоящимъ блескомъ и не предвидящихъ будущаго суда. Но не таковъ былъ Моисей; а напротивъ того во всемъ благопокоренъ и благопослушливъ. Посылаемый къ народу, онъ говоритъ: „молюся ти, Господи, избери иного, егоже послеши“ (Исх. 4, 13). А симъ произвелъ онъ, что Богъ какъ бы усильнѣе сталъ понуждать его; ибо самымъ отреченіемъ и исповѣданіемъ своей немощи показывалъ, что онъ достоинъ начальства. Посему прекрасно правило: „не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды (Іис. Сирах. 7, 6). Впрочемъ, пророческое слово извѣщаетъ, что насильно избираемые мятежниками въ начальники не вовсе отрекались, потому что не просто говорили: „не буду началовождь“, но съ присовокупленіемъ: „не буду людемъ симъ началовождь“, и сказывали тому причину.

(8) „Яко оставленъ бысть Іерусалимъ, и Іудея паде, и языкъ ихъ со беззаконіемъ, не покаряются Господеви“. Ибо Іерусалимъ, который рука Господня доселѣ связывала союзомъ общенія, теперь оставленъ и отверженъ. И „Іудея паде“, по отнятіи ея опоры. И не таковы ли бѣдствія? Не приложено ли какое стараніе благоугодить Богу, или какое попеченіе о покаяніи, чтобы отъ сего была надежда на прекращеніе золъ? Напротивъ того, „языкъ ихъ, не покаряются Господеви“, и не просто не покаряются, но: „со беззаконіемъ“. Поелику сердце чуждается Бога и не покорно закону Божію; то языкъ ихъ, который долженъ день и нощь поучаться въ законѣ Господнемъ, противорѣчитъ и не покаряется. Итакъ надъ чѣмъ же, говоритъ, буду начальствовать? Надъ Іерусалимомъ? Но онъ отверженъ и оставленъ. Надъ Іудеей? И она не устояла, но „паде“. Надъ приносящими раскаяніе? Но они не покаряются языками своими. Итакъ, можетъ быть, по прежней ихъ славѣ, досточестно надъ ними начальствовать?

Но (9) „смирися“, говоритъ Пророкъ, „слава ихъ, и студъ лица ихъ противу ста имъ“; то есть, у нихъ нѣтъ и дерзновенія возвести очи свои къ Богу, потому что грѣхъ ихъ не маловаженъ, но справедливо можетъ быть поставленъ на ряду съ грѣхомъ Содомлянъ; они не тайно и не со стыдомъ содѣлали его, но, какъ бы восхищаясь лукавыми дѣлами, всѣмъ его возвѣщали и открывали, какъ и Содомляне, устремясь въ беззаконныя удовольствія, не прикрывали своего разврата благосличными рѣчами; ибо говорятъ: „гдѣ суть мужіе вшедшіи къ тебѣ? Изведи я къ намъ, да будемъ съ ними“ (Быт. 19, 5). Сему грѣху подражали Іудеи, потому что грѣхъ свой, какъ Содомскій, возвѣстили и открыли. Встрѣчающій сіе въ исторіи, которая пересказываетъ бѣдствія, предшествовавшія паденію Іерусалима, удивится ясности пророчества. Посему двѣ основательныя причины къ отреченію у принужденныхъ начальствовать надъ народомъ,—собственная своя неспособность и затруднительное положеніе дѣлъ, когда народъ почти неисправимъ отъ великаго преумноженія грѣховъ. То и другое заключаетъ въ себѣ настоящее пророческое слово. О собственной неспособности отрекающійся отъ начальствованія говоритъ: „нѣсть бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы“; неисцѣльность же народа видна изъ словъ: „не буду началовождь людемъ симъ, яко оставленъ бысть Іерусалимъ, и Іудея паде, и языкъ ихъ со беззаконіемъ, не покаряются Господеви: грѣхъ же свой, яко Содомскій, возвѣстиша и явиша“. Ибо Содомлянъ не могъ спасти одинъ, но нужно было, чтобы, по крайней мѣрѣ, десять праведниковъ умолили о нихъ.

„Горе души ихъ, зане умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ (10) рекше: свяжемъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть: убо плоды дѣлъ своихъ снѣдятъ“. Когда Пророкъ уже увидѣлъ, что народъ его,

подобно Содомлянамъ, не стыдится грѣховъ, и впадаетъ въ нихъ, не только не скрываясь и не таясь, но еще съ безстыдною дерзостію, и хвалится гнусными дѣлами; тогда, оплакивая его, говоритъ: „горе души ихъ, зане умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ, рекше: свяжемъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть“. Замыслы противъ праведныхъ обращаются на главу замышляющихъ, какъ стрѣлы, ударившись о тѣла твердыя и упругія, отскакиваютъ къ тѣмъ, кѣмъ онѣ пущены. Посему Пророкъ говоритъ: „умыслиша совѣтъ лукавый на себе самихъ, рекше: свяжемъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть“. Сіе сдѣлали Іудеи въ пришествіе Господа; ибо, связавъ Его, привели къ Каіафѣ. Связали руки благодѣтельствующія, не терпя пришествія Правды, потому что Она обращала въ ничто ихъ лукавства. Ибо правда „непотребна“ неправеднымъ, какъ солнце больнымъ глазамъ. Посему Пророкъ говоритъ: „плоды дѣлъ своихъ снѣдятъ“. И вотъ плоды дѣлъ ихъ: плѣненіе, разсѣяніе, разореніе храма, утрата прежней славы, студъ лица ихъ, не позволяющій имъ возвести взоръ къ Богу, по причинѣ грѣха противъ Единороднаго. Итакъ они утратили прежнее дерзновеніе, не имѣя у себя ни пророковъ, ни богослуженія, связавъ-же Слово, связавъ Истину, связавъ Свѣтъ, связавъ Правду, связавъ Спасителя, связавъ Врача, связавъ Освободителя; такъ какъ все это для насъ—Христосъ, по различному о Немъ понятію. Они лишились Свѣта, лишились Слова, лишились Истины, живутъ въ неправдѣ, болѣзнуютъ неисцѣльно. Вотъ „плоды дѣлъ ихъ“, которые „снѣдаютъ“ они!

(11) „Горе беззаконному: лукавая приключатся ему по дѣломъ рукъ его“. Утверждаю, что сіе сказано о Божіемъ судѣ, которымъ воздается каждому по достоинству. Если же „горе беззаконному“, потому что „лукавая приключатся ему по дѣломъ его“; то ужели, кто не исполнилъ неправды на дѣлѣ, но совершилъ ее въ тайнѣ сердца, того не постигнетъ наказаніе, и не должно быть примѣнено къ нему сіе горе? Или, сказавъ о совершенномъ въ злѣ, Пророкъ тебѣ предоставляетъ заключить по сходству и о прочемъ. Ибо совершенное злонравіе—грѣшить и мыслію и дѣломъ; половина же зла, когда грѣхъ ограничивается однимъ мысленнымъ устремленіемъ. Посему согрѣшающій мыслію не останется вовсе не наказаннымъ; но въ какой мѣрѣ не полно зло, въ такой уменьшится его наказаніе. Итакъ „горе беззаконному, лукавая бо приключатся ему“ по беззаконіямъ и „по дѣломъ рукъ его“; потому что руки суть орудія мысли. Посему къ чему направлено первоначальное, къ тому же направлено будетъ и приводимое въ дѣйствіе.

(12) „Людіе Мои! приставницы ваши пожинаютъ васъ, и истязающіи обладаютъ вами“. „Людіе Мои“,—это голосъ призывающаго къ себѣ народъ и сострадущаго о бѣдствіяхъ его. Прежде нежели связали вы

Праведнаго, прежде нежели отказались вы Имъ пользоваться, что терпѣли вы? Теперь обложены вы многими долгами; потому преданы взыскивающимъ съ васъ долги. И какъ они не находятъ у васъ ни полныхъ рукоятей, ни обилія плодовъ, то пожинаютъ васъ умаленныхъ и презрѣнныхъ, собирая сокрушенные плоды душъ вашихъ. Таковы бываемъ и мы, когда приносимъ неполное, легкое и безплодное покаяніе. „Еже бо сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ“ (Гал. 6, 8). Посему, кто при добровольномъ покаяніи богато сѣетъ въ духъ милостыню, сострадательность, молитву, правду, непрестанныя слезы, тотъ, „сѣя слезами, радостію пожнетъ, вземля рукояти“ (Псал. 125, 5. 6), чтобы отдать приставнику сполна весь долгъ. А кто, при раскаяніи въ содѣланныхъ грѣхахъ, не многое сѣетъ въ милостыню и молитву, возвращая безплодную солому, тому приставникъ не дозволитъ владѣть и ею. Кто же этотъ приставникъ, знаемъ изъ Евангельскаго совѣта; ибо Господь говоритъ: „егда бо грядеши съ соперникомъ твоимъ ко князю, на пути даждь дѣланіе избыти отъ него, да не како привлечетъ тебе къ судіи, и судія предастъ тя слузѣ, и слуга всадитъ тя въ темницу“ (Лук. 12, 58). Возьми здѣсь во вниманіе соперника и путь, потомъ князя, которому подчиненъ соперникъ твой. Путь—это жизнь наша; а соперникъ—это сила намъ противоборная, преслѣдующая жизнь, изобрѣтающая всѣ способы совратить насъ съ пути ведущаго къ Богу; и князь—это князь міра сего, о которомъ Господь сказалъ: „нынѣ грядетъ князь міра сего, и во Мнѣ не обрящетъ ничесоже“ (Іоан. 14, 30). Но ничего не обрѣлъ въ Господѣ, потому что онъ „грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его“ (1 Петр. 2, 22); не обрѣлъ въ Господѣ, „искушенномъ по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха“ (Евр. 4, 15). Когда же обрѣтетъ въ насъ многое; привлекши многими путами своихъ грѣховъ, какими связали мы сами себя, предастъ Судіи. А Судія, Которому „Отецъ даде судъ весь“ (Іоан. 4, 15), пріявъ насъ, обличенныхъ „врагомъ и мѣстникомъ“ во многихъ винахъ, „предастъ слузѣ“, который приставленъ при наказаніяхъ: „и онъ всадитъ“ насъ „въ темницу“, то есть, въ мѣсто мученія, взыскивая съ насъ, и подвергая насъ тяжкимъ бичеваніямъ, за самыя малыя прегрѣшенія, которыя ставили мы ни во что. Посему-то Господь совѣтуетъ, пока мы въ пути еще съ противникомъ, позаботиться о томъ, чтобы избавиться отъ него, то есть, дѣлать все служащее къ избавленію отъ врага, а не дожидаться, когда будемъ приведены, когда наступитъ послѣдній часъ, въ который, занявшись нами, произведетъ изслѣдованіе князь, и если въ жизни нашей найдетъ много своего, передастъ насъ Судіи, обличая и не позволяя отреченій, но напоминая и о мѣстѣ, гдѣ содѣлали мы грѣхъ, потому что онъ былъ вмѣстѣ съ нами, и содѣйствовалъ намъ въ худомъ, и о томъ, какъ производили его, и съ какимъ рас-

положеніемъ мы грѣшили. И такъ, мы властны въ дѣлахъ своихъ, постараемся избавиться отъ соперника!

„И истязающіи обладаютъ вами“. Истязающіе бѣдныхъ, на которыхъ много долговъ, влекутъ ихъ въ рабство. Посему прекрасное дѣло—не быть въ долгу, а второе послѣ него—не быть не въ состояніи заплатить долгъ; въ противномъ случаѣ совершенно необходимо содѣлаться рабомъ, когда будутъ объявлены взысканія. Сіе-то выразилъ Пророкъ словами: „приставницы ваши пожинаютъ васъ, и истязающіи обладаютъ вами“.

„Людіе Мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ“. Имѣющіе князьями „юношей, находящіеся подъ господствомъ „ругателей, пожинаемые“ приставниками, по несостоятельности къ уплатѣ отводимые въ рабство и по чрезмѣрной бѣдности потерявшіе свободу заслуживаютъ болѣе сожалѣнія, нежели ублаженія. Посему, кто ублажаетъ такихъ людей, тотъ береть на себя дѣло льстеца, угождая сверхъ надлежащаго, вводитъ въ заблужденіе и причиняетъ немалый вредъ, лишая ихъ сознанія грѣховъ; а у вводимыхъ въ обманъ ублаженіемъ незаслуженнымъ, и „стезя ногъ ихъ возмущается“. Потому-то скорби внушаютъ смиреніе, а ублаженіе производитъ надменность. Пророкъ сказалъ вообще: „людіе“, показывая тѣмъ, что не сей только народъ, доведенный до униженнаго состоянія и претерпѣвающій неисчисленныя страданія, но и вообще всякій народъ, такъ какъ общество, собранное изъ людей различныхъ званій, возрастовъ и образовъ жизни, не можетъ въ равной мѣрѣ принимать одинаковое ублаженіе. Разныя, различнымъ образомъ, и каждаго свои бѣдствія изнуряютъ: одного многотрудная старость, другаго невыгоды рабства, инаго нищета, однихъ потеря близкихъ, другихъ болѣзни. Но можетъ ли быть не обманчиво ублаженіе, усвояемое цѣлому народу? Господь въ словѣ о блаженствахъ выражаетъ, правда, множество: „блажени нищіи духомъ“, и: „блажени алчущіи“, и: „блажени плачущіи“ (Матѳ. 5, 2—6); но тѣмъ, что простираетъ рѣчь къ присутствующимъ, даетъ разумѣть удобоисчисляемость ублажаемыхъ. Ибо ясно, что Онъ велъ рѣчь объ ученикахъ, которые научились похвальному смиренномудрію, и чрезъ подражаніе Ему, насъ ради обнищавшему, воспріяли на себя нищету въ мудрованіи. Посему-то Онъ говоритъ: „ваше есть царствіе небесное“, и: „блажени алчущіи нынѣ, яко тіи насытятся“ (Матѳ. 5, 3. 6). Если же тѣсенъ путь, и „мало есть, иже обрѣтаютъ его“ (Матѳ. 7, 14); то возможно ли многимъ быть ублажаемыми? Посему называющій блаженнымъ цѣлый вообще народъ вводитъ его въ заблужденіе и смущаетъ, не давая ему идти мирно. Невнимательныхъ легко уловить пристрастіемъ къ похваламъ, когда каждый по самолюбію удобно увлекается оболщеніями лести. Человѣку же умѣ-

ющему всѣмъ пользоваться, когда подпадетъ обвиненіямъ, не надобно унижать себя и отступать назадъ по сей одной причинѣ; а при похвалахъ, какъ незнающему себя самого, не должно надмеваться и кичиться. Поелику же стезя есть путь протоптанный и пройденный предшественниками; кто отстающимъ въ ревности отъ идущихъ впередъ не даетъ прійти въ скорбное чувство, но ублажаетъ согрѣшающихъ, какъ будто они во всемъ исправны, тотъ „возмущаетъ стезю ногъ ихъ“.

(13) „Но нынѣ устроится Господь на судъ, и поставитъ на судъ люди Своя“. Божіимъ судомъ и разумомъ, съ неисповѣдимою мудростію, каждому по достоинству удѣляется все подаваемое и нынѣ, и въ будущемъ вѣкѣ. Посему говоритъ Пророкъ, поелику народъ столько беззаконновалъ, то Господь и навелъ на него такія бѣдствія. Поелику о Божіемъ правосудіи надлежало какъ бы показать, что множество наказаній не превышаетъ мѣры беззаконій; то сказано: „но нынѣ устроится Господь на судъ“, чтобы словомъ „нынѣ“ отличить сіе отъ будущаго вѣка. Или, можетъ быть, хотя наше „нынѣ“ означаетъ непримѣтную и неотдѣлимую часть времени, но для Бога все заключается въ одномъ представленіи „нынѣ“; потому что у Него нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, но все настоящее, и ожидаемое нами въ отдаленности усматривается Божіимъ окомъ какъ уже присущее, такъ что Божіе „нынѣ“ сообъемлетъ и будущій вѣкъ. Итакъ, поелику, относительно къ Богу, не далеко и опредѣленное время суда, то полагаю, что слово: „нынѣ“, относится ко всеобщему суду. „Устроится“ же „на судъ“, раскрывая законы Своего правосудія, по которымъ производится правдивое воздаяніе, соразмѣрно самымъ дѣламъ, такими наказаніями, что и сами осужденные согласятся произнесенный надъ ними судъ признать справедливѣйшимъ.

„И поставитъ на судъ люди Своя“, народъ Израильскій („елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ и судъ пріимутъ“ (Рим. 2, 12), а не прочіе народы („елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ“; и: „нечестивіи не востанутъ на судъ“ (Псал. 1, 5), но на осужденіе). У всякаго же законодателя судъ надъ судимыми по закону, имъ писанному, состоитъ въ сличеніи поступка и намѣренія законодателя. Посему и Господь говоритъ: „слово, еже глаголахъ, то само судитъ вамъ“; потому что помыслы, и зовущій ко грѣху, и внушаемый Господомъ, востаютъ другъ противъ друга. Ибо, по слову Осіи, „объидутъ каждаго совѣти его“ (Осіи 7, 2); потому что всѣ дѣла вдругъ увидимъ въ памяти какъ бы предстоящими предъ нами, и появляющимися предъ взоромъ ума, каждое въ собственномъ его образѣ, какъ что было сдѣлано, или сказано. Поелику же Господь показалъ, что въ попеченіи о народахъ, Имъ принятыхъ, совершено вполнѣ все отъ Него требовавшееся; то говорится, что Онъ побѣждаетъ на судѣ съ нами. Не должно думать, что много потратится

времени, пока каждый увидитъ себя и дѣла свои; и Судію и слѣдствія Божія суда, неизреченною силою, во мгновеніе времени представитъ себѣ умъ, все это живо начертаетъ предъ собою, и во владычественномъ души, какъ бы въ зеркалѣ, увидитъ образы содѣланнаго имъ.

(14) „Самъ Господь на судъ пріидетъ со старѣйшины людей и съ князи ихъ“. Какое-то сильнѣйшее движеніе изображаетъ пророческое слово, сказавъ: „самъ Господь на судъ пріидетъ“. Ибо о народѣ сказано: „устроится Господь на судъ, и поставитъ на судъ люди Своя“; о старѣйшинахъ же и князьяхъ говорится: „самъ Господь на судъ пріидетъ“. И во-первыхъ, сказано сіе въ наученіе наше, что будемъ судимы каждый въ своемъ чинѣ—и народъ, и старѣйшины, и князья. Ибо „малый достоинъ есть милости: сильніи же сильнѣ истязани будутъ“ (Прем. 6, 7). Но также очевидно, что идущій на судъ пріидетъ не судить, но судиться; потому что не судіѣ прилично идти на судъ къ подсудимымъ, но подсудимые должны собраться къ судіѣ.

Пришедшій же на судъ съ ними тотчасъ упрекаетъ ихъ, говоря обличительно: „вы же почто запалисте виноградъ Мой, и разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ“ (15) „Почто вы обидите людей Моихъ“? Подумаемъ, старѣйшины и князи народные, что будемъ отвѣчать Обличающему. Но станемъ лучше молиться, чтобы не нашлось въ насъ ничего подобнаго и достойнаго обвиненія. Ибо очевидно, что слово сіе относится къ намъ, которые или состоимъ въ пресвитерствѣ, или, пользуясь высшею почестію, начальствуемъ надъ народомъ. Я ввѣрилъ вамъ „виноградъ плодовитъ, весь истиненъ“ (Іерем. 2, 21), чтобы онъ подъ вашимъ попеченіемъ приносилъ должные плоды; а вы не только привели его въ запустѣніе, но и зажгли. И это бываетъ, когда не только не учимъ должному, но еще допускаемъ въ винограде запаленіе нечестія, которое подобно пламени разливается всюду и непрестанно охватываетъ съ нимъ смежное. Кто зеленѣвшія доселѣ и плодовитыя лозы дѣлаетъ сухими, некрасивыми и безплодными, и кто не только не угашаетъ страстей, бывающихъ въ насъ отъ возженныхъ стрѣлъ діавола, но распутствомъ жизни производитъ то, что многія страсти раждаются сами собою, тотъ „запаляетъ виноградъ“. Но „запаляетъ виноградъ“ и тотъ, кто глупою любостяжательностію возбуждаетъ во многихъ пожеланіе чужаго. Посему Пророкъ присовокупляетъ: „и разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ“. то есть, и тѣ, которые хищеніемъ и насиліемъ собираютъ неправедное стяжаніе, также подаютъ причину къ „запаленію винограда“, когда худой примѣръ начальниковъ обучаетъ весь народъ, быть любостяжательными относительно другъ къ другу. Итакъ обвинены будемъ въ этомъ мы, старѣйшины и князи, которые не воздѣлываемъ винограда здравымъ ученіемъ и благими примѣрами своей жизни. Не безъ основанія будетъ

намъ сказано и сіе: „и разграбленіе убогаго въ домѣхъ вашихъ“, если подаваемое для упокоенія бѣдныхъ удерживаемъ въ домахъ своихъ, лишая сего нуждающихся.

(15) „Почто вы обидите людей Моихъ, и лице убогихъ посрамляете?“ Обидчики и грабители, когда обиженные на нихъ жалуются, имѣютъ обычай посрамлять ихъ, и злословіями оказывать имъ презрѣніе, угрожать побоями, и разглашать, что они любятъ мѣшаться въ чужія дѣла. Посему не сказалъ только: „обидите нищаго“, котораго, по одиночеству его, всякому не трудно ограбить и уловить, но „и посрамляете лица убогихъ“; то посрамленіе, которое за неправду падаетъ на васъ, своимъ самовластіемъ обращаете вы на бѣдныхъ, подучая свидѣтелей, подкупая ходатаевъ по дѣламъ, обольщая судей, лжа, сверхъ прочихъ неправдъ, не доведете бѣдныхъ клеветою до посрамленія. Но и другимъ образомъ дѣлаемся мы виновными, когда жестоко нападаемъ на бѣдныхъ за одинаковые съ нашими проступки, разглашая ихъ ошибки, не щадя никакой укоризны, но показывая бѣднымъ Божію ревность, и тѣмъ „посрамляя лица ихъ“. А посему есть и ублажаемые нищіе, которые богочестія ради все презрѣли, и въ надеждѣ на богатство по Богу пренебрегали мірскимъ обиліемъ; то худо начальствующіе надъ народомъ, которые не ублажаютъ такъ обнищавшихъ, но клевещутъ на нихъ, ставятъ ихъ ни во что, и унижаютъ похвальное ихъ смиренномудріе, по справедливости, и особливо если они старѣйшины и князи, обвиняются въ томъ, что „посрамляютъ лица“ святыхъ нищихъ. Таковъ былъ нищій Іоаннъ, который не имѣлъ у себя ни дома, ни раба, ни вола орющаго, ни поля, ни ложа, ни трапезы, ни хлѣба. Таковъ былъ Илія; таковъ каждый изъ святыхъ, которые „проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени“ (Евр. 11, 37).

(16) „Сія глаголетъ Господь: понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, кунно ризы влекущія, и ногами кунно играющія“.

(17) „И смиритъ Богъ начальныя дщери Сіони“. Хотя пророческое слово главнымъ образомъ означаетъ нѣчто важнѣйшее, но вмѣстѣ слова сіи, и сами по себѣ взятыя, заключаютъ въ себѣ полезное и замѣчательное для народа; потому что обуздываютъ жизнь нецѣломудренныхъ женщинъ, которыя и въ наружности, и во взглядахъ, и въ поступи, и въ одеждѣ, выказываютъ наклонность къ любодѣянію. Когда, высоко думая о красотѣ тѣлесной, превозносятся онѣ предъ прочими, прибѣгаютъ къ пустой пышности и надмеваются тѣмъ, что скоро увядаетъ и исчезаетъ: тогда „высоко“ носятъ голову, чтобы лица ихъ всѣмъ были видимы. Женщина честная и благонравная, отъ стыдливости потупляясь въ землю, имѣетъ лице наклоненное внизъ; а имѣющая въ виду—сѣтями красоты

уловить многихъ, „ходить высокою выею. И помизаніемъ очесъ“. Это укоризна женщинѣ, которая дышетъ любодѣйствомъ; она смотритъ любопытнымъ окомъ, вольность сердца выказываетъ во взглядѣ, улыбается, вызываетъ взорами на блудъ, разливаетъ изъ глазъ какой-то тлетворный ядъ—нѣчто подобное тому, что разсказываютъ о василискѣ, который, какъ говорятъ, однимъ взглядомъ умерщвляетъ, на кого посмотритъ. Посему справедливо негодуетъ слово на ходящихъ „высокою выею“, то есть, съ безстыднымъ лицемъ, и съ „помизаніемъ очесъ“. Но „высота выи“ есть признакъ непокоренія подъ иго цѣломудрія; а ходить, влача за собою одежду, походку имѣть неестественную, но свободно пріученную къ неблагопристойнымъ движеніямъ, есть признакъ женщины надменной и сладострастной. За сіе-то „смиритъ Богъ начальныя дщери Сіони“. Поелику не избрали смиренія добровольно, но ходили „высокою выею, то смиритъ дщери Сіони“. Еще и нынѣ во многихъ мѣстахъ можно видѣть Іудейскихъ женщинъ, играющихъ ногами каждаго и не вразумляющихся пророческимъ словомъ. О когда бы не надлежало обвинять въ томъ же и дщерей Церкви! Ибо многія толпами, въ глазахъ приходящихъ для слышанія Божія слова, въ праздничные дни, не зная духовнаго веселія, предаются непристойнымъ играмъ, срамятъ себя козлогласованіемъ и піянствомъ, не соблюдая заповѣди, которая говоритъ: „очи твои право да зрятъ“ (Притч. 4, 25); кося и повертывая въ сторону глаза, даютъ тѣмъ разумѣть свое лукавое произволеніе. „Помизаніе очесъ“ осуждается во многихъ мѣстахъ; такъ въ Притчахъ о человѣкѣ худо жившемъ замѣчено, что онъ „помизаетъ окомъ, и знаменіе даетъ ногою“ (Притч. 6, 13); и еще: „помизаяй окомъ съ лестію собираетъ мужемъ печали“ (Притч. 10, 10); также: „ненавидящіи мя туне, и помизающіи очима“ (Псал. 34, 19). Подобныя обвиненія простираются иногда и на мужчинъ, которые въ кичливомъ самомнѣніи гордятся предъ низшими, хвалятся наружностію, помаваніемъ бровей выказываютъ кичливость, при гордой и медленной поступи ходятъ мѣрно, спускаютъ одежду до пятъ, чтобы показать свою надменность, и предаются неумѣреннымъ играмъ; и которымъ угрожаетъ паденіе, то есть, уничижительное сверженіе съ высоты.

„И Господь открыетъ наружность [1]) ихъ“. Сію наружность горделивую, ведущую къ изнѣженности и ко всякому нецѣломудренному помыслу, внушаемую сердцамъ неосторожнымъ, „открыетъ Господь“, когда, при обнаруженіи тайныхъ, снимутся плотскіе покровы, и душа будетъ выставлена на позоръ обнаженною, какова она сама въ себѣ съ

---

[1]) Τὸ σχῆμα; по другимъ чтеніямъ: σίσχύνωμα, какъ и въ Славянскомъ переводѣ: „срамоту“.

срамотою дѣлъ. Иногда и здѣсь еще совершается откровеніе наружности къ пользѣ тѣхъ, съ кѣмъ сіе бываетъ; дабы по обнаженіи того, что дотолѣ отъ многихъ скрывалось, по приведеніи въ общую извѣстность грѣховнаго безобразія, устыдившись обращались тѣ, которые дотолѣ, по причинѣ скрытности, пребывали во злѣ. Посему дѣло Господа—открыть накладную и притворную наружность. И если кто изъ насъ, удостоенныхъ чести, прикрываетъ личиною нечестную жизнь; то да боится Того, Кто „открыетъ“ нашу наружность, и объявитъ наши совѣты сердечные, такъ что худые помыслы каждаго человѣка выставлены будутъ предъ взоры всѣхъ. Ибо „объидутъ“ каждаго изъ насъ, „совѣти его“, и окружатъ дѣла съ собственными ихъ признаками, нанося намъ стыдъ и вѣчную укоризну, когда обличится, что они противны ученію, и проповѣдающій не красть найденъ будетъ татемъ, учащій не прелюбодѣйствовать уличенъ будетъ, что имѣлъ „участіе“ съ прелюбодѣемъ, гнушающійся идолами окажется не удержавшимся отъ святотатства. Ибо нѣтъ ничего тайнаго, что не объявилось бы, и ничего сокровеннаго что не открылось бы (Лук. 8, 17).

(18) „Въ день онъ отъиметъ Господь славу ризъ, и красоты ихъ“. Поелику онѣ вопреки приличію пользовались тѣмъ, что дано имъ въ употребленіе; то „отъиметъ Господь славу ризъ“ ихъ, въ которыя одѣвались онѣ на вредъ себѣ и встрѣчающимся съ ними. Посему всякой женщинѣ, которая во зло употребляетъ облеченіе въ одежду, угрожаетъ отъятіе. Поелику „ходиша“, говоритъ Пророкъ, „купно ризы влекущія“, не столько пользуясь, сколько злоупотребляя одеждою; то имъ повелѣно обнажиться „славы ризъ“. Отниметъ и у насъ „славу ризъ“, если окажется, что не достойно ее употребляемъ, но попираемъ, и сквернимъ плотскими нечистотами. Какая же это риза, какъ не одѣяніе Святыхъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ? „Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ (Гал. 3, 27). Сію-то ризу отъиметъ Господь у тѣхъ, которые грѣхами попираютъ Тѣло, и „Кровь завѣтную мнятъ скверну“ (Евр. 10, 29). Символами сея ризы были неветшавшія ризы Израильтянъ, по написанному во Второзаконіи: „не обетшаша ризы ваша, и сапози ваша не сотрошася на нозѣхъ вашихъ“ (Втор. 29, 5); потому что сапоги были символами уготованія благовѣствованія мира. Ибо новый завѣтъ, какой далъ Христосъ Іисусъ, пребываетъ новымъ и никогда не старѣется. Чѣмъ долѣе употребляемъ сію ризу и сіи сапоги, тѣмъ новѣе они дѣлаются; и въ насъ, съ преуспѣяніемъ вѣры во Христа, происходитъ непрестанно обновляемое и новое уготованіе благовѣствованія.

„И тресны ризныя“. Господь угрожаетъ чрезъ Пророка отнять у женщинъ, любящихъ наряды, и „тресны ризныя“. Слово κεσύμβοι (тресны) очень не часто встрѣчается въ употребленіи у Грековъ, потому и

значеніе его неизвѣстно. Впрочемъ, при устроеніи первосвященнической одежды находя „ризу тресновату“ (χιτῶνα κοσυμβωτὸν), имѣющую „пугвицы и звонцы“, думаю, что „тресны“ (κοσύμβοι) суть какія нибудь плетенія бахрамы, висѣвшія по краямъ вмѣстѣ съ золотыми „звонцами и пугвицами“ (Исх. 28, 4. 33. 34). Симъ-то подражали, по излишеству роскоши, и дочери Сіона въ украшеніи собственной своей одежды, и чрезъ это ругались надъ святительскими преимуществами, нося гіацинтовыя и червленыя сборки бахрамы висящія на подолѣ.

„И луницы гривенныя (19) и гривну[1]), и красоту лица ихъ“. Пророкъ описываетъ подробно женскіе уборы, порицая излишество убранства. Ибо отниметъ Господь „и луницы гривенныя, и гривну“. Яснѣе выразилъ другой слово: „луницы“, сказавъ: (μναιάκας) ожерелья, и вмѣсто „гривны“ употребивъ слово: (χαλαστά) цѣпи. Посему „луница“ есть золотое шейное украшеніе, сдѣланное въ видѣ круга, которое возлагая на себя женщины стараются показать обнаженную шею и безстыдно выказать то, что всего приличнѣе скрывать. И „гривна“ есть нѣкоторое украшеніе, спущенное также внизъ, сходящее по груди, висящее въ видѣ тонкихъ цѣпей; и чтобы оно было видно, непремѣнно нужно не закрывать грудь, вопреки тому, чего требовало бы благоприличіе. „И красоту лица ихъ“. Есть нѣкоторыя краски, употребляемыя женщинами для украшенія лица, бѣлая, алая и еще черная. Одна придаетъ ложную бѣлизну тѣлу, другая цвѣтетъ румянцемъ на щекахъ, а черная луновидно описываетъ бровь надъ глазами. И сіе самое Господь угрожаетъ отнять, чтобы не было окрадываемо, какъ говорятъ, цѣломудріе мужей, и чтобы этимъ живописаніемъ не были увлекаемы жалкія очи юношей. Или тогда отнимается это, когда все предъ Судіею предстанетъ обнаженнымъ, когда поникнетъ бровь, унынie явится на щекахъ, поблѣднѣетъ лице отъ страха. Итакъ отниметъ Господь „и красоту, и состроеніе красы славныя“, какъ бы отниметъ и вещество украшающее, и самое изобрѣтеніе искусства. И поелику невозможно столько превозноситься однимъ украшеніемъ и приходить отъ него въ киченіе, но, при соединеніи всѣхъ вмѣстѣ украшеній, пораждается горделивая мысль; то Господь угрожаетъ отнять и „состроеніе красы“. Какова же краса, такова, очевидно, и слава красы. Но краса—тѣлесная и суетная; потому и слава красы тѣлесна и несамостоятельна.

„И обручи, и запястія[2]), и вплетенія“. Всѣ исчисленные наряды составляютъ предметъ заботъ для женщины щегольливой, то есть роскош-

[1]) Τὸ κάθεμα. Слово сіе по Славянскому тексту въ настоящемъ мѣстѣ переведено: „срачицы тонкія“; у Іезекіиля же гл. 16 ст. 11 переводится: „гривна“—что согласнѣе съ объясненіемъ Св. Василія Великаго.

[2]) Ψέλλια.

ной и разсѣянной; преимущественно же „обручи“, и названіе свое получивъ отъ роскоши [1]), можетъ быть налагались на плеча. Запястія же выставляются на видъ на краяхъ рукъ. Иногда запястія берутся и добрую сторону, напримѣръ, когда „старѣйшій дому“ украшалъ святую Ревекку (Быт. 24, 2. 22). Ибо той, которая должна была сожительствовать съ Патріархомъ, нужно было, чтобы уневѣщивающій ее обучилъ предварительно душевной дѣятельности. Посему украсилъ онъ руку золотыми запястіями, то есть, досточестными дѣлами. „Десять же златицъ вѣсъ ихъ“, потому что все соблюденіе Закона опредѣляется десятью главами; „и усерязи вѣсомъ по драхмѣ“; потому что послушанію прилично украшаться вѣрою въ единаго Бога. Но здѣсь отнимаются запястія, потому что превозносятся красотою запястій. Вообще пророческое слово показываетъ намъ, что высоко думающій о дарованныхъ ему способностяхъ лишается поддерживающаго его надзора. „Вплетеніе“ же, вѣроятно, есть нѣчто вплетаемое въ волоса, чтобы оно своею доброцвѣтностію возвышало цвѣтъ волосъ. И никто да не почитаетъ сего маловажнымъ. Мы не честнѣе Духа, чтобы пренебрегать изслѣдованіемъ реченій Писанія. Ибо знаемъ изъ Пѣсни Пѣсней, что у восхваляемой невѣсты восхваляются и „вплетенія“. Сказано: „глава твоя, яко Кармилъ, и заплетеніе главы твоея, яко багряница“ (Пѣсн. Пѣсн. 7, 5).

„И усерязи, и перстни“. Знаемъ похвальное употребленіе „усерязей“ въ обрученіи Ревекки,—символъ того, что ей въ домѣ Авраама будутъ преподаны благіе уроки объ истинѣ въ мысленномъ; но во многихъ мѣстахъ Писанія находимъ охуждаемыя „усерязи“. Во-первыхъ, видно сіе изъ того, что, когда надлежало войдти въ Веѳиль, Іаковъ приказалъ женамъ вмѣстѣ съ богами чуждыми отдать и „усерязи“ (Быт. 35, 4); потому что какъ идолослуженіе, такъ и употребленіе „усерязей“ служили препятствіемъ къ вступленію въ домъ Господень; ибо Веѳиль толкуется домъ Божій. Потомъ, въ книгѣ Исхода, Ааронъ, принужденный народнымъ мятежемъ сдѣлать идола, избралъ „усерязи“, какъ вещество годное къ приготовленію воспрещеннаго. Ибо сказано: „взяша вси людіе усерязи златы, яже во ушесѣхъ ихъ, и принесоша къ Аарону, и слія ихъ, тельца литаго“ (Исх. 32, 3. 4). И Гедеонъ, изъ плѣна Измаилитскаго взявъ у народа „усерязи, сотвори отъ нихъ ефудъ, и постави его во градѣ: и соблуди весь Израиль по немъ тамо: и бысть Гедеону и всему его дому въ соблазнъ“ (Суд. 8, 27). И теперь „усерязи“ сіи охуждаются; потому что превозносятся ими мысли дщерей Сіонскихъ.

(20) „И багряницы, и пребагряная“ [2]). Пророкъ охуждаетъ, какъ излишество, украшеніе въ одеждѣ у женщинъ любящихъ наряды, и у

[1]) Χλιδών обручъ, отъ χλιδάω, роскошествую.

[2]) Μεσοπόρφυρα, средобагряная.

которыхъ багряницею вытканы были одежды иногда до краевъ, иногда только въ срединѣ. Багряница есть символъ обмана; потому что закрываетъ естественную цвѣтность и выказываетъ свой собственный цвѣтъ, подобно людямъ, которые по наружности свѣтлы, а въ глубинѣ скрываютъ зло. И сего должно убѣгать, чтобы не преобладало оно ни въ срединѣ, ни на предѣлахъ жизни. Посему-то и багряницы запрещаетъ пророческое слово.

„И утварь храмную, (21) и свѣтлая Лаконская“. Слово показываетъ избытокъ расточительности и нещадную роскошь, „утварь храмную“, по чрезмѣрной утонченности, называя свѣтлою. Ибо стоющее великихъ издержекъ и на показъ сдѣланное имѣетъ цѣлію человѣкоугодливость. А кто одѣвается свѣтло, когда никто его не видитъ, и когда онъ одинъ у себя въ домѣ, тотъ выказываетъ весь избытокъ злоупотребленія дарованнымъ намъ на пользу. Посему-то онѣ подражаютъ въ одѣяніи Лакедемонянкамъ, которыя отказываются совершенно обнажаться во время пляски, признавая сіе безчестнымъ, но надѣваютъ на себя чрезвычайно тонкую льняную одежду, сквозь которую видно все, что надлежало скрывать отъ взора мужчинъ.

„И виссоны, и синеты, (22) и виссонъ со златомъ и синетою претыканы“. Но вотъ уже дщери Сіонскія, въ непотребной своей жизни по преизбытку роскоши ругаясь надъ святынею, носятъ подобіе святительской одежды—виссонъ и синеты, во что, какъ въ символы стихій, изъ которыхъ все составилось, облекаясь первосвященники, входили во Святая, собою умилостивляя Бога о мірѣ. Ибо виссонъ вмѣсто земли, синета вмѣсто воздуха, багряница вмѣсто воды, червленница вмѣсто огня. Но дщери Сіонскія, не довольствуясь и сими украшеніями, для разнообразія и большей многоцѣнности ткутъ ихъ вмѣстѣ съ золотомъ. „И тончицы постельныя“ [1]). Тончица, какъ кажется, есть лѣтняя одежда, которая бы и прикрывала, повидимому, и не обременяла во время зноя. Такъ изъ книги Бытія узнаемъ, что Ревекка при встрѣчѣ съ Исаакомъ одѣта была въ „тончицу“ [2]). Подъ „тончицами же“, какія теперь охуждаетъ пророческое слово, разумѣются по излишеству роскоши постилаемыя на ложахъ при возлежаніи. Но слово: κατ᾽κλιτα (постельныя) прочіе толковники не перевели, и оно отмѣчено чертою, какъ не заключающее въ себѣ никакого смысла.

(23) „И будетъ вмѣсто вони добрыя прахъ [3]), и вмѣсто пояса ужемъ

---

[1]) Κατάκλιτα, по другимъ чтеніямъ: κατάκλειστα, и по Славянскому переводу: „преиманы златомъ“.

[2]) По Слав. перев. „ризу лѣтнюю“ (Быт. 24, 65).

[3]) Κονιορτὸς точнѣе „прахъ“ (слич. Исаіи 5, 24), хотя по Славянскому тексту въ семъ мѣстѣ читается „смрадъ“.

препояшешися, и вмѣсто украшенія златаго, еже на главѣ, плѣшь имѣти будеши дѣлъ твоихъ ради". Часть роскоши составляетъ и пріятность запаха, когда напитываютъ воздухъ нѣкоторыми сожигаемыми составами, и производятъ нѣчто пріятное для своего вдыханія. Итакъ женщинамъ, утопающимъ въ удовольствіяхъ и производящимъ пріятный запахъ для обонянія, угрожающій воздастъ вмѣсто сего прахомъ. А прахъ есть тонкая земля, разсѣянная въ воздухѣ, которая, заграждая дыхательные пути, производитъ затрудненіе въ дыханіи и великую непріятность. Душа красуется, правда, „мѵромъ и ѳиміамомъ" (Притч. 27, 9), но мѵромъ духовнымъ, каковымъ былъ сказавшій: „Христово благоуханіе есмы"; и: „Богу благодареніе воню разума Его являющу нами на всякомъ мѣстѣ (2 Кор. 2, 14. 15). Таковою вонею, исходящею отъ Іакова, услаждался отецъ Исаакъ: „се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Богъ" (Быт. 27, 27). И въ Пѣсни, отроковицы, обвѣваемыя небеснымъ благоуханіемъ Слова, говорили: „въ воню мѵра твоего течемъ" (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3). И первосвятительское помазаніе было мѵро доброе и пріятное, достойное того, чтобы уподобляться братскому общенію (Псал. 132, 1, 2). Для такого міра нуженъ художникъ, пріявшій отъ Бога мѵроварное художество, чтобы содѣлать помазаніе святое, которое не взыдетъ на плоть человѣка (Исх. 30, 32). Но когда пріятность вони употребляется къ возбужденію похотѣнія, тогда пути чувства заграждаются „прахомъ", по благодѣянію устрояющаго сіе Господа. А можетъ быть, поелику въ храмѣ были сладости вони и мѵропомазанія, и „ѳиміамъ сложенія" (Исх. 35, 15), но храмъ разрушенъ и теперь въ прахѣ, ниспровергнутъ и сравненъ съ землею; то вмѣсто прежней вони сладости подзаконнаго служенія теперь онъ—прахъ ради душъ, „ходившихъ высокою" и непокорною „выею", которымъ сказано: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ" (Лук. 13, 35). Но и имъ, если захотятъ, можно отрясти прахъ, восполниться благоуханіемъ Христовымъ, по совѣту говорящаго: „истряси прахъ твой и возстани, Іерусалиме, и облецыся во славу мышцы твоея" (Ис. 52, 2, и 51, 9).

„И вмѣсто пояса ужемъ препояшешися". Препоясующійся по Богу препоясуетъ чресла истиною; каковъ былъ Петръ, воздѣвающій руки и препоясуемый на брань за Христа тѣми, которые вызывали его на смерть за свидѣтельство истины. Итакъ Святый препоясуется „силою"; ибо сказано: „Богъ препоясуяй мя силою" (Псал. 17, 33). А утративши сіе препоясаніе „препоясуется ужемъ" собственныхъ своихъ грѣховъ, потому что „плѣнницами своихъ грѣховъ кійждо затязуется" (Притч. 5, 22); и ихъ символомъ былъ бичъ „отъ вервій" (Іоан. 2, 15), изгнавшій изъ храма осквернившихъ святая, чѣмъ Господь показалъ, что для всякаго

дѣлаются бичами собственныя сплетенія грѣховъ, и каждый бываетъ біенъ „ужами“ грѣховъ, его опутавшихъ.

„Вмѣсто же украшенія златаго, еже на главѣ, плѣшь имѣти будеши дѣль твоихъ ради“. Какъ изъ чрезмѣрной заботливости о раздражающемъ обоняніе искавшія сверхъестественнаго удалились отъ естественнаго, и находя для себя нестерпимымъ дышать простымъ воздухомъ, а напротивъ того напитывая его благовонными мурами и ѳиміамами, впослѣдствіи стали вдыхать не чистый воздухъ, но смѣшанный съ прахомъ: такъ, поелику не остались при естественномъ украшеніи, то есть волосахъ, которые даны женщинамъ „вмѣсто одѣянія“ (1 Кор. 11, 15), но вплетая въ волосы какія-то вплетенія, непристойно украшали себя, то лишены и природою даннаго украшенія, и по утратѣ волосъ, этого свойственнаго и сроднаго женщинамъ украшенія, въ которое облечены онѣ самою природою, сдѣлались весьма безобразнымъ зрѣлищемъ. Ибо если гнусно для женщины стричься или бриться, то сколько гнуснѣе имѣть плѣшь, которая во зло употребляющимъ свою красоту, для ихъ же пользы, приноситъ безобразіе.

„Вмѣсто же ризы багряныя препояшешися вретищемъ“. Господь повелѣваетъ произойдти такому превращенію, все устрояя къ пользѣ любящихъ украшаться; потому что какъ багряница подаетъ поводъ къ роскоши и кичливости, такъ вретище напутствуетъ къ сокрушенію и смиренію. Ибо кто одѣтъ въ багряныя ризы, тотъ не хочетъ пасть на землю и поклониться Богу; онъ бережетъ свой нарядъ, боясь испортить цвѣтъ своей одежды; а кто одѣтъ во вретище, тотъ всякое мѣсто почитаетъ удобнымъ для своего поклоненія.

(24) „И сынъ твой добрѣйшій, его же любиши, мечемъ падетъ“. Кто будетъ воспитываться въ худыхъ нравахъ, тому гораздо полезнѣе умереть до зрѣлаго возраста, чѣмъ долѣе заражаться, перенимая порочное поведеніе родителей. Итакъ если у тебя былъ сынъ или дѣйствительно прекрасный тѣломъ, или казавшійся прекраснымъ матернимъ глазамъ; онъ умретъ въ самой зрѣлости, во цвѣтѣ возраста, и къ большему твоему бѣдствію, умретъ не своею, не естественною смертію, но насильственно, отъ руки врага, пораженный мечемъ.

„И крѣпцыи ваши мечемъ падутъ“. И терпя это, не будешь имѣть возможности отмстить. Въ несчастіяхъ и то утѣшеніе, чтобы отмстить за убитыхъ, и причинявшихъ скорбь ввергнуть въ подобныя скорби. Но у тебя не будетъ и этого; потому что всѣ возрастные умрутъ на войнѣ. останется же одинъ безполезный возрастъ, который, какъ безпомощный, безъ сопротивленія терпитъ все, что угодно врагамъ.

„И смирятся (25) и восплачутся хранилища утварей вашихъ“. Хранилища золота и серебра, дорогой одежды и многоцѣнныхъ камней,

пока заключаютъ въ себѣ сокровища, почитаются достойными заботъ и попеченія, помѣщаются въ крѣпкихъ зданіяхъ, на высокихъ мѣстахъ; и при нихъ бываютъ запоры, замки, печати, стражи, и все придуманное для безопасности и охраненія. Когда же окажутся они не имѣющими въ себѣ сокровищъ, оставляются въ пренебреженіи и опустѣніи. Воспользуемся симъ и мы, потому что души, пріявшія въ себя даръ Божія слова, содѣлались хранилищами драгоцѣнностей, достойными помѣщенія въ божественныхъ сокровищницахъ. Когда же онѣ окажутся не имѣющими божественныхъ украшеній, тогда будутъ уничижены, какъ отверженныя и признанныя безполезными. Посему-то сказано: „непотребенъ бысть Іехонія, аки сосудъ непотребенъ“ (Іерем. 22, 28). Итакъ, чтобы намъ пребыть въ Царскихъ хранилищахъ, не предадимъ татямъ многоцѣнной жемчужины, которая намъ ввѣрена!

Глава 4.

„И имутся седмь женъ за мужа единаго, глаголюще: хлѣбъ нашъ ясти будемъ, и въ ризы наша одѣватися: точію имя твое да наречется на насъ, отъими укоризну нашу“ (1).

Слово сіе въ буквальномъ смыслѣ означаетъ, кажется, малочисленность мужчинъ, вслѣдствіе войнъ, или болѣзни, постигшихъ народъ по Божію гнѣву. Посему, чтобы не быть безчадными и неплодными, что у древнихъ почиталось въ числѣ проклятій, женщины не стыдятся, если и многія взяты будутъ за одного мужа, и утѣшая мужа въ трудности имѣть попеченіе о многихъ женахъ, говорятъ: „хлѣбъ нашъ ясти будемъ, и въ ризы наша одѣватися“. Посему оставь необходимыя заботы о содержаніи; имя твое полезно для насъ тѣмъ, что избѣжимъ укоризны въ одиночествѣ.

Таковъ смыслъ буквальный; а смыслъ иносказательный ведетъ мысль нашу къ важнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Какъ бы смотрящему на что нибудь едва видимое, гдѣ многое по неясности представляется въ тѣни касательно „седми женъ“ приходитъ мнѣ на мысль нѣчто слѣдующее. Подъ словомъ „седмь“ нерѣдко разумѣются и настоящая жизнь, и плотскій Израиль. Посему время вещей сотворенныхъ наполняется седмью возвращающимися днями; вслѣдствіе чего вѣкъ, какой послѣдуетъ за теперешнимъ состояніемъ вещей, въ Писаніи называется „осмымъ“, и есть Псалмы „о осмомъ“ (6 и 11), что значитъ, о вѣкѣ, который будетъ послѣ сего времени. Но во многихъ мѣстахъ подъ словомъ „седмь“ разумѣется „и иже явѣ Іудеи“ (Рим. 2, 28), и ихъ гражданское устройство. Сказано: „даждь часть седмимъ, и осмимъ“ (Еккл. 11, 2). Ибо и ветхому и новому Завѣту надлежало имѣть какое либо свидѣтельство о

своемъ происхожденіи отъ Бога и о взаимномъ между собою согласіи. Итакъ „седмь женъ“—это ветхій Завѣтъ. „Имутся за мужа единаго“, то есть за Господа, Который не одинъ изъ многихъ, но единственъ. „Глаголюще: хлѣбъ нашъ ясти будемъ“, то есть, останемся при своей мѣрѣ существованія; потому что мы „стѣнь грядущихъ“ (Кол. 2, 17), и „образы небесныхъ“ (Евр. 8, 5). Пусть одно имя Христово наречется ветхому Завѣту, чтобы снята была съ него укоризна въ безполезности. Но и Синагога Израильская, когда умеръ Законъ, которымъ она была связана, сдѣлалась свободною, и получила право вступить въ бракъ, съ кѣмъ хочетъ, не ставъ прелюбодѣйцею; почему, пришедши къ Жениху-Слову, и какъ бы прилѣпившись къ Нему любовію, можетъ сказать: „имя Твое да наречется на насъ“.

Но иные говорятъ, что „седмь женъ“ суть седмь Духовъ, которыхъ сей же самый Пророкъ исчислитъ нѣсколько послѣ, какъ почивающихъ на Томъ, Кто процвѣтетъ отъ корени Іессеева: „Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія“ (Иса. 11, 1—3). Сіи-то Духи, поелику „вси уклонишася“, и „вкупѣ неключими быша“ (Псал. 13, 3), не имѣя на комъ почить съ любовію, пріемлютъ человѣка Господня, и совершаютъ написанное у Пророка. Ибо „Духъ вѣдѣнія и благочестія“ пребываетъ въ бездѣйствіи въ тѣ времена, когда нѣсть „разумѣваяй“, нѣсть „взыскаяй Бога“, и добродѣтелямъ обращается какъ бы въ укоризну, что нѣтъ людей прилѣпившихся къ нимъ, и сами онѣ какъ бы вдовствуютъ по недостатку пріемлющей ихъ души. Поелику никого не могутъ плѣнить своею красотою, но остаются въ одиночествѣ; то сіе, повидимому, какъ бы огорчаетъ добродѣтели. Но Имѣющій показать на Себѣ въ высшемъ совершенствѣ всѣ роды добродѣтелей снимаетъ съ нихъ укоризну. И поелику видятъ, что и не знающіе Бога заботятся о вѣдѣніи, разумѣ, совѣтѣ, крѣпости, премудрости и благочестіи, то молятъ, чтобы „наречено“ было на сихъ добродѣтеляхъ имя Христово.

(2) „Въ день оный возсіяетъ“ Господь „въ совѣтѣ со славою на земли, еже вознести и прославити останокъ Израиля“. Сіе согласно съ сказаннымъ выше. За Кого „седмь женъ“ взяты какъ за мужа, Тотъ „возсіяетъ“ какъ Господь. Поелику онѣ усильно желали, чтобы „имя“ Его „наречено“ было на нихъ; то Богъ, пріемлющій ихъ усердіе, „возсіяетъ“ на нихъ „въ совѣтѣ со славою на земли“, то есть, разсудительно и осмотрительно удѣляя благо по суду, а не безъ разсужденія и разбора. „День“ же есть тотъ, въ который „возсіяетъ Богъ со славою“; тотъ, который творитъ Самъ Онъ, „Солнце правды“ (Малах. 4, 2). Господь нашъ научающій о Себѣ, что, пока Онъ „въ мірѣ, свѣтъ“ есть „миру“ (Іоан. 9, 4); почему и увѣщаваетъ „дѣлати, дондеже день есть“. Но

должно замѣтить, что по различному образу представленія, какъ настоящая жизнь называется днемъ, а день суда—ночью, такъ и обратно, настоящее состояніе—ночью, а ожидаемый вѣкъ—днемъ. Слова: „дондеже день есть“, явно относятся къ настоящей жизни, озаряемой познаніемъ Христовымъ; а слова: „пріидетъ нощь“, сказаны о будущемъ вѣкѣ, которому дано такое наименованіе потому, что будетъ печаленъ и труденъ для обрѣтшихся во грѣхахъ. Также и Пророкъ тѣмъ, которые преданы дѣламъ лукавымъ и желаютъ, чтобы скорѣе пришелъ день воздаянія, говоритъ: „вскую вамъ день Господень? сей бо есть тма, а не свѣтъ“ (Амос. 5, 18). И наоборотъ, Апостолъ настоящую жизнь называетъ ночью, и по примѣчаемой въ ней слитности, и по тому омраченію, какое, всего чаще, производится въ умѣ плотію и житейскими заботами. „Нощь прейде, а день приближися“ (Рим. 13, 12). Итакъ въ какомъ значеніи не возмешь слово: день, „возсіяетъ Богъ въ совѣтѣ со славою на земли“, Поелику же возсіяваетъ съ разсужденіемъ, то содѣлаемъ самихъ себя достойными къ принятію Его просвѣщенія, чтобы Подающій озареніе по мѣрѣ способности каждаго, при большемъ душевномъ нашемъ усердіи, даровалъ намъ большія и совершеннѣйшія Свои блага. „И вознесетъ останокъ Израиля“, то есть, „по избранію благодати останокъ“ (Рим. 11, 5) Израиля поставитъ выше вещественнаго, и приведетъ къ созерцанію безплотнаго. А если желаешь узнать, что такое, по Писанію, та слава, которою будутъ прославлены святые; то представь себѣ священнолѣпное состояніе созерцающихъ умомъ своимъ великое и божественное, каково было состояніе Моисея, когда онъ удостоенъ видѣть Бога. Поелику же „Богъ возсіяетъ въ совѣтѣ со славою“; то къ симъ двумъ понятіямъ Пророкъ присовокупилъ другія два: „вознести и прославити“, дабы ты разумѣлъ, что возвышеніе есть дѣло совѣта, а прославленіе—славы.

(3) „И будетъ останокъ въ Сіонѣ, и останокъ во Іерусалимѣ: святи нарекутся вси написанніи въ жизнь во Іерусалимѣ.—По избранію благодати останокъ“ Израиля „нарекутся святи“; и напишутся „въ жизнь во Іерусалимѣ“ просвѣщенные пришествіемъ Бога и вознесенные славою Его. „Святи нарекутся“ тѣ, которыхъ Богъ „оставилъ Себѣ“ за подражаніе не преклонившимъ „колѣна предъ Ваалomъ“ (Рим. 11, 4). Почему же одни „въ Сіонѣ“, а другіе „во Іерусалимѣ?“ Потому что и въ спасаемыхъ есть разность; „кійждо во своемъ чину“ (1 Кор. 15, 23) пріобщится и насладится Божіихъ благъ. Поелику же спасаемыхъ мало; то Писаніе выразило сіе не во множественномъ, но въ единственномъ числѣ; не сказано: оставшіеся, но: „останокъ“. Кажется же, что остатокъ въ Сіонѣ принадлежитъ къ низшему чину, и какъ бы оставленъ позади поспѣшающими „въ предняя“; а совершеннѣйшій чинъ, по заслугѣ дѣлъ, удостоенъ вселенія въ самомъ Іерусалимѣ. Да и исторія представляетъ

намъ разность сихъ чиновъ въ томъ, что Сіонъ городъ древній и низшій, а Іерусалимъ городъ царственный, въ которомъ святыня. Но всѣ напишутся „въ жизнь во Іерусалимѣ“; и блаженъ удостоившійся написанія во Іерусалимѣ! Ибо въ ономъ Іерусалимѣ должна быть та книга живыхъ, въ которую вписываются ученики Христовы. Сказано: „радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ“ (Лук. 10, 20). Поелику же къ словамъ: „написанніи во Іерусалимѣ“, присовокуплено: „въ жизнь“; то необходимо знать, нѣтъ ли такихъ, которые написаны, но не въ жизнь, по слову Іереміи: „отступающіи на земли да напишутся“ (Іер. 17, 13). Посему сообразно съ симъ разумѣй два написанія, однихъ въ жизнь, другихъ въ погибель. А нерѣдко бываетъ и измѣненіе написанія, когда сами мы, оставивъ добродѣтель, впадаемъ въ порокъ. Ибо: „да потребятся отъ книги живыхъ, и съ праведными да не напишутся“ (Псал. 68, 29); и: „изгладі мя изъ книги Твоея“ (Исх. 32, 32), говорится какъ бы объ удостоенныхъ уже написанія въ книгѣ Божіей.

(4) „Яко омыетъ Господь скверну сыновъ и дщерей Сіонскихъ, и кровь Іерусалимску очиститъ отъ среды ихъ духомъ суда, и духомъ зноя“. Слово сіе явственно возвѣщаетъ то же, что Іоаннъ, который говоритъ о Господѣ: „Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ“; о себѣ же: „азъ убо крещаю водою въ покаяніе“ (Матѳ. 3, 11). Поелику же Господь соединилъ оба крещенія, и водою въ покаяніе, и Духомъ въ возрожденіе; то и пророческое слово подразумѣваетъ оба крещенія. И можетъ быть, и три есть понятія крещенія, какъ очищенія отъ скверны, какъ возрожденія Духомъ, и какъ огненнаго истязанія на судѣ, такъ что слово: „омыетъ“, употреблено о здѣшнемъ отложеніи грѣха, а слова: „духомъ суда“ и „духомъ зноя“, объ огненномъ испытаніи въ будущемъ вѣкѣ. Грѣхи невѣдѣнія, будучи какъ бы нѣкоторою скверною, обезображивая внѣшность души, и повреждая естественную ея красоту, имѣютъ нужду въ очищеніи чрезъ омовеніе. А грѣхи къ смерти „волею согрѣшающихъ по пріятіи разума“ (Евр. 10, 26), требуютъ знойнаго суда. Но исповѣдующійся молитъ объ омовеніи и объ очищеніи; онъ сознаетъ что беззаконіе требуетъ омовенія, а грѣхъ очищенія, говоря: „наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя“ (Псал. 50, 4). Которые вовсе не слыхали божественныхъ наставленій, и согрѣшили прежде, нежели узнали слово, тѣ какъ бы осквернены и имѣютъ нужду въ очищеніи водою. А которые, по пріятіи жизни, сами къ себѣ злокозненны, тѣ, будучи повинны крови, имѣютъ нужду въ огненномъ очищеніи. Но можно разумѣть сіе и проще, а именно, что грѣхи легкіе уподобляются какой-то скверно, а грѣхи глубокоукоренившіеся, по причинѣ расположенія согрѣшающихъ къ злу, подобны крови. А потому и говорится, что въ согрѣшающихъ кровь очищается „духомъ зноя“.

(5) „И пріидетъ, и будетъ все мѣсто горы Сіони, и вся яже окрестъ ея осѣнитъ облакъ во дни, и яко дыма и свѣта горяща въ нощи, всею славою покроется: (6) и будетъ въ сѣнь отъ зноя, и въ покровъ, и въ сокровеніе отъ жестости и дождя“. Пророкъ говоритъ, что, по очищеніи въ купѣли и по очищеніи покаяніемъ, пріидетъ время, когда всякое мѣсто освоится съ горою Сіономъ, то есть, станетъ высоко и удостоится быть мѣстомъ зрѣнія вещей небесныхъ: послѣ того какъ „имутъ за мужа седмь женъ, и возсіяетъ“ Господь „со славою въ совѣтѣ“, будетъ вознесенъ и прославленъ „останокъ Израиля“. Когда, по омытіи скверны „дщерей Сіонскихъ“ и по очищеніи крови „отъ среды ихъ нарекутся святи“; тогда окрестъ Іерусалима „осѣнитъ облакъ во дни“, такъ что доставитъ сѣнь отъ зноя и покровъ „отъ жестости и дождя“. И ночь будетъ разсѣянна горящимъ свѣтомъ, и слава будетъ какъ бы дымъ, все покрывающій собою. Думаю же, что сіе обѣщано достойнымъ упокоенія. Поелику „многи обители въ дому Отца“ (Іоан. 14, 2.), и различные жребіи назначены въ землѣ наслѣдія, которую „наслѣдятъ кротцыи“ (Матѳ. 5, 4); то явно, что иные упокоятся во свѣтлости Божія явленія, а иные подъ покровомъ небесныхъ Силъ, другіе же во славѣ свѣта закроются какъ бы дымомъ. Или, можетъ быть, самому Сіону возсіяетъ свѣтъ, а окрестъ Сіона возсіяетъ „облакъ во дни“, не отъ инаго чего происходящій, но отъ самого свѣта. Какъ дымъ бываетъ отъ огня, такъ сіе облако составляется свѣтомъ. Обитающіе подъ нимъ будутъ наслаждаться великою славою, какъ озаряемые самымъ облакомъ, которое во время зноя распространяется надъ ихъ головами, и осѣненіемъ своимъ доставляетъ пріятную прохладу, а когда прольютъ жестокіе дожди, замѣняетъ непроницаемыя завѣсы, достаточно закрываетъ собою требующихъ укрытія, и своею густотою преграждаетъ взоры. Таковъ былъ „облакъ свѣтелъ“, окружившій учениковъ при преображеніи Господа (Матѳ. 17, 5.). Поелику же стояніе и какъ бы отвердѣніе облака служатъ знакомъ тишины въ воздухѣ; то неколебимостію облачнаго покрова указывается на безмятежіе тогдашняго состоянія.

Чтобы болѣе, нежели ясно, видѣть, что значитъ быть „въ сокровеніи“ покрова, объяснимъ это слѣдующимъ примѣромъ. Кого нибудь ищутъ враги, а свои охраняютъ его въ такомъ домѣ, который трудно найдти. Надобно себѣ представить, что подобное нѣчто бываетъ со святымъ, когда покрываетъ его это божественное облако, чтобы онъ не впалъ въ руки враговъ. Столько сказано, чтобы яснѣе могли мы уразумѣть, какая помощь будетъ окрестъ Сіона оттого, что днемъ осѣняетъ ихъ облако для защищенія отъ зноя, а ночью горитъ для нихъ свѣтъ огненный, освѣщающій ихъ, днемъ же и ночью дѣлаетъ ихъ безопасными отъ злоумышляющихъ.

Глава 5.

„Воспою возлюбленному пѣснь возлюбленнаго моего винограду моему“ (1). Кажется, что всѣ пѣсни имѣють содержаніемъ особенно радостное состояніе дѣлъ. Такъ пѣснь въ книгѣ Исхода: „Поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исх. 15, 1.), есть пѣснь побѣдная; Пѣснь Пѣсней есть брачная пѣснь, сложенная лицедѣйственно. А здѣсь слово содержитъ въ себѣ угрозу, по праведному суду Божію возвѣщаемую винограду. Но и самое грозное не можетъ ли быть приличнымъ образомъ вносимо въ пѣснь, какъ скоро оно имѣетъ въ виду добрый конецъ?— Лице, возвѣщающее сію пѣснь, есть Духъ Святый; Онъ воспѣваетъ пѣснь возлюбленному винограду: но и пѣснь сія есть пѣснь возлюбленнаго. Кто же возлюбленный по естеству? Кто какъ не Единородный—сія источная Благость, къ которой все стремится, и къ которой любовь естественнымъ и неизреченнымъ образомъ впечатлѣна въ душахъ всѣхъ разумныхъ существъ? Итакъ, поелику, по слову Господню, все пріемлетъ и возвѣщаетъ намъ Утѣшитель отъ Единороднаго (Іоан. 16, 14.); то и пѣснь сію называетъ Онъ пѣснію Возлюбленнаго, какъ отъ Него заимствованную. Одно и то же, для винограда нѣкогда возлюбленнаго и кающагося, есть пѣснь, а для пребывающаго во грѣхѣ дѣлается плачемъ и горемъ, какъ видимъ и у Іезекіиля, что въ ту же книгу вписаны „и пѣснь [1]), и плачь, и горе“ (Іезек. 2, 10.). И слово Господне, призывающее къ вѣчной жизни и къ наслажденію небесными благами, было пѣснію, возбуждавшею души къ мѣрнымъ и стройнымъ движеніямъ добродѣтельной дѣятельности; а Іоаннова проповѣдь, обращавшая непокорныхъ къ покаянію, была плачемъ, который производитъ неизмѣнную печаль во спасеніе (2 Кор. 7, 10). Но нашлись Іудеи, по ожесточенію сердца, и снисходительными словами не обращаемые къ жизни, и строгими не приводимые къ раскаянію. Такъ и настоящая пѣснь заключаетъ въ себѣ и похвалу древняго ихъ благородства и промышленія о нихъ Божія, а вмѣстѣ и обличеніе настоящихъ пороковъ и угрозу—имѣющими постигнуть ихъ бѣдствіями. Впрочемъ первое не возвращаетъ сего непокорнаго народа въ свойственное ему достоинство, а послѣднее не можетъ его укротить и сдѣлать болѣе цѣломудреннымъ.

Начинается же пѣснь похвалами древняго благородства. „Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ“. Виноградомъ Пророкъ называетъ народъ Израильскій; ибо сказано: „виноградъ изъ Египта пренеслъ еси“ (Псал. 79, 9). И у Іереміи представленный подъ

[1]) Μέλος по Слав. перев. „жалость“.

тѣмъ же образомъ народъ укоряется: „Азъ же насадихъ тя виноградъ плодоносенъ, весь истиненъ: како превратился еси въ горесть, виноградъ чуждій“ (Іерем. 2, 21.)? „Въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ“. Пророкъ говоритъ о землѣ, которою владѣлъ Израиль, и которая дана была отцамъ ихъ по обѣтованію Божію. „Въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ“. Великая похвала въ немногихъ словахъ! Рогъ есть наиболѣе возвышенная и твердая часть всего тѣла; онъ придаетъ головѣ украшеніе, и вмѣстѣ служитъ оборонительнымъ оружіемъ: но онъ сухъ и безсоченъ; почему дѣти рогатыхъ животныхъ устремляются не къ рогу матери, но никѣмъ не научаемыя ищутъ сосца, мѣста влажнаго и тучнаго. Почему пророческое слово, показывая, что страна Іудейская достаточна для того и другаго, и для охраненія отъ враговъ и для пропитанія жителей, совокупило то и другое: „въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ“, то есть въ странѣ крѣпкой и питательной. А нѣкоторые при изъясненіи сего изреченія простираются до смысла болѣе глубокаго. Какъ голова рогатыхъ животныхъ первая показывается при рожденіи, а послѣдняя достигаетъ полнаго образованія, и весьма поздно получаетъ украшеніе въ выростающихъ рогахъ: такъ и Израиль, первый изъ всѣхъ народовъ призванный въ свойство съ Богомъ (ибо сказано: „быша людіе Господни часть Его, уже наслѣдія Его Израиль“, Втор. 32, 9), послѣ всѣхъ народовъ будетъ удостоенъ совершенства. Ибо, когда „исполненіе языковъ внидетъ“, тогда „весь Израиль спасется“ (Рим. 11, 25, 26).

Есть сказаніе, сохранившееся въ Церкви по неписаной памяти, будто бы Іудея первымъ обитателемъ имѣла Адама, который по изгнаніи изъ рая поселенъ былъ въ сей странѣ для утѣшенія въ своихъ потеряхъ. Потому она первая приняла и мертваго человѣка, когда надъ Адамомъ исполнилось осужденіе. Жившимъ тогда показалось новымъ это зрѣлище—головная кость, на которой распалась плоть; и они, положивъ черепъ на томъ мѣстѣ, назвали его „лобнымъ“ мѣстомъ. Вѣроятно же, и Ною не былъ извѣстенъ гробъ началовождя всѣхъ человѣковъ, и потому послѣ потопа преданъ былъ имъ этотъ слухъ. Почему Господь, изъискавъ начатки смерти человѣческой, пріялъ страданіе на такъ называемомъ лобномъ мѣстѣ, чтобы тамъ же, гдѣ тлѣніе людей получило начало, началась жизнь царствія, и чтобы смерть, какъ стала сильною въ Адамѣ, такъ обезсилѣла въ смерти Христовой. Потому и „въ розѣ“, какъ въ имѣющемъ отъ врага оборону—Крестъ Христовъ, и „въ мѣстѣ тучномъ“, какъ въ удостоенномъ послѣ рая первенства во всей подсолнечной.

(2) „И огражденіемъ оградихъ, и окопахъ, и насадихъ лозу Сорихъ [1]), и создахъ столпъ посредѣ его, и предточиліе ископахъ въ немъ“.

[1]) Въ Славян. переводѣ, какъ и у Симмаха, „избранному“; по другимъ переводамъ: „доброплодну“.

Ходъ рѣчи не вполнѣ слѣдуетъ естественному ходу дѣлъ; ибо насаждаютъ прежде окапыванія, если только подъ окопами разумѣть подпоры, поддерживающія плодъ виноградный надъ землею. Или, можетъ быть, предусмотрительный земледѣлатель, кромѣ перваго приготовленія, и все заранѣе предустроилъ, а потомъ уже приступаетъ къ насажденію?—поэтому сперва ограждаетъ, потомъ окапываетъ, а потомъ насаждаетъ виноградъ. И виноградъ не какой ни есть, но „Сорихъ“, изъ чего Симмахъ сдѣлалъ: „избранный“. Посему, какое же это огражденіе, какъ не заповѣди, которыя Богъ далъ народу до введенія въ „землю одержанія“ (Лев. 25, 24.)? Потомъ дана имъ отъ Бога сила одолѣть противниковъ и искоренить народы, прежде тамъ обитавшіе. Это Пророкъ назвалъ окопами; потому что сіе дѣлало ихъ высокими и знаменитыми, поднимало вверхъ плоды, чтобы они не падали и не всякому были доступны. За симъ слѣдуетъ насажденіе „избранныхъ“; потому что они происходятъ отъ сѣмени избранниковъ Божіихъ, Авраама, и Исаака, и Іакова. А „столпъ“, созданный „посредѣ“, очевидно есть храмъ, водруженный среди Іудеи; „предточиліе“ же—самая Синагога Іудейская; потому что точило въ собственномъ смыслѣ есть Церковь Божія, составленная изъ людей собранныхъ отвсюду; для нея воспѣты Псалмопѣвцемъ и пѣсни о „точилѣхъ“ (Псал. 8 и 80.); „предточиліе“ же есть какъ предуготовленіе съ помощію Закона, такъ и предварительное поученіе въ благочестіи. И поколику приводитъ къ единству, оно—точило; а поколику служитъ приуготовленіемъ къ совершеннѣйшему, оно—предточиліе.

„И ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе“. При насажденіи избраннаго винограда и при толикомъ попеченіи, слѣдовало бы, что принесены будутъ сладкіе плоды; ибо отъ чадъ Авраамовыхъ требуются и дѣла Авраамовы (Іоан. 8, 39). Но вмѣсто ожидаемыхъ „гроздій сотвори же терніе“, то есть вмѣсто того, чтобы возвеселить и успокоить, готовъ уязвлять, терзать и окровавлять приближающихся. Ибо кого изъ пророковъ не убили они, по сказанному въ Евангельской притчѣ (Матѳ. 21, 35)? Думаю же не за убійства только обвиняются въ томъ, что сотворили терніе, но и потому что, переставъ быть боголюбивыми, предпочли быть сластолюбцами, и житейскими заботами, какъ терніемъ, заглушили умъ. Какъ терніе не приноситъ гроздовъ, такъ и виноградная лоза—терновъ. Посему Господь говоритъ: „еда объемлютъ отъ тернія грозды“ (Матѳ. 7, 16)? Однако же Іудеи вмѣсто гроздовъ приносятъ терны.

(13) „И нынѣ, человѣче Іудинъ, и живущій во Іерусалимѣ, судите между Мною и виноградомъ Моимъ“. Если виноградъ Господень есть домъ Израилевъ, и человѣкъ Іудинъ—возлюбленное новосажденіе; то какъ же на виноградъ жалуется винограду? Или Писаніе, по неопровер-

жимости обличеній, хочетъ сдѣлать ихъ судіями себя самихъ, какъ Наѳанъ поступилъ съ Давидомъ, поставивъ его судіею собственной несправедливости? Избытокъ же человѣколюбія Богъ являетъ въ томъ, что снисходитъ въ судѣ до равенства съ рабами Своими; и вмѣстѣ доказательствомъ правды служитъ то, что подсудимые ничего не могутъ возразить противъ очевидной справедливости. „Судите“, говоритъ, „между Мною, и виноградомъ Моимъ“, и скажите, чего еще не сдѣлано споспѣшествующаго къ его плодородію?

(4) „Что сотворю винограду Моему, и не сотворихъ ему“? говоритъ Богъ. Чего еще не сдѣлалъ Я, что требовалось бы отъ Меня, касательно попеченія о немъ? Мѣсто ли не тучно и не укрѣплено? Или нѣтъ ограженія? нѣтъ окопаній? Или растеніе не самое благородное? Или нѣтъ столпа, нѣтъ предточилія, нѣтъ чего либо инаго, на что могъ бы кто указать? Но надобно думать, что Писаніе говоритъ сіе и намъ, которые, будучи призваны творить „плоды правды“ (Іак. 3, 18), отъ богатолюбія впадаемъ „въ напасти, и сѣти, и въ похоти несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель“ (1 Тим. 6, 9).

„И ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе“. Это тождесловіе нѣсколько необходимо; ибо выше передающій пѣснь сказалъ: „ждахъ, да сотворитъ гроздіе“; а здѣсь обращаетъ слово къ тѣмъ, предъ которыми судится: „судите между Мною и виноградомъ Моимъ; ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе“.

(5) „Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что сотворю винограду Моему“. Божію человѣколюбію свойственно не молча насылать наказанія, но предвѣщать ихъ, угрозами призывая согрѣшившихъ къ покаянію. Такъ предвѣщалъ Богъ Ниневитянамъ чрезъ Іону. Такъ и на согрѣшившаго Израиля не наслалъ истребленіе молча, но, возбудивъ раба Своего къ молитвѣ за народъ, предвозвѣстилъ говоря: „и нынѣ остави Мя, и потреблю“ людей сихъ (Исх. 32, 10). Подобное нѣчто узнаемъ въ Евангеліи, по поводу притчи о смоковницѣ. Ибо господинъ ея говоритъ воздѣлывателю землю: „се третіе лѣто, отнелиже прихожду къ смоковницѣ, ища плода на ней, и не обрѣтаю: посѣцы ю убо, вскую и землю упражняетъ“ (Лук. 13, 7)? Сказалъ же сіе, и въ поощреніе воздѣлывателю—имѣть попеченіе о смоковницѣ, и въ побужденіе безплодной душѣ—приносить требуемые отъ нея плоды. А сказанное нами въ большой ясности можно найдти у Іереміи; онъ говоритъ: „се яко брѣніе скудельника, тако вы есте въ руку Моею, доме Израилевъ, глаголетъ Господь. Наконецъ возглаголю на языкъ и на царство, да искореню ихъ и разорю. И аще обратится языкъ той отъ лукавствъ своихъ, то раскаюся о озлобленіяхъ, яже помыслихъ сотворити имъ. И наконецъ реку на языкъ и на царство, да возсозижду и насажду я. И аще сотворятъ лукавое предо Мною, еже

не послушати гласа Моего, то раскаюся о благихъ, яже глаголахъ сотворити имъ“ (Іерем. 18, 6—10). Такъ и здѣсь принимаемъ сіе изреченіе, не за приговоръ о томъ, что непремѣнно исполнится, но за угрозу старающагося отвратить отъ грѣха. Чѣмъ же угрожаетъ?

„Отъиму огражденіе его и будетъ въ разграбленіе: и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе“.

(6) „И оставлю виноградъ Мой, и ктому не обрѣжется, ниже покопается, и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе: и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя. (7) Виноградъ бо Господа Савао̀а домъ Израилевъ есть, и человѣкъ Іудинъ новый садъ возлюбленный: ждахъ, да сотворитъ судъ, сотворити же беззаконіе, и не правду, но вопль“. Итакъ взявъ и разсмотрѣвъ каждую угрозу порознь и вникнувъ въ смыслъ ея, изслѣдуемъ, не касается ли сказанное и насъ?

„Отъиму“, говоритъ, „огражденіе его“. Подъ огражденіемъ можно разумѣть законныя заповѣди, или Израиля, какъ говоритъ Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ: „Той бо есть средостеніе ограды разоривый, законъ заповѣдей ученми упразднивъ“ (Ефес. 2, 15). Ибо тоже самое, повидимому, служило и охраненіемъ для Израиля, и препятствіемъ къ смѣшенію и соединенію народовъ, которые, видя тяжкое иго Закона, отказывались принять ученіе благочестія. Посему „ученми“, то есть высокими умозрѣніями, „Упразднивый“ плотское и низкое соблюденіе законной буквы, „Той разори средостѣніе ограды“, не безъ огражденія оставляя народъ Свой, но пріемля его въ единый дворъ, „да будетъ едино стадо, и единъ Пастырь“ (Іоан. 10, 16). А теперь слово угрожаетъ отнять ограду, то есть лишить Израиля всякаго охраненія. И поелику Законъ данъ „чрезъ Ангеловъ рукою Ходатая“ (Гал. 3, 19), то, можетъ быть, подразумѣваетъ лишеніе охраненія Ангеловъ, стрегущихъ предѣлы Израиля. А поелику и каждый изъ васъ имѣетъ святаго Ангела „ополчающаго окрестъ боящихся Господа“, то онъ можетъ, по изобличеніи во грѣхахъ, сдѣлаться повиннымъ бѣдствію, изрекаемому въ сей угрозѣ; его перестанетъ закрывать стѣна, то есть, защита святыхъ Силъ, которыя, пока пребываютъ съ человѣкомъ, соблюдаютъ непреоборимыми охраняемыхъ ими. Всякая же душа, оставшаяся безъ этой защиты, предоставляется на разграбленіе врагамъ, то есть сопротивнымъ дѣятелямъ и на попраніе тому, кто хвалится и говоритъ: „прошедъ вселенную, сесмь“ (Іов. 1, 7). Подобное нѣчто говоритъ о винограде и Псаломъ: „вскую низложилъ еси оплотъ его?“ и: „озоба и вепрь отъ дубравы“ (Псал. 79, 14). Ибо не огражденные словомъ и Ангельскою силою преданы неразумнымъ движеніямъ и, отъ умножающагося въ нихъ зловонія грѣха, дѣлаются способными услаждаться свинымъ пиромъ, болѣе и болѣе взмѣшиваютъ грѣховную тину и валяются въ ней. Подобное нѣчто

говоритъ и Апостолъ: „якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія, творити неподобная“ (Рим. 1, 26. 28), то есть, отвергающіе охраненіе посредствомъ слова преданы скотскимъ помысламъ и злымъ бѣсамъ, внушающимъ нечистое. Но Израиля постигла сія угроза, когда, за грѣхъ противъ Господа, преданные и предоставленные язычникамъ, стали „въ разграбленіе и попраніе врагамъ“.

Потомъ сказано: „и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе“. Описывая выше Свои благодѣянія народу, говоритъ: „огражденіемъ оградихъ, и создахъ столпъ“. А здѣсь: „отъиму огражденіе его, и разорю стѣну“, вмѣсто столпа, какъ думаю, именуя стѣну; потому что и столпъ—четыре стѣны взаимно связанныя въ углахъ; почему и тамъ подъ столпомъ должно разумѣть опоясаніе винограда высокими стѣнами, чтобы противники не могли въ него входить и доставать его руками. И у насъ отнимается „стѣна“, когда своею лѣностію дѣлаемъ себя недостойными охраненія посредствомъ божественныхъ догматовъ. Ибо праведнику Богъ есть „столпъ отъ лица вражія“ (Псал. 60, 4), а у грѣшника, какъ презрѣннаго Богомъ, отъемлется всякая защита и оплотъ всякой твердыни.

„И оставлю виноградъ Мой, и ктому не обрѣжется, ниже покопается“. Изъ сего ясно видно, что оставленіе грѣшныхъ бываетъ по презрѣнію. Ибо о комъ Богъ промышляетъ, тѣмъ говоритъ слово: „не оставлю тебе, ниже презрю тя“ (Іис. Нав. 1, 5); а кого совершенно отвергъ, тѣхъ оставляетъ свободно творить „волю плоти и помышленій“ (Ефес. 2, 3); потому что вразумленіе будетъ для нихъ безполезно. Посему говоритъ: „оставлю виноградъ“. Что же отъ этого произойдетъ съ нимъ? „Ктому“, говоритъ Пророкъ, „не обрѣжется, ниже покопается“. Какъ обрѣзывающіе виноградъ поддерживаютъ въ немъ чрезъ это силу, такъ что она выходитъ бережливо и расчетливо, будучи направляема, куда нужно: такъ и душа, согбенная скорбями, какъ бы сгнетается и унижается съ пользою для нея, и приводится къ свойственному ей о себѣ попеченію, избирая въ дѣлахъ необходимое и полезное. А душа, оставленная на собственный произволъ, какъ брошенный виноградникъ безъ призрѣнія, разрастается въ вѣтви и истощается на не нужное и безполезное, все явленіе дѣлъ производя только на обольщеніе народа; ибо кто трудится для тлѣннаго, тотъ подобенъ винограднику, который воспитываетъ въ себѣ стволы, листья, и вьющіяся лозы, но не даетъ вина, производящаго веселіе и достойнаго царскихъ хранилищъ.

Посему оставленный виноградъ терпитъ два бѣдствія: сказано, что онъ „не обрѣзывается, ниже окапывается“. Объяснено также, что значитъ—„не быть обрѣзываему“, то есть, не быть поражаему ударами несчастій, что устрояется къ пользѣ скорбящихъ. „Окапывается“ же

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

Иже во святыхъ Отца нашего

ТИХОНА ЗАДОНСКАГО,

ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО.

Въ 2 томахъ, свыше 2000 стран. убористаго шрифта.
Цѣна 5 р., въ роскошныхъ перепл. 6 р. На перес. добавлять 50 коп.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ТОМЪ I. Записки о Святителѣ Тихонѣ его келейниковъ.

Сокровище духовное, отъ міра собираемое (свыше 150 духовно-нравственныхъ поученій на различныя темы).

Плоть и духъ. Собраніе нѣкоихъ нравоученій изъ Святого Писанія и толкователя онаго, св. Златоуста, великаго вселенныя учителя, съ приложеніемъ разсужденій, въ пользу духовную сочиненное.

Должность священническая. (О седьми тайнахъ святыхъ). Прибавленіе къ должности священнической (О тайнѣ святого покаянія).

Слова, говоренныя къ Воронежской паствѣ.

Краткія нравоучительныя слова.

Христіанскія наставленія.

Размышленія и благодаренія.

Письма келейныя и посланныя.

ТОМЪ II. Объ истинномъ христіанствѣ.—О словѣ Божіемъ.—О духовной мудрости.—О сердцѣ человѣческомъ.—О языкѣ человѣческомъ.—Какъ великое зло есть грѣхъ.—О пристрастіи ко грѣху.—О слѣпотѣ человѣческой.—О суетномъ украшеніи.—О гордости.—О завистн.—О гнѣвѣ и о злобѣ.—О клеветѣ и осужденіи.—О лжи, лести и лукавствѣ.—О праздности.—О пьянствѣ.—О сребролюбіи и лихоимствѣ.—О лихвѣ и процентѣ.—Объ обидѣ убогихъ.—О славолюбіи и честолюбіи.—Объ удаленіи отъ зла.—О гнѣвѣ Божіемъ противъ грѣха.—Какъ Богъ призываетъ грѣшника на покаяніе.—О надеждѣ и утѣшеніи кающихся.—Что есть покаяніе.—О плодахъ покаянія.—Угрозы некающимся.—О смерти.—О страшномъ судѣ.—О мукѣ вѣчной и о жизни вѣчной.—О страхѣ Божіемъ.—О смиреніи.—Объ отреченіи отъ міра.—О любви Божіей.—Объ узкомъ пути.—О терпѣніи.—О благодареніи Бога.—О надеждѣ.—О молитвѣ.—О любви къ ближнему.—О милости къ ближнему.—Объ отпущеніи согрѣшеній ближнему.—О любви ко врагомъ.—О концѣ добрыхъ дѣлъ.—О постоянствѣ въ вѣрѣ.—О Евангеліи.—О вѣрѣ.—О Святой Церкви.—О Святомъ Крещеніи.—О послушаніи Богу.—О прославленіи имени Божія.—О жертвѣ христіанской.—О подражаніи Богу.—О призываніи Бога.—О вѣрѣ во Христа.—О любви ко Христу.—О почитаніи страстей Христовыхъ—О работѣ Христу.—О послѣдованіи Христу вѣрою и любовію.—О храненіи вѣры.—О слушаніи и чтеніи слова Божія.—О христіанскомъ званіи.—О повседневномъ покаяніи.—О смертныхъ грѣхахъ.—О противленіи вожделѣніямъ и похотямъ плотскимъ.—О плодахъ вѣры и новаго рожденія.—Въ чемъ плоды оправданія.—Каковы обязанности христіанина, получившаго оправданіе.—Что должно побуждать христіанина избѣгать грѣха,—Чѣмъ утѣшаться христіанину въ скорбяхъ.—Объ успѣхѣ христіанскомъ.—О благородствѣ, достоинствѣ и красотѣ души человѣческой.—Объ истинной печали.—О совершеніи всѣхъ дѣлъ во славу Божію.—О побужденіи грѣшника къ покаянію.—О долгѣ христіанскомъ въ отношеніи къ ближнему.—О взаимныхъ христіанскихъ обязанностяхъ.—О христіанской власти и подвластныхъ.—О долгѣ монарховъ и подданныхъ ихъ.—О долгѣ судей и подсудимыхъ.—О долгѣ пастырей и паствы.—О долгѣ родителей и дѣтей.—О долгѣ мужей и женъ.—О долгѣ господъ и рабовъ.—Объ утѣшительныхъ плодахъ св. вѣры.—Духовное рожденіе.—Богъ, какъ Отецъ христіанъ.—Отечество христіанское.—Наслѣдіе христіанское.—Достоинство христіанское.—Помощь христіанская.—Пѣснь христіанская.—Радость христіанская.—Мудрость христіанская.—Свобода христіанская.—Работа христіанская.—Миръ христіанскій.—Бесѣда христіанъ съ Богомъ.—Утѣшеніе Св. Писанія.—Господь съ христіанами въ скорбяхъ.—Побѣда христіанина.—Кончина христіанина.—Воскресеніе христіанина.—Второе Христово пришествіе.—Торжество и слава избранниковъ Божіихъ.

Съ требованіями обращаться въ Книгоиздательство П. П. Сойкина.
(С.-Петербургъ, Стремянная, № 12).

Поступили въ продажу полные комплекты журнала

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

ЗА 1905-Й ГОДЪ.

Въ №№ журнала 1905-го года помѣщены поученія Приснопамятнаго Молитвенника земли Русской **Отца Іоанна Кронштадтскаго.**

52 **№№ ЖУРНАЛА,** до 2.000 ст. текста извѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей и до 300 иллюстрацій. Въ журналѣ дается мѣсто исключительно такому чтенію, которое находитъ откликъ во всякой душѣ, ищущей назиданія и умиротворенія.

12 **КНИГЪ** 2.000 стр. **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,**

заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и разсказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, **описанія святынь, путешествій по святымъ мѣстамъ** и т. п.

1. **ЯПОНІЯ И ЯПОНЦЫ.** Страна, религіозный, государственный и домашній бытъ японцевъ. Очеркъ **Мих. Федорова.**
2. **ВРАСПЛОХЪ.** Повѣсть изъ событій русско-японской войны. **Ал. Лаврова.**
3. **СВЯТАЯ КНЯГИНЯ.** Историческая повѣсть **Вл. И. Лаврова.**
4—5. **АВРЕЛІЯ.** Повѣсть изъ перваго вѣка христіанства. Переводъ съ французскаго. **Л. Окромѣшко.**
5. **ОГНЕВЫЙ ЕРЕТИКЪ.** Церковно-историческая повѣсть изъ XVII вѣка. **Н. Алексѣева - Кунгурцева.**
7. **ВОРОНОГРАЙ.** Историческая повѣсть изъ XV вѣка. **Н. Лихарева.**
8. **ВЪ МІРѢ СКАЗАНІЙ.** Очерки народныхъ взглядовъ и повѣрій. **А. А. Коринескаго.**
9. **ВЪ ГРОЗНУЮ ПОРУ.** Историческая повѣсть изъ войны 1812 года. **Н. Бутунова.**
10. **ВЪ СТАРОДАВНІЕ ГОДЫ** Историческая повѣсть изъ первой половины XI-го вѣка. **Л. Волкова.**
11. **ЗОЛОТЫЯ СЛОВА.** Сборникъ проповѣдей русскихъ церковныхъ витій. Посвящается о. Іоанну Кронштадтскому. Составилъ **Ф Думскій.**
12. **ЖИДОВСКОЕ ПЛѢНЕНІЕ.** Историческія картины изъ былого Руси конца XV вѣка. Въ 2 част. **Н. Стрѣшнева.**

6 **КНИГЪ** 1000 стр. **ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.**

Сочиненіе **Ф. В. Фаррара.** Полное иллюстриров. изданіе съ предисловіемъ и пояснительн. примѣчаніями Магистра Богословія священника **М. П. Ѳивейскаго.**

КРОМѢ ТОГО,

ХОЖДЕНІЕ ХРИСТА ПО ВОДАМЪ.

Копія съ картины проф. **И. К. Айвазовскаго,** исполненная на металлѣ въ 20 красокъ.

Цѣна полнаго комплекта журнала „Русскій Паломникъ“ за 1905-й годъ **5 рублей** съ перес. по Европ. Россіи. На пересылку въ Азіатск. Россію слѣдуетъ добавлять 1 руб.

ТИП. Я.П. СОЙКИНА, СТРѢЛЬЧАНАЯ Д. 12.